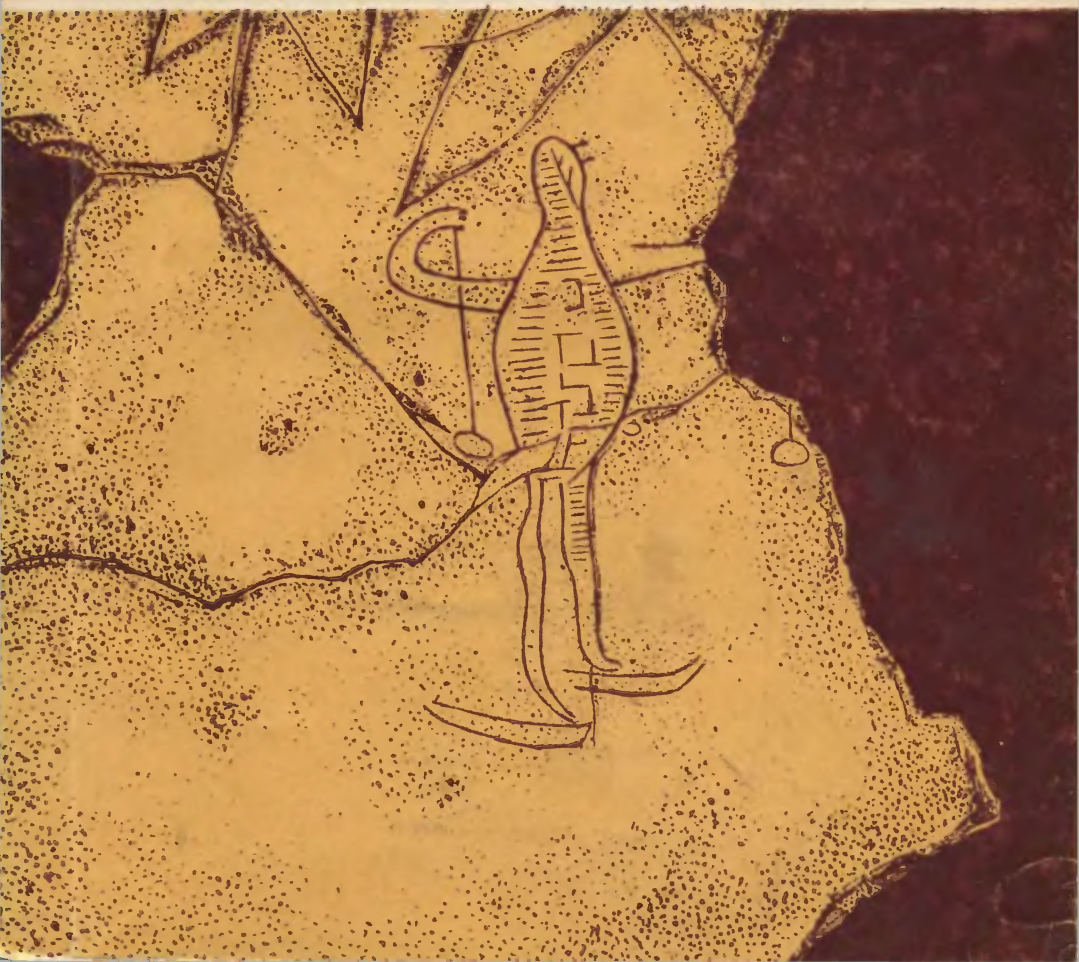

А 87

79

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

79

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

БИБЛИОТЕКА

Межвузовский сборник включает статьи по проблемам археологии восточноевропейской лесостепи периодов энеолита, бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. Наряду с публикацией результатов исследования отдельных памятников в сборнике поднимаются и решаются проблемы, связанные с осмыслением культурно-исторических общностей III—II тыс. до н. э., сарматских и славянских древностей I тыс. н. э. Много внимания уделяется их социально-экономической и общен исторической оценке.

Издание предназначено для археологов, историков, студентов, краеведов и всех интересующихся древнейшей историей.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Воронежского университета

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук А. Д. Пряхин (науч. ред.), проф. Н. Я. Мерперт,
д-р ист. наук С. А. Плещева, канд. ист. наук А. З. Вилинков

ИБ № 395

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Редактор В. А. Муконина
Обложка художника В. А. Преснякова
Технический редактор О. В. Нагаева
Корректор Т. Н. Карабут

ЛЕ03301. Сдано в набор 16.11.78. Подп. в печ. 22.03.79.
Форм. бум. 60×84/16. Бумага № 2. Литературная гарнитура. Печать
высокая. Усл. п. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 1000. Заказ 111. Цена 55 коп.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Типография издательства ВГУ
Воронеж, ул. Пушкинская, 3

ОТ РЕДАКТОРА

Лесостепные районы Восточной Европы¹ с благоприятными, способствующими развитию производящих отраслей хозяйства природно-климатическими условиями (сочетание лиственных лесов и степных пространств, целая система рек с богатейшими поймами) играли существенную роль в развитии исторического процесса на так называемой первобытной периферии древневосточных цивилизаций Старого Света, а затем и в исторических судьбах раннеклассовых образований Европейского континента.

Многими десятилетиями исчисляется история крупномасштабных археологических исследований в лесостепной зоне Восточной Европы. В то же время осмысление полученных данных велось подчас без учета особенностей этой зоны. Последнее было свойственно изучению проблематики эпохи бронзы, что определялось бытованием затем не подтвердившейся теории о существовании в эпоху бронзы так называемого ксеротермического периода, согласно которому районы современной лесостепи были заняты на значительном отрезке II тыс. до н. э. степными пространствами². Но подход к исторической оценке древностей восточноевропейской лесостепи с учетом особенностей этой зоны все более пробивал себе дорогу и постепенно становился господствующим в советской археологии.

Сложились и соответствующие научные центры. Одной из баз такого рода исследований в течение почти трех послевоенных десятилетий являлась археологическая экспедиция

¹ В определении границ лесостепи мы следуем за Ф. Н. Мильковым (см. Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. М., 1964, с. 131).

² Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. М.—Д., 1935.

Воронежского университета, ведущая систематические полевые работы преимущественно в лесостепном Подонье. Указанные исследования выполняются совместно с учеными высших учебных заведений ряда городов Российской Федерации и Украинской ССР под эгидой Института археологии АН СССР. Известным итогом этих работ явилось оформление при кафедре археологии и истории древнего мира Воронежского университета научного направления «Восточноевропейская лесостепь и развитие обществ с производящей экономикой» (периоды энеолита, бронзы, раннего железного века и раннего средневековья). Это время, когда в лесостепных районах Восточной Европы происходило развитие обществ с производящей экономикой как позднего этапа первобытно-общинной социально-экономической формации, так и раннеклассовых формаций.

Важность разработки указанной проблематики определяется прежде всего тем, что анализу подвергаются данные, имеющие существенное значение для дальнейшего выяснения общих закономерностей и специфических особенностей развития обществ с производящей экономикой как на позднем этапе первобытнообщинного строя, так и на переходном этапе к классовым отношениям у массивов населения, образовывавших взаимодействующую с древними цивилизациями Востока так называемую первобытную периферию. Принципиальная значимость данной тематики определяется и тем, что за исследуемыми археологическими культурами и культурно-историческими образованиями стоит этногенез и ранняя история целого ряда народов нашей страны, особенно славянских, индоиранских, финноугорских, тюркоязычных. Весьма важно и то обстоятельство, что анализируемая территория, по мнению целого ряда исследователей, включалась в зону, занятую древнейшими индоевропейцами.

Применительно же к древностям последних веков I тыс. н. э. это уже проблематика, связанная с анализом археологических данных по раннефеодальным государственным образованиям Восточной Европы, среди которых важнейшее значение имело Древнерусское государство.

Сейчас со всей определенностью можно говорить о том, что в лесостепной зоне Восточной Европы, особенно начиная с эпохи бронзы, сформировались культурно-исторические образования, в своей основе не выходящие за пределы этой зоны. Для эпохи бронзы наиболее показательно становление во-

второй четверти II тыс. до н. э. абашевской культурно-исторической общности, основной массив памятников которой охватывал лесостепную территорию, ограниченную на западе левыми притоками Днепра и на востоке распространявшуюся в Зауралье. Для эпохи раннего железного века — это складывание лесостепных так называемых скифоидных культур. А в более позднее время в поднепровской лесостепи сформировалось ядро Древнерусской государственности.

Лесостепь способствовала становлению на ее просторах обществ со своего рода комплексным скотоводческо-земледельческим или земледельческо-скотоводческим хозяйством. Применительно же к территориям к востоку от Днепра такого рода процесс периодически нарушался прямым воздействием степных массивов населения. Это и постепенное распространение в лесостепь степных скотоводов, приводившее к оформлению мощнейших культурно-исторических образований, включавших в себя как степные, так и лесостепные массивы населения, и кинжальные походы кочевых скотоводов, имевшие своей конечной целью грабеж оседлых массивов населения. Результатом распространения в лесостепь степных скотоводов являлось периодическое возобладание там скотоводческого уклада. В то же время лесостепь оказала существенное влияние и на характер хозяйства распространявшихся туда групп скотоводов. В этом плане показателен пример срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы: у лесостепных групп населения в отличие от степных отмечается наличие оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства и стационарных поселков со значительным культурным слоем.

Складывающиеся в лесостепи культурно-исторические образования в конкретных исторических обстоятельствах находились в разных взаимоотношениях со степными скотоводами: от фиксируемого археологически их культурно-исторического единства (пример катакомбной и срубной культурно-исторических общностей эпохи бронзы или пример скифского мира эпохи раннего железного века) до резкого противостояния оседлых массивов населения лесостепи степным кочевникам (пример взаимоотношения Древнерусского государства со степными кочевниками). Причем, в последнем случае Древняя Русь, стремясь обезопасить свои территории от опустошительных набегов кочевников, создавала на юго-восточных рубежах целые системы укрепленных поселков. Не ис-

ключено, что именно этим обстоятельством объясняется появление в IX—X вв. укрепленных древнерусских поселков по р. Дон и р. Воронеж. Именно в это время Древнерусское государство, распространившись к рубежам Хазарии, стремилось к созданию мощных форпостов буквально по границе с «хазарским» миром. Так древнерусское городище на горе Трудень (Титчихинское) отделяло от Дивногорского комплекса памятников салтово-маяцкой культуры (городище, селище, могильник) только несколько десятков километров.

Нами названы лишь некоторые аспекты проблемы. Нетрудно заметить, что составляя единое целое, рассматриваемая проблематика включает в себя существенные звенья более крупных общенсторических проблем как позднего этапа первобытнообщинной формации, так и раннеклассовых обществ. Это и проблема развития так называемой скотоводческой периферии земледельческих цивилизаций Древнего Востока, и многогранная проблематика, связанная с осмыслением скифо-сарматского мира, и происхождение и ранняя история славянства и их восточной группировки, и осмысление археологических данных по истории Древнерусского государства, включая вопрос о восточных рубежах Древней Руси и ее взаимоотношении с восточными соседями.

Вполне понятно, что предлагаемый вниманию читателя сборник не может исчерпать всей обозначенной проблематики. Им, скорее всего, открывается издание серии тематических сборников в русле названного научного направления.

Н. Я. МЕРПЕРТ, А. Д. ПРЯХИН

СРУБНАЯ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЛЕСОСТЕПЬ

Проблема срубной культуры, ныне срубной культурно-исторической общности, выделенной в начале века В. А. Городцовым по материалам раскопок в бассейне Северского Донца еще в начале XX в., в течение уже многих десятилетий волнует ученых. Очевидны успехи в полевом исследовании срубных древностей. Решающие вехи их изучения включают в себя до-революционные раскопки В. А. Городцова в бассейне р. Донца¹, довоенные работы П. С. Рыкова и его учеников в Нижнем Поволжье², работы В. В. Гольмстен в Куйбышевском Поволжье³ и Г. В. Подгаецкого в Подонье⁴, послевоенные

¹ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1910 года.— «Труды XII АС». М., 1905, т. I; Он же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года.— «Труды XIII АС». М., 1907, т. I; Он же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. М., 1915.

² Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье.— ИСНИК, 1927, т. II; Он же. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936; Rykov P. Die Chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der Unteren Wolga.— ESA, 1927, I; Pau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927; Pau P. Hochergäber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928.

³ Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии.— «Бюллетень ОАИЭ». Самара, 1925, № 5; Она же. Археологические памятники Самарской губернии.— «Труды секции археологии РАНИОН». М., 1928, I.

⁴ Подгаецкий Г. В. Гор. Воронж.— В кн.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.— Л., 1941, с. 156—160.

раскопки Куйбышевской (Н. Я. Мерперт, А. Х. Халиков, А. Е. Алихова, Н. В. Трубникова и др.)⁵ и Волгоградской (И. В. Синицын, К. Ф. Смирнов, В. П. Шилов и др.)⁶ новостроечных экспедиций ИА АН СССР, работы последних десяти-пятнадцати лет на широкой территории от районов Причерноморья до Приуралья (по масштабам и значимости полученных результатов заметно выделяются работы Средневожской экспедиции под руководством Г. И. Матвеевой и И. Б. Васильева⁷, раскопки С. С. Березанской в северных, А. М. Лескова, О. Г. Шапошниковой, Д. Я. Телегина и других в южных районах Украины⁸ и экспедиций Днепропетровского и Воронежского университетов в Днепровском Левобережье и в лесостепном Подонье⁹

В монографиях и обобщающих статьях ряда авторов в той или иной степени подняты и решены многие аспекты срубной проблематики. В то же время ныне ясно ощущается отсутствие обобщающего исследования по срубной культурно-исторической общности. Его отсутствие не могут вос-

⁵ Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, 42; Он же. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, 61; Он же. Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 1962, 111; Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье.— МИА, 1954, 42; Алихова А. Е. Комаровское поселение у Моечного Озера.— МИА, 1958, 61; Трубникова Н. В. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе.— МИА, 1958, 61.

⁶ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, 60; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.).— МИА, 1960, 78; Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, 60; Он же. Быковские курганы.— МИА, 1960, 78; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, 60.

⁷ Агапов С. А., Васильев И. Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья, вып. 2. Куйбышев, 1976; Васильев И. Б., Пятых Г. Г. Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье.— Там же, вып. 1.

⁸ Лесков А. М. Раскопки курганов на юге Херсонщины и некоторые вопросы истории племен бронзового века Северного Причерноморья.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967; Он же. Срубная культура.— В кн.: Археология Украинской РСР, т. 1. Київ, 1971, с. 404—428; Древности Поингуля. Под ред. О. Г. Шапошниковой. Киев, 1977; Вильняские курганы в Днепровском Надпорожье. Под ред. Д. Я. Телегина. Киев, 1977.

⁹ Ковальова І. Ф., Волкобой С. Н. Маївський локальний варіант зрубної культури.— В кн.: Археологія, вып. 20. Київ, 1976; Прянин А. Д.; Сагайдак В. И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры.— СА, 1975, 2.

полнить весьма интересные исследования по срубным древностям отдельных районов этой общности (А. М. Лескова и И. Н. Шарафутдиновой по территории Причерноморья¹⁰, П. Д. Либерова, А. Д. Пряхина, Н. Н. Чередниченко по территории Подонья¹¹, Н. Я. Мерперта, И. В. Синицына, В. П. Шилова, Н. К. Качаловой, А. Х. Халикова и других авторов по отдельным районам Поволжья¹², К. В. Сальникова, Ю. А. Морозова, В. С. Горбунова по Приуралью¹³). Известная монография О. А. Кривцовой-Граковой¹⁴, которая в свое время сыграла выдающуюся роль в осмыслении срубной проблематики, ввиду накопления огромных новых материалов ныне может быть использована уже прежде всего в историко-графическом плане.

Заметим, что число известных поселений и могильников сейчас, надо думать, исчисляется уже многими тысячами. Правда, пока никто не ставил перед собой задачи составить карту их распространения. Примечательно, что А. Х. Халиков на карте срубных памятников в Поволжье поместил только наиболее северные из них, и их оказалось более 170¹⁵. А в лесостепном Подонье число известных только бытовых сруб-

¹⁰ Лесков А. М. Предскифский период на Украине. Автореф. докт. дис. М., 1975; Шарафутдинова И. Н. К вопросу о сабатиновской культуре.— СА, 1968, 3.

¹¹ Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964; Он же. Древняя история населения Подонья. Автореф. докт. дис. М., 1971; Пряхин А. Д. История населения Верхнего и Среднего Подонья во II — начале I тыс. до н. э. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1966; Он же. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973; Чередниченко Н. Н. История срубных племен Подонья (XV—IX вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. Киев, 1973.

¹² Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья; Синицын И. В. Памятники родового общества степей Заволжья.— «Учен. зап. Сарат. ун-та», 1958, т. 66; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана; Он же. Археологические исследования Заволжского отряда; Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975; Качалова Н. К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1965; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 209—237.

¹³ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 148—240; Морозов Ю. А. История племен срубной культуры бельско-уральского междуречья. Автореф. канд. дис. М., 1977; Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на Правобережье Демы (Башкирия).— СА, 1977, 1.

¹⁴ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, 46.

¹⁵ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, рис. 48.

ных памятников превышает ныне 500¹⁶. Число срубных памятников неизменно пополняется в ходе каждого археологического сезона. Коллекции их материалов заполнили фонды десятков государственных и сотни народных и школьных музеев. Исследователи же, в той или иной степени касаясь срубной проблематики, часто предпочитают опираться преимущественно на результаты собственных раскопок и на уже введенные в научный оборот коллекции.

Все более подтверждается тезис не только о грандиозности масштабов основной территории этой культурно-исторической общности, локализующейся в пределах степной и лесостепной зон Восточной Европы, но и о распространении срубных культурных элементов далеко за ее пределами. Проблема же срубной культурно-исторической общности по праву превращается в одну из ключевых проблем археологии эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи, и более того, — в одну из значительнейших проблем археологии II тыс. до н. э.

Для ее разработки ныне уже невозможно действовать только в традиционных рамках усилий отдельных исследователей, как, впрочем, и отдельных экспедиций. Необходимы создание соответствующего исследовательского коллектива, определение основных направлений и этапов разработки проблемы, выработки единых критериев оценки материалов.

Не претендуя на анализ проблемы в целом, остановимся на некоторых ее аспектах применительно к лесостепной зоне. При этом мы исходим из ныне достаточно очевидного тезиса о заметных различиях срубных древностей степной и лесостепной зон, с наибольшей четкостью обоснованного Н. К. Качаловой¹⁷. Сущность этих различий в значительной степени обуславливается природно-климатическими особенностями обеих зон, что прежде всего нашло отражение в хозяйстве. В лесостепи это и более оседлый характер скотоводства (значителен процент костей свиньи на большинстве поселений этого района: Зимница II — 17,1%, хутор Хайловщина — 14,1, Пер-

¹⁶ Пряхин А. Д. Население срубной культуры на Верхнем и Среднем Дону. — В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, с. 82, рис. 1; Сагайдак В. И. Поселения срубной культурно-исторической общности в бассейне р. Битюга. — В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 5. Воронеж, 1975, с. 156—157, рис. 1.

¹⁷ Качалова Н. К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры. — АСГЭ. Л., 1972, 16.

вос Масловское — 15,5, Менделеевское I — 16,7, Волчий овраг — 10,0, Вогресовская дамба — 8,1% ¹⁸), и известное значение в хозяйстве земледелия, с чем связано появление именно на территории лесостепи большого числа поселений с относительно мощным культурным слоем. В степной же зоне отмечается подвижный характер скотоводства при значительно меньшем числе фиксируемых свидетельств в пользу занятия населения земледелием. В составе стада здесь, судя по данным целого ряда поселений, костей свиньи уже совсем или почти нет (Успенское поселение — нет, Максютово и Осинов Гай — по 0,4% и т. д.). В то же время резко увеличивается число особей мелкого рогатого скота (по тем же поселениям соответственно 29,2%, 26,4 и 30,4%) ¹⁹. Подвижный характер скотоводства срубных племен В. П. Шиловым реконструируется и по данным погребальных памятников степной зоны: в срубных погребениях Нижнего Поволжья при практически полном отсутствии находок костей свиньи, кости мелкого рогатого скота составляют даже 53,78% от всех костей домашних животных ²⁰. Возможность регулярных передвижений документируется обнаружением великолепного изображения колесницы на сосуде из срубного захоронения 2 кургана 2 в могильнике по р. Сухой Саратовке (раскопки 1975 г. под руководством Л. Л. Галкина) ²¹ и более схематическими изображениями колесниц и колес на срубных сосудах других территорий ²².

Таким образом, можно утверждать, что ландшафтно-климатические и почвенные особенности лесостепи способствовали становлению здесь своеобразной, отличной от степной модели (моделей?) хозяйства срубного населения — своего рода комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Скотоводство, скорее всего, носило пастушеский придомный ха-

¹⁸ Качалова Н. К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры, с. 16, табл. II; Пряхин А. Д. Древнее население Песчанки, табл. 3.

¹⁹ Качалова Н. К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры, с. 16, табл. II.

²⁰ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья, с. 65—66, табл. III.

²¹ Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья. — СА, 1977, 3.

²² Чередниченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы. — В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 138—140, рис. 4, 1; 5; 6.

ракти. В степной же зоне развивались подвижные формы скотоводства ²³.

Исходя из сказанного, полагаем, что сейчас при анализе срубных древностей вряд ли оправдано рассматривать их в пределах бассейнов больших рек, так как это зачастую ведет к пестроте исходных позиций анализа, заметно усложняет задачу исследования и в известной степени нарушает цельность и конкретность выводов (например, в весьма ценной кандидатской диссертации Н. Н. Чередниченко предметом исследования избраны срубные памятники как степной, так и лесостепной зон Подонья и Донца, каждая из которых к тому же включает в себя еще и разные варианты) ²⁴.

Думается, что Н. К. Качаловой в принципе глубоко верно определено и место лесостепи в процессе формирования и дальнейшего распространения носителей срубной общности. Это предположение о разных источниках формирования срубников (включая мысль о том, что в территорию прародины срубников входило Куйбышевское и Ульяновское Поволжье), и мнение о том, что движение срубных племен по лесостепи начинается с северо-восточных районов на запад ²⁵. Заметим, что первый из ее тезисов находит полное подтверждение в результатах работ последних лет Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского университета и пединститута. Что же касается тезиса о движении срубников по лесостепи к западу, то он, по наблюдениям С. И. Круц, подтверждается и данными антропологии ²⁶.

Формирование древнейших групп лесостепного срубного населения представляло собой достаточно сложный процесс. Оно не может быть сведено только к простому продвижению в лесостепь с юга степных скотоводов (потомков создателей так называемой полтавкинской культуры Нижнего Поволжья). Последние открытия в районе Самарской Луки, в Приуралье и Зауралье позволили определить на южной гра-

²³ Шилов В. П. Модели скотоводческого хозяйства степных областей Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века.— СА, 1975, 1.

²⁴ Чередниченко Н. Н. История срубных племен Подонья, Автореф. канд. дис.

²⁵ Качалова Н. К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре.— АСГЭ. Л., 1977, 18, с. 27.

²⁶ Круц С. И. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 227.

нице самой лесостепи ряд культурных феноменов, сыгравших весьма значительную роль в отмеченном процессе.

Своего рода реперами разных этапов развития эпохи бронзы является серия памятников по р. Самаре — среди них синхронный полтавкинским памятникам, но своеобразный Утевский могильник, Синташтинский комплекс памятников в Зауралье и многие другие. Именно в этой контактной зоне намечается определенная преемственность между раннесрубными памятниками и специфическими группами памятников предшествующего периода (своего рода пережиточными ямниками или протосрубниками).

Уже для наиболее раннего периода существования срубного населения со все большей четкостью определяется важность не столько долготных, сколько широтных связей лесостепных срубных племен. Эти связи были весьма существенным фактором в процессе формирования срубной культурно-исторической общности. Именно наличием широтных связей в евразийской степи и лесостепи в эпоху бронзы определяется прежде всего распространение сырья, особенно металла. Именно по широтной цепочке расположены памятники с сейминско-турбинскими бронзами (Самусь, Ростовка, Турбино, Соколовка, Сейма, Решное и др.)²⁷. Такого рода связями объясняется и влияние алакульцев на срубников, как, впрочем, и на поздняковцев. Есть основание предполагать наличие в середине — второй половине II тыс. до н. э. где-то на стыке лесостепной и степной зон и в северных предслах последней традиционного сухопутного пути (путей?), связывавшего в то время огромные пространства обеих зон.

Утверждением тезиса о различиях срубных древностей степной и лесостепной зон отнюдь не снимается вопрос о локальных особенностях этих древностей внутри каждой из названных зон. Но выделение их локальных вариантов, а тем более отдельных культур внутри срубной общности пока крайне затруднено. Последнее объясняется как недостаточным уровнем анализа соответствующих источников, так и наличием значительного числа общих, нивелирующих признаков,

²⁷ Бадер О. Н. Новый могильник сейминского типа на Оке. — СА, 1978, 1; Черных Е. Н. Металл, человек, время. М., 1971, с. 55—58; Матюшенко В. И. Среднеиртышский центр производства турбинско-сейминских бронз. — В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978; Кузьминых С. В. О химическом составе металла Соколовского могильника. — СА, 1977, 4.

прослеживаемых на гигантской территории и обуславливающих выделение (а в равной мере, и объединение) срубной культурно-исторической общности. Между тем выделение локальных вариантов срубной общности на территории лесостепи, безусловно, перспективно. Первые целенаправленные шаги в этом направлении предприняты Н. К. Качаловой, которая попыталась обосновать наличие трех лесостепных вариантов срубных древностей: северо-восточного (Среднее Поволжье и Приуралья), среднедонского (Верхнее и Среднее Подонье до р. Суры — на востоке, до линии Тамбова — на севере, до р. Оскола — на западе) и северо-западного (бассейн Северского Донца в его верхнем течении и левобережные притоки Днепра) ²⁸.

Наибольшая сумма информации имеется по срубникам Среднего Поволжья и Приуралья, особенно в результате раскопок в Заволжье средневожской экспедиции Куйбышевского университета и пединститута (И. Б. Васильев, Г. И. Матвеева, С. А. Агапов и др.), работ Л. Л. Галкина и Г. М. Бурова ²⁹, а также исследований на территории Приуралья, суммированных в кандидатской диссертации Ю. А. Морозова ³⁰. Резко возросло число данных и по среднедонскому району, особенно в связи с работами в зонах Воронежского и Липецкого водохранилищ (руководитель Б. Г. Тихонов) и раскопками Мосоловского поселения (руководители А. Д. Пряхин и В. И. Сагайдак) ³¹. Несколько менее интенсивно росло число свидетельств по северо-западному району, однако и здесь за последние годы получены достаточно интересные новые материалы ³².

Ключевые позиции в лесостепи занимает волго-уральский

²⁸ Качалова Н. К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре, с. 24 и сл.

²⁹ Буков Г. М. Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск, 1974.

³⁰ Морозов Ю. А. История племен срубной культуры бельско-уральского междуречья. Автореф. канд. дис.

³¹ Тихонов Б. Г. Воронежская новостроечная экспедиция.— АО 1971 года. М., 1972; Он же. Металлургия лесостепных племен междуречья Волги и Дона.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1978; Пряхин А. Д., Сагайдак В. И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры.

³² Шаповалов Т. А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976; Чередниченко Н. Н. Поселение срубной культуры на Луганщине.— СА, 1970, 1.

вариант, на территории которого фиксируются фактически все этапы развития срубных древностей, начиная с группы памятников, в материальной культуре которых отмечаются полтавкинские черты, а также прямые реминисценции специфических — наиболее поздних — древнеямных групп этого района. Поэтому есть основания полагать, что эта территория включалась в зону становления срубников. Одной из весьма важных особенностей срубных древностей этого района является наличие значительных проявлений, отражающих интенсивный характер взаимоотношений срубной и алакульской культур в период их становления. К. Ф. Смирновым и Э. А. Федоровой-Давыдовой в Приуралье с должным основанием выделяются даже смешанные срубно-алакульские памятники³³. А Г. Б. Зданович вообще считает возможным говорить о единой срубно-алакульской культурно-исторической общности³⁴.

Думается, что и в пределах волжско-уральского лесостепного варианта срубных древностей со временем удастся определить более узкие локальные группы. Вспомним попытку А. Х. Халикова охарактеризовать мокшанско-присурскую, правобережную волжскую и волго-камскую группы срубных памятников³⁵. И одну из основных особенностей мокшанско-присурской группы А. Х. Халиков видит в близости ее донским срубным памятникам, а характерной чертой волго-камской группы он считает наличие там существенного андроновского влияния.

Историко-культурная оценка лесостепных донских срубников определяется тем, что для этой территории (или, по крайней мере, для большинства ее районов) срубное население являлось пришлым с более восточных территорий. Оформление данного локального варианта происходило в результате взаимодействия продвинувшихся сюда срубников и уже имеющегося здесь населения доно-волжской абашевской культуры с последующим включением последнего в срубную культурно-историческую общность. Собственно за этим стоит

³³ Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 135 и др.; Она же. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.

³⁴ Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы петропавловского Приишмыя. Автореф. канд. дис. М., 1976.

³⁵ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, с. 220.

весь спектр проявлений на археологическом материале проблемы соотношения древностей доно-волжской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности. Одной из конкретных форм названного процесса было оформление своего рода синкретических абашевско-срубных памятников³⁶.

По имеющимся сейчас данным, именно на поселениях этого района чаще всего встречаются свидетельства металлообработки (Мосоловка, Вогрэсовская дамба, Отрожка, Боровое и многие другие).

Что же касается так называемого северо-западного локального варианта, то его выделение документировано пока в значительно меньшей степени. Памятники данного варианта обнаруживают, с одной стороны, известную близость с лесостепными донскими срубными памятниками. В то же время часть их, особенно те, которые тяготеют к степным районам, обнаруживают известное число черт, являющихся своего рода реминисценциями влияния катакомбников,— распространение западной ориентировки костяков, наличие веревочной ornamentации на ряде сосудов и т. д. А на памятниках степного левобережья Днепра отмечается даже сочетание срубных и многоваликовых катакомбных черт, что особенно проявляется в памятниках маевского типа³⁷.

Говоря о выделении лесостепных локальных вариантов срубных древностей и, безусловно, поддерживая основные положения исследования Н. К. Качаловой, в то же время нельзя не отметить, что вопрос о конкретных признаках этих вариантов потребует дальнейшей разработки и уточнений. Ряд таких признаков выделен совершенно правильно. Значение других более относительно. Так, дискуссионен тезис о приземистости среднедонских срубных сосудов и о распространенности именно на сосудах этого района украшения придонной части, тезис о преимущественном наличии вытянутых стройных пропорций у сосудов волго-уральского района³⁸. Во всяком случае, Н. К. Качаловой положено начало принципиаль-

³⁶ Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977, с. 8 и сл.

³⁷ Ковальова И. Ф., Волкобой С. С. Маївський локальний варіант зрубної культури, с. 16—21.

³⁸ Качалова Н. К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре, с. 25—26.

но важному направлению исследований, перспективы которого весьма значительны.

В связи с анализом древностей срубной культурно-исторической общности лесостепной зоны очерчивается и еще одна проблема — влияние срубников на население более северных районов. Так, исследователи неоднократно подчеркивали наличие срубного компонента в поздняяковской культуре³⁹. В немалой степени решение вопроса о происхождении поздняяковцев сводится к сопоставлению поздняяковских древностей и древностей лесостепного донского варианта срубной общности. Срубный компонент весьма ощутим в выделенной А. Х. Халиковым приказанской культуре, особенно в памятниках балымско-карташихинского ее этапа⁴⁰. Еще одно направление для выяснения влияния срубников на более северные территории — пока мало разработанная проблема соотношения срубных и черкасульских древностей.

Если культурная особенность массивов срубного населения степи и лесостепи связывается с различиями географического и экономического характера, а специфика его локальных вариантов в значительной степени обуславливается историческим окружением, то нивелирующие, связующие признаки срубной культурно-исторической общности находятся вне прямой зависимости от подобных различий. Они порождены единством ритуалов, идеологических представлений и позволяют уверенно предполагать не хозяйственный, а этнический характер общности. Причем уровень консолидации внутри нее был качественно более высоким, нежели, например, уровень консолидации в целом более ранней абашевской культурно-исторической общности, которая, скорее всего, также состояла из этнически близких между собой групп. Примером же культурно-исторического образования эпохи бронзы, носящего более хозяйственно-исторический, нежели этнический характер, являются андроновские древности, к которым К. Ф. Смирнов и Е. Е. Кузьмина, правда, применяют

³⁹ Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 59; Попова Т. Б. Происхождение поздняяковской культуры. — «Труды ГИМ». М., 1960, вып. 37, с. 44 и сл.; Она же. Племена поздняяковской культуры. — В кн.: Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970, с. 171—173.

⁴⁰ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, с. 259 и др.

термин «андроновская этнокультурная общность»⁴¹. Но с выделением теми же авторами древностей новокумакского хронологического горизонта, составляющих подоснову развитого алакуля⁴² (по Г. Б. Здановичу это памятники петровского типа⁴³, по В. Ф. Генингу — памятники типа Синташты⁴⁴), федоровцы и алакульцы теперь могут рассматриваться как разные линии развития в пределах андроновской историко-культурной области.

Накопление и анализ новых — и прежде всего лесостепных — материалов предопределили возможность создания значительно более конкретной и детальной, и, что главное, — значительно более исторически сопряженной, чем это было в представленных ранее схемах, периодизации срубных древностей (периодизации О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, А. И. Тереножкина, Н. Н. Чередниченко, М. Гимбутас)⁴⁵. Обоснование такой периодизации заметно усиливается возможностью ее сопоставления с разработанными ныне схемами развития абашевской, алакульской и других хронологически близких культурно-исторических образований.

Схема О. А. Кривцовой-Граковой, постулировавшая два этапа развития срубных древностей и являющаяся для своего времени значительным достижением в обосновании их хронологии, ныне удовлетворить не может и требует определенного пересмотра с выделением более drobных этапов — как общих,

Кузьмина Е. Е., Смирнов К. Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. — В кн.: Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977, с. 21—22.

⁴² Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

⁴³ Зданович Г. Б. Стратиграфия поселения Новоникольское I. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 118—119, 123—124.

⁴⁴ Генинг В. Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н. э. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов). Киев, 1975; Он же. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — СА, 1977, 4.

⁴⁵ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, с. 7; Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, с. 73, 81, 101, 140, 151; Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода. — СА, 1965, 1; Чередниченко М. М. Хронология зрубної культури Північного Причорномор'я. — В кн.: Археологія, вып. 22. Київ, 1977, с. 3 и сл.; Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. London—Paris, 1965.

так и для конкретных территориальных групп. Думается, что сейчас требуют пересмотра и дальнейшего развития и имеющиеся попытки внести в схему О. А. Кривцовой-Граковой отдельные уточнения (например, уточнения, предложенные А. И. Тереножкиным).

То же следует сказать и о схеме М. Гимбутас, распространившей период существования срубного населения в Поволжье почти на все II тыс. до н. э. с выделением трех субпериодов: полтавкинского, классического, который, в свою очередь, делится на ранний и поздний этап, и завершающего. Причем поздний этап классического срубного периода подразделяется на покровскую и ягодную фазы. По мнению М. Гимбутас, примерно около 1100 г. до н. э. основной массив срубников покидает Поволжье и распространяется в юго-западном направлении.

Н. Н. Чередниченко недавно предложена достаточно интересная схема развития срубных древностей Северного Причерноморья. Он выделяет первый период, включающий так называемую старшую и младшую покровские ступени, второй, состоящий из старшей и младшей сабастиновской ступеней, и финальный — белозерский этап. Однако схема касается прежде всего памятников указанной территории (хотя при создании ее привлечены и более восточные материалы).

Определенных коррекций и дополнений требует и предложенная для лесостепных районов Куйбышевского Поволжья схема Н. Я. Мерперта. Для подобных коррекций чрезвычайно важны как данные смежных, исторически взаимосвязанных со срубной культур (хронологический анализ Синташтинского комплекса памятников в Зауралье, произведенный В. Ф. Генингом, обоснование К. Ф. Смирновым и Е. Е. Кузьминой новокумакского горизонта, а А. Д. Пряхиным — позднего этапа абашевских древностей и др.), так и обоснование целесообразности выделения тех или иных хронологических горизонтов в ходе развития срубных древностей. Принципиальное значение имеет вычленение Н. К. Качаловой по материалам Нижнего Поволжья раннего этапа древностей срубной культурно-исторической общности — берзюновского горизонта⁴⁶. Достаточно сложной задачей является ныне членение и так называемого развитого этапа

⁴⁶ Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений. Нижнего Поволжья. — СЛ, 1978, 3.

срубных древностей. Важно также определение хронологической специфики на конкретных территориях позднего этапа, с которым связаны заметный отток срубного населения из лесостепной зоны и следующее за ним развитие оставшихся в лесостепи групп срубного населения.

Полагаем, что сейчас для обсуждения можно предложить следующую периодизацию срубных древностей, которая, как нам представляется, в принципе учитывает нынешний уровень осмысления как срубной культурно-исторической общности, так и эпохи бронзы Волго-Уралья в целом.

Первый этап — так называемые протосрубики, сущность которых никак не может быть ограничена тем понятием, которое ныне определяется как полтавкинская культура.

Второй этап — ранние срубики, синхронизирующиеся с их бережновским горизонтом в степном Заволжье.

Третий этап — развитые срубики. Этот этап в свою очередь включает:

а) так называемый ранний «покровский» этап, соответствующий экспансии срубников в широтном направлении, повлекшей за собой постепенное нивелирование и включение абашевского компонента;

б) поздний «покровский» этап (до появления валиковой керамики).

Четвертый этап — поздние срубики, включающий прежде всего памятники с поздневаликовой керамикой и соответствующий времени отлива основной массы этого населения из лесостепи.

Кроме того, не исключено, что удастся выделить и своего рода финальные срубные памятники, по времени следующие за отливом основной массы срубников из лесостепи, когда обнаружилась утрата их относительного единства, на что уже было обращено внимание Н. Я. Мерпертом⁴⁷. В поле зрения здесь попадают памятники с нурской керамикой южных районов лесостепи и степного Поволжья⁴⁸ и, возможно, другие.

Уточнение же хронологических рамок каждого из названных этапов замыкается на известную относительность об-

⁴⁷ Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья, с. 149.

⁴⁸ Агапов С. А., Васильев И. Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье, с. 121, 124, рис. 2, IV.

шей хронологии древностей эпохи бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Специального рассмотрения требует вопрос о причинах, вызвавших уход значительной части срубного населения из лесостепи к концу II тыс. до н. э. Нет оснований видеть в этом результат тотального давления каких-то внешних сил. Слишком схематично и объяснение этого явления изменением хозяйственного уклада срубных коллективов: последнее, в свою очередь, требует объяснения. Здесь необходимо выявление и исследование ряда взаимосвязанных факторов: роста народонаселения, обусловленного производящей экономикой, но вступившего в противоречие с крайне ограниченной технической базой и общей экстенсивностью хозяйства; быстрого истощения почв и уничтожения лесов при резком увеличении поголовья стад и наличии подсечно-огневой системы земледелия. Наконец, нельзя исключать и возможность изменения в это время общих ландшафтно-климатических условий. Следует учитывать также отрицательные последствия, вызванные антропогенным фактором.

Отлив из лесостепи значительной части срубного населения повлек за собой распространение на этих территориях групп населения, оставивших в лесостепном Подонье памятники типа бондарихи (Шиловское, Тавровское, Воргол и др.), в Поволжье — памятники поздних этапов поздняяковской и приказанской культур, в Приуралье — черкаскульские. Сколько-нибудь прямая генетическая их связь со срубниками гипотетична.

Последние открытия позволяют утверждать наличие у срубников лесостепи высокого уровня развития металлообработки, а тем самым и общинного ремесла. Наиболее значительным свидетельством его является открытие на Мосоловском поселении в Подонье четырех производственных помещений литейщиков с четко фиксируемой специализацией поселка по изготовлению вислобушных топоров и серпов-косарей.

На этом поселении в результате раскопок 1972—1974, 1976 гг. больше всего встречено двухсторонних литейных форм для отливки проушных топоров. Более 10 из них сохранилось полностью или почти полностью. Формам для отливки топоров принадлежат и 112 их обломков. Следующими по числу находок являются односторонние, двух- или трехпредметные формы и крышки для них, служившие для отливки

серпов и косарей (5 хорошо сохранившихся и 47 хуже сохранившихся литейных форм, 7 хорошо сохранившихся и 38 обломков крышек). Число же отливаемых на Мосоловском поселении топоров и серпов-косарей было примерно равным.

Весьма существенным является и то обстоятельство, что среди находок с Мосоловского поселения оказались и глиняные игрушки — неумелые подражания литейным формам для отливки топоров.

Число форм для отливки ножей на Мосоловском поселении невелико (пять экземпляров). Одна из них (постройка 1) служила для одновременной отливки двух ножей с намечающимся перекрестием. Еще одна, употреблявшаяся для отливки ножей форма — однопредметная. Ее тыльная сторона служила крышкой для отливки плоских топоров-тесел. Самих же литейных форм для отливки плоских топоров-тесел — три. Одна из них — двухпредметная — сохранилась полностью. Еще одна, представленная обломком литейная форма употреблялась для одновременной отливки плоского топора-тесла и серпа или секача. Третья представлена лишь обломком.

Единичны также находки двухстворчатых литейных форм для отливки копий так называемого сейминского типа — есть обломки от трех створок. Одну из них удалось восстановить почти полностью.

Два обломка принадлежат литейным формам для отливки прутьев. В то же время бросается в глаза, что форм, служивших для отливки украшений, при раскопках Мосоловского поселения не найдено.

Новой для данной категории находок являются обломки литейных форм, служивших для отливки тарелкообразных слитков (диаметр отливаемых слитков в пределах 20 см). Неслучайно, что их немного — встречены лишь четыре обломка. Вероятно, их использовали в процессе переплавки вещей (часть полученного металла не шла сразу же на изготовление изделий). Это лишний раз демонстрирует уровень развития металлообработки срубного поселка.

С литьем изделий в односторонних литейных формах связаны многочисленные глиняные крышки, употреблявшиеся преимущественно для накрывания литейных форм, служивших для отливки серпов и косарей, ножей и плоских топоров-тесел. На некоторых из них фиксируются следы дополнительной подработки — особенно оформление желобов литника

при отливке серпов, косарей и плоских топоров-тесел и формирование каннелюры при отливке ножей и кинжалов.

Значительна серия специально изготовленных плавильных чаш и их обломков (не менее 40 сосудов). Не меньшим, а может быть, и большим числом представлены плавильные чаши и их обломки, сделанные из придонных частей сосудов. Подавляющее их число происходит с территории производственного комплекса, особенно из района постройки 1.

Велика серия разнообразных молотов, наковален, пестов, ошлаковок, капель запекшегося металла.

По функциональному назначению различались и сами производственные помещения. В одних из них найдено много наковален, пестов, есть обломки литейных форм и фактически нет плавильных чаш. В заполнении одного котлована (постройка 1) наряду со значительным числом литейных форм и плавильных чаш оказалось относительно много сплесков металла. А еще в одном котловане (постройка 8), в котором было встречено несколько развалов плавильных чаш, не только не оказалось сплесков металла, обломков литейных форм, но и было встречено довольно много костей и обломков бытовой посуды, включая стоявшие в хозяйственных ямах целые сосуды. Возможно, что помещение было более жилым, нежели производственным.

В районе местоположения производственных помещений Мосоловского поселка оказалось несколько захоронений, имевших, скорее всего, ритуальное назначение (необычная поза, расчленение трупов и т. д.). Срубная принадлежность захоронения подтверждается наличием при одном из погребенных типичного баночного сосуда, при другом — литейной формы.

Активные связи срубных ремесленников документируются как широким распространением их продукции, так и использованием срубниками привозного сырья (в случае с Мосоловским поселением, по определению Е. Н. Черных, уральского металла).

Наличие общинного ремесла и своеобразных ремесленных центров заставляет по-новому поставить вопрос о структуре срубных поселений.

В целом же представляется достаточно перспективным анализ массовых материалов как поселений, так и некрополей в аспекте изучения социальной структуры самих срубных коллективов, решения вопроса о наличии у них определенных

социальных групп, возникновение которых в индоиранском обществе предполагается уже в весьма ранний период. Заметим, что до сих пор подобные вопросы значительно более определенно ставились применительно к общественной структуре алакульского и абашевского населения. Исследование этого аспекта срубной проблемы лишь предстоит. В этой связи особенно перспективным представляется соответствующий анализ данных некрополей, различия которых до сих пор чаще всего рассматривались лишь с позиций периодизации срубных древностей и локальных особенностей их территориальных групп.

Изложенное позволяет заключить, что в разработке проблемы срубной культурно-исторической общности к настоящему времени достигнут рубеж, знаменующий начало качественно нового этапа в исследовании данной проблематики.

С. А. ПЛЕТНЕВА

СВЕДЕНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ О ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ КОЧЕВНИКАХ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VII — начало X в.)

Самой ранней летописной датой Повести временных лет (Ипатьевского и Лаврентьевского списка) является, как известно, 852 г. Именно к этому году относит летописец первое упоминание «Русской земли» в известных ему византийских хрониках.

До этого совершенно условного (по признанию самого летописца) года происходившие в Восточной Европе события, а также проживавшие и проходившие там народы описываются крайне отрывочно, кратко и выборочно. При этом внимание летописца, естественно, сосредоточено в основном на собственно славянских племенах — основателях Русского и других славянских государств.

Несмотря на такую очевидную и вполне определенную направленность, летописец в «догодовые» записи счел необходимым включить два отрывка, в которых дает некоторые сведения (или просто упоминания этнического имени) о шести

кочевых народах, известных не только русским, но восточным, армянским и византийским авторам.

Первый отрывок помещен сразу же после длинного списка финно-угорских народов, имеющих свой язык и живущих «в странах полуношных»: «Словеньску же языку, яко же рекомъ, живущю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от *козаръ*, рекомии *болгаре* и седоша по Дунаеви, и населници словеномъ быша. Посемь придоша *угри белии*, и наследиша землю словеньску (прогнавше Вололохы иже беша прежде прияле землю Словеньску — Ип. лет). Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша и *обри*, иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилъе творяху женамъ дулебскимъ: аще поехати будяше обьрину, не дадъше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести обьрена, и тако мучаху дулебы. Быша бо обьре теломъ велици и умомъ горди, и богъ потреби я, и помроша вси, и не остана ни единъ обьринъ. И есть притыча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре; их же несть племени ни наследъка. По сихъ же придоша *печенези*; паки идоша угри *чернии* мимо Киевъ, послеже при Олзе»¹.

Первая фраза приведенного выше текста повествует о важном историческом событии, датированном 60—70 гг. VII в., — откочевке части болгарских орд на Дунай после разгрома основных сил приазовских болгар хазарами. Имя главы откочевавших на Запад болгар — Аспарух не сохранилось в летописи. Зато его хорошо знали византийские хронисты (Феофан, Никифор)², а также армянский историк и писатель VII в. Ананий Ширакаци, назвавший Аспаруха Аспар-хруком, сыном Хубраата³.

Кубратом именуют византийцы основателя и вождя первого государственного образования болгар — Великой Бол-

¹ Повесть временных лет. Лаврентьевский список (далее — ПВЛ), ч. 1. М.—Л., 1950, с. 14. В скобках приводятся добавления к ПВЛ, взятые из Ипатьевского летописного списка (Полное собрание русских летописей, т. II, с. 9).

² Чицуров И. С. Экскурс Феофана о протоболгарах. — Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.

³ Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — «Журнал министерства народного просвещения», 1883, март, с. 26, 28.

гари, располагавшейся на землях Таманского полуострова и частично Прикубанья и восточного Приазовья.

Как всякое кочевое образование Великая Болгария объединила большое количество кочевых орд, различающихся не только родовыми названиями, но, возможно, и этнически. Тот же Ананий Ширакаци перечисляет Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар-пришельцы, Чдар-Болкар, а византийские авторы указывали, что в Великой Болгарии за Кубанью (Куфисом) живут котраги. Толкований всех этих наименований, а также гипотез о размещении их в Приазовье и в Причерноморье в настоящее время накопилось в литературе достаточно⁴. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство историков и археологов склонны преувеличивать размеры Великой Болгарии, располагая эти племена по всему Причерноморью. Мне, вслед за И. С. Чичуровым⁵, представляется, что территория этого объединения была весьма ограниченной, а значит, и перечисленные Ананием племена кочевали в общем на очень небольшой площади — по степям восточного Приазовья. При этом орду Огхондор, видимо, мы можем считать не чисто болгарской, а смешанной болгаро-венгерской (болгаро-угорской), или даже чисто угорской⁶. На возможности такого предположения уже останавливался М. И. Артамонов, приведший в своем капитальном труде «История хазар» обширную историографию по вопросам, касающимся этногенеза болгаро-угорских народов и пребывания их в степях Восточной Европы⁷.

Если Огхондор-Блкар действительно жили в пределах Великой Болгарии и были тем самым тесно связаны с ордой Аспаруха, то становится понятным, что русский летописец вторым после болгар упоминает в цитированном отрывке «угров белых». Эти-то угры вместе с болгарам пришли в Подунавье в середине VII в.⁸ Будучи соседями и родственниками болгар в Приазовье, они наряду с ними и хазарами, участвовали в персидско-византийских войнах первых десятилетий VII в., входя, видимо, в войска тюркского кагана. Из-

⁴ См. библиографию в трудах: Златарски В. История на Българската държава през средните векове, т. I. София, 1970; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962; Чичуров И. С. Экскурсы..., с. 67—78 и др.

⁵ Чичуров И. С. Экскурсы..., с. 69.

⁶ Артамонов М. И. История хазар, с. 83, 84 и сл., 168—169.

⁷ Там же, с. 69—114.

⁸ Там же, с. 169.

вестно, что каган, готовя поход, мобилизовал многие народы «жителей полей и гор, живущих в городе или на открытом воздухе, бредущих головы и носящих косы»⁹. М. И. Артамонов, очевидно, справедливо полагает, что к числу «бредущих головы» принадлежали болгары и хазары, а «косоносцами» могли быть различные угорские орды¹⁰. Длинные волосы, заплетенные в косы, носили и аварские воины, явившиеся в Константинополь в 558 г. в качестве послов аварского кагана¹¹. Идентичность этой важной этнографической черты означала и какую-то этническую близость между уграми и аварами, прослеживающуюся, помимо того, и по другим источникам¹². Русский летописец также был осведомлен о родственности этих двух народов. Недаром сведения об аварах (обрах) он помещает непосредственно после упоминания об уграх белых. Авары, за короткое время образовавшие могущественный каганат, победившие и покорившие ряд сильных и дееспособных народов, оставили довольно глубокий след на страницах средневековых хроник. Подробнее, чем обо всех остальных кочевниках, пишет о них и русский летописец. Он дает им характеристику и оценку их деятельности, сокращается, рассказывая о невероятно тяжелом положении побежденных аварами славян, упоминает о походе авар на Византию в 626 г., когда они ходили на Константинополь и «мало не яша» в плен самого императора Ираклия.

После рассказа об обрах, летописец пропускает более двухсот лет и заключает первый рассказ о кочевниках приходом печенегов и угров черных. Поскольку о тех и других он пишет далее (первые датированные записи о них 898 и 915 гг.), мы вернемся к этим последним строкам отрывка ниже. Отметим только, что летописец хорошо знает, что угры VII и IX вв. являются разными племенами (ордами) одного народа.

Следует особенно подчеркнуть, что подбор народов в цитированном рассказе о ранних кочевниках в целом очень тенденциозен. Тенденциозность выражается в том, что здесь упомянуты те кочевники, судьбы которых тесно переплелись

⁹ История агван Моисея Каганкатвацци, писателя X в. Перевод К. Патканьяна. Спб., 1861, с. 104.

¹⁰ Артамонов М. И. История хазар, с. 156.

¹¹ Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. Чтения МОИДР. 1884—1887, с. 178.

¹² Артамонов М. И. История хазар, с. 108.

со славянами: авары, болгары, угры белые и черные заселили славянские земли на Дунае и вместе со славянами образовали государства. Одно из них — Болгария — уже во времена написания летописи стало полностью славянским — и по языку, и по культуре: «грамота словенская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских»¹³ — писал тогда же летописец. Что касается печенегов, то, как известно, они захватили и освоили земли в Поросье, которые также принадлежали ранее славянам, а именно — полянам¹⁴. Очевидно поэтому они попали в перечень кочевых народов, исторически тесно связанных со славянами.

Однако первыми в этом списке ранних кочевников поставлены, как мы видим, «козары» — хазары. Правда, говорится о них скорее как о географическом понятии — оттуда — «от скуфь, рекше от козар» пришли на Дунай болгары. Видимо, летописец ясно представлял себе, где находилась в VII в. земля хазар.

Вторая «догодовая» запись, полностью посвящена взаимоотношениям хазар с одним из наиболее популярных славянских племен — полянами:

«...И наидоша я козары, сидящая на горах сихъ, в лесехъ, и реша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старейшинымъ своимъ, и реша имъ: «Се, налезохомъ дань нову». Они же реша имъ: «Откуда?». Они же реша: «В лесе на горахъ над рекою Днепръскою». Они же реша: «Что суть въедали?» Они же показаша мечь. И реша старцы козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружие обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инехъ странах». Се же сбыться все: не от своя воля решока, но от божья повеленья»¹⁵.

Этот живой и непосредственный рассказ заканчивается несколькими библейскими примерами непрочности земной власти и фразой: «Тако и си владеша, а послеже самемн владеють; яко же и бысть: владеють бо козары русьскіи князи и до днешнего дне»¹⁶. В этой фразе подчеркивается, во-первых,

¹³ ПВЛ, с. 21.

¹⁴ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.—САИ. М., 1973, ЕІ—19, с. 20—23; Русанова И. П. Курганы полян X—XII вв.—САИ. М., 1966, ЕІ—24, табл. 20.

¹⁵ ПВЛ, с. 16.

¹⁶ Там же, с. 17.

что хазары не один раз пришли к полянам и сразу получили отпор, а какое-то время брали с них дань и владели ими и, во-вторых, что во времена летописца хазары еще были известны как политическая или этническая общность и находились они под властью русских князей.

Мы не можем сейчас установить время, в которое произошли события, описанные в приведенном рассказе. Правда, летописец говорит, что случилось это после смерти Кия и его братьев, в период ослабления полян и борьбы их с древлянами и другими соседями, которые их «обижали». Сколько же лет или десятилетий прошло со смерти Кия по летописи выяснить практически невозможно. Однако нам представляется вполне правомочным связывать движение хазар на запад к Диспру со вторым периодом их истории — с перекочевкой и переселением массы алан и болгар из Предкавказья в степи Подонья. Это произошло, примерно, в 30—40 гг. VIII в. Серединой VIII в. можно, видимо, датировать нападение хазар на полян и получение от них первой символически грозной дани мечами.

Таким образом, дань в виде мечей вряд ли можно считать мирной и обычной данью. Очевидно скрытый угрожающий смысл она имела. Так ее восприняли, как писал летописец, и сами хазары. Однако, наряду с этой традиционной трактовкой, вероятны и иные объяснения. В частности, весьма правдоподобным представляется то, что конфискация оружия в каждой славянской семье означала прежде всего массовое разоружение покоренного народа. Не исключено, что так оно и было, поскольку первая дань отнюдь не освободила полян от ежегодной выплаты обычной дани. Об этом свидетельствует сам летописец, сообщая в одной из первых датированных записей: «Въ лето 6367 [859]. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словенех, на мери и на всехъ, кривичехъ. А козари имаху на полянех, и на северех, и на вятичехъ, имаху побеле и веверице от дыма»¹⁷.

Нижне, под 862 г. рассказывается о приходе варягов Аскольда и Дира к Киеву: «... удуче мимо и узреста на горе градок. И упрошаста и реста: «Чий се градокъ?» Они же реша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седимъ родъ ихъ платяче дань козаромъ». Асколдъ же и Диръ остава въ граде семь, и многи

¹⁷ ПВЛ, с. 18.

варяги съвокуписта...»¹⁸. Очевидно, только после этого поляне перестали платить хазарам дань, т. е. период их «подданничества» хазарам длился не менее ста лет.

Помимо полян, согласно записи 859 г. хазарам платили дань еще два древнеславянских племени — северяне и вятичи. Как и поляне, оба эти племени занимали земли в лесостепи и на границе леса с лесостепью. Северяне обитали по Сейму и Десне, достигая почти берегов Северского Донца, а вятичи — в бассейне верхний Дона.

Уже в конце IX в. окрепшая центральная власть нового государства — Киевской Руси освободила северян от выплаты дани хазарскому кагану. В записи 884 г. по этому поводу говорится следующее: «Иде Олегъ на северяне ...и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити, рекъ: «Азъ имъ противенъ, а вам не чему»¹⁹.

В следующем — 885 г. Олег «посла къ радимичемъ река: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мне дайте». И въдаша Ольгови по шълягу, яко же и козаромъ даяху»²⁰.

Таким образом, далекое от Хазарии лесное племя радимичей тоже оказалось, согласно сведениям летописи, в числе данников каганата.

Хазары, очевидно, уже не могли противиться действиям Олега, отбравшего у них данников. Интересно, что при Игоре какое-то количество хазар поселилось, очевидно, в Киеве, приняло христианство, участвовало в походах Игоря и, по словам летописца, вместе с другими крещеными жителями города (в основном варягами) ходило в церковь святого Ильи²¹.

Дольше других славянских племен, судя по русской летописи, под властью хазар оставались вятичи. Об этом говорится в летописи под 964 и 966 гг., в записи о восточных войнах Святослава Игоревича:

«И иде на Оку реку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же реша: «Козаромъ по шълягу от рала даемъ».

Через год, Святослав, возвращаясь из победоносного похода в сердце Хазарской земли, «вятичи победи... и дань н

¹⁸ Там же, с. 18—19.

¹⁹ ПВЛ, с. 20.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 37.

нихъ възложи»²². На этом и кончаются в русской летописи упоминания о зависимости славян от хазар. Если считать данные летописца достоверными, то мы можем, подводя итоги, констатировать, что дань выплачивали хазарам четыре племенных славянских союза: поляне, северяне, радимичи и вятичи.

Сведения о трех из них сохранились кроме летописи в собственно хазарском источнике — известном письме царя Иосифа кордовскому чиновнику — еврею Хасдаю ибн Шафруте. В перечне подвластных Хазарии народов Иосиф назвал три племени, которые можно отождествить со славянскими племенами: В—н—и—тит, С—в—р, С—л—впюн, т.е. вятичи, северяне и какое-то племя, названное просто славянским²³. Вполне вероятно, что так он именовал полян — самое крупное и сильное из славянских племен, мечи которого обратились против хазар в царствование кагана Иосифа, поскольку Святослав, естественно, набирал свою дружину прежде всего из племени полян, главный город которых стал столицей Русского государства.

Власть хазар над близкими к их землям народами прекратилась после разгрома их князем Святославом в 965 г. О войне Святослава с хазарами русский летописец рассказывает так:

«В лето 6473 [965]. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася битися, и бывши брани, одоле Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Белу Вежю взя. И ясы победи и касоги»²⁴.

Из приведенного отрывка следует, что Святослав наголову разбил войско хазарского кагана, который ввиду великой опасности, обрушившейся на его страну, пожелал лично руководить боем. После победы Святослав, видимо, уже без особых усилий захватил хазарский «град». «Градом» назвал летописец столицу Хазарии Итиль²⁵. Помимо Итиля Святослав взял еще Саркел, который именуется в летописи уже по-русски — Белой Вежей. От Белой Вежи русские дружины двинулись на юго-запад — в Прикубанье и Приазовье и там

²² ПВЛ, с. 47

²³ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 98—99.

²⁴ ПВЛ, с. 47.

²⁵ Артамонов М. И. История хазар, с. 426—427 и сл.

разбили союзников и вассалов хазарского кагана — аланские и адыгские дружины.

После похода Святослава Хазарский каганат уже не оправился и в источниках уже не упоминается как реальная политическая сила, способная противостоять соседним государствам и народам, а также постоянно интриговавшей против него Византийской империи.

Тем не менее хазары некоторое время еще сохранялись в источниках как этническая единица. Летописцу они были хорошо известны в Приазовье. Там, в Тмутараканском княжестве хазары вмешались в сложную политическую борьбу русских князей за власть. В результате этого вмешательства один князь был убит (Роман), а его брат Олег захвачен в Тмутаракани в плен и переправлен пленником в Византию: «А Олга емше козаре поточиша и за море Цесарюграду...»²⁶ Через три года Олег вернулся в Тмутаракань, сел на тмутараканский стол и «исече козары», которые были виновны в смерти брата и его пленении²⁷. После этого хазары исчезают со страниц летописи, хотя, несомненно, они, как входившие в каганат в качестве федератов болгары, продолжали жить на причерноморских землях и в Крыму.

О том, что в Таврике или, как называет ее летописец, — «Корсуньской стране» в большом количестве обитали болгары, русские были хорошо осведомлены. В договоре Игоря с греками, помещенном под 945 г., специально оговаривается, что русские дружины обязаны охранять Херсон и «климаты от черных болгар, которые постоянно воюют в стране Корсуньской»²⁸. Примерно в то же время, т. е. в середине X в., византийский император Константин Багрянородный писал о этих болгарях, именуя их «Черной Болгарией», и помещая также где-то поблизости от Херсона и Боспора — в Причерноморье (на Таманском и Крымском полуостровах)²⁹.

Позднее, в записях конца X и XI вв. болгары здесь уже не упоминаются. Сведений об их переселениях и перемещениях не сохранилось в письменных источниках. Археологически же можно говорить о том, что сельские поселения болгар запустели примерно в начале X в. По-видимому, с приходом

²⁶ ПВЛ, с. 135.

²⁷ Артамонов М. И. История хазар, с. 443.

²⁸ ПВЛ, с. 37.

²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК. М.—Л., 1934, 91, с. 11.

в степи Таврики печенегов болгары начали переходить к кочевому образу жизни, вливаясь в печенежские орды и утрачивая постепенно свою культуру³⁰.

Печенеги пришли в южнорусские степи в конце IX в. Огромное количество степных болгарских поселений на Донце и в Крыму погибло именно в это время. В первое время для всех оседлых и полуоседлых жителей каганата их приход был столь же серьезной трагедией, как и нашествие авар на славян. Летописец был хорошо осведомлен об этом. Видимо, именно поэтому он в первом приведенном нами отрывке о кочевых народах помещает сообщение о печенегах непосредственно после авар: «по сих же придоша печенези». Затем, уже при Олеге, к Киеву подходили «угры черные». Об этом говорится в первом отрывке и потом в годовой записи 898 г.: «Идоша угри мимо Киевъ горою, еже ся зоветь ныне Угорьское, и пришедше къ Днепру стаха вежами; бежа бо ходяще аки се половци. Пришедше от вьстока и устремихася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьскыя и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияха землю словеньску. Посемь же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покоривше я подъ ся, и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати угри на греки и поплениша землю Фрачьску и Макидоньску доже и до Селуня»³¹.

О появлении в степях печенегов и последующем передвижении по ним венгров, откочевавших в Паннонию, рассказывает Константин Багрянородный, именующий венгров «Турками»: «Между тем печенеги, раньше называвшиеся Кангар (ибо это наименование применялось у них в отношении к благородству и доблести), двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Псченегами... войско Турков было разбито и разделось на две части: одна часть поселилась на востоке в части Персиды..., а другая часть вместе с своим воеводою и предводителем Леведем поселилась в западной стороне, в местах, называемых Ателькузу...»³². В этом первом отрывке повествуется о самом начале войны Хазарии с печенегами. По-

³⁰ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967, с. 185—190.

³¹ ПВЛ, с. 21.

³² Константин Багрянородный, с. 17.

следние из Заволжья ринулись, видимо, сразу в центр каганата и были там разбиты. Отступив от змелей, занятых самими хазарами, они двинулись, как мы знаем по археологическим данным, в донские степи, сжигая и сметая все на своем пути. Очевидно, в этот разрушительный поток попала и орда Леведия, кочевавшая где-то в Подонье. Земли этой орды подходили, вероятно, для размещения кочевий печенегов, которые и заняли их на некоторое время. Венгры же отошли на новые, видимо, свободные в те годы земли — в Персиду и в степи, располагавшиеся западнее Леведии и названные Ателькузу. О размещении Ателькузу в восточноевропейских степях, так же, как и о Леведии, существует множество догадок и гипотез. Наиболее убедительными представляются те из них, которые следуют указаниям Константина Багрянородного, а именно: «Область..., в которой в тогдашнее время проживали Турки, носит название по именам текущих там рек. Реки эти следующие: первая река называется Варух, вторая — Куву, третья — Трулл, четвертая — Врут и пятая — Серет»³³. Западная граница этой области указана точно в соответствии с нашими знаниями географических названий, восточная — Варух обычно отождествляется с Днестром (Барух — Борисфен)

Таким образом, Ателькуза — это степь между Днестром и Серетом. Отсюда венгров вновь, по сведениям Константина Багрянородного, прогнали печенеги: «Придя в страну, ныне ими занимаемую, и найдя, что в ней живут турки, они победили их в войне, вытеснили, поселились сами в этой стране, владеют ею, как сказано, до сего дня в течение 55 лет»³⁴. «Турки обратившись в бегство и ища новой земли для поселения, пришли и выгнали жителей из Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут поныне»³⁵. Вот это-то весьма важное для венгров событие — «обретение родины» и прокомментировал русский летописец. Константин Багрянородный не указывает точной даты этого события, однако известно, что писал он примерно в середине X в., а значит, уход венгров из Ателькузы можно отнести к концу IX в. Летописец пишет, что случилось это в 898 г. Кстати, это позволяет на уточнить и дату написания Константином трактата — 983 г.

Венгры, в полном соответствии с данными Константина

³³ Константин Багрянородный, с. 18.

³⁴ Там же, с. 15.

³⁵ Там же, с. 18.

прежде чем направиться на Дунай «поискали» свободных земель в южнорусских степях. Для этого они и подкочевали к окрестностям Киева. Однако, убедившись в силе Киевского государства, пошли через Карпаты в Паннонию, где и заняли территорию некогда могущественного, а к концу IX в. ослабевшего Моравского княжества. В летописном сообщении заслуживает внимания указание на то, что угры пришли с востока. Очевидно, летописец знал, что до Ателькузы, находящейся от Киева на юге, угры жили восточнее — на Дону, или даже в междуречье Волги и Дона.

Занявшие Ателькузу печенеги первые десятилетия избегали столкновений с Русью. Только в 915 г. «Придоша печенеги первое на Рускую землю и сотворивше миръ со Игорем и придоша к Дунаю»³⁶. Как мы видим, подкочевка печенегов к границам Руси была мирной. Печенеги стремились заключить мир, поскольку основной их удар был направлен в том году в Придунавье, в частности, на Болгарию. «В си же времена — пишет летописец далее — прииде Семионъ пленяя Фракию, греки же послаша по печенегим...». Так, натравливая печенегов на враждебные ей государства, и существовала тогда Византийская империя. Зная об этом, император Константин писал: «И Ромейский царь может казаться более грозным и заставлять их жить в покое, если поддерживает мир с Печенегами...». Ясно, что летописец учитывал политическую обстановку того времени так же хорошо, как и сто лет до него делал это византийский император — он знал об интригах византийских правителей и силе, которая заключалась в кочевнических ордах, если их направляла искусная рука греческих политиков.

Всё последующее столетие печенеги, а затем торки и половцы постоянно воевали с Русью, участвовали в междоусобицах, в войнах соседних с ними государств между собой. Началось это в 915 г., а кончилось с приходом в восточноевропейские степи новой грозной силы — татаро-монголов. Однако это уже другая эпоха — эпоха развитого средневековья. Летопись пестрит упоминаниями о кочевниках — почти ни одна годовая запись не обходится без указания о том или ином событии, связанном с ними. История становления русского государства и русского могущества тесно переплетается с историей печенегов, торков и половцов.

³⁶ ПВЛ, с. 31.

Русский летописец, предвзято рассказы об этих народах, дал нам краткую характеристику их предшественников — соседей и врагов славян и Руси. Несмотря на краткость, данные летописи представляют большой интерес для восстановления или подтверждения многих фактов в разрозненной, известной по отрывочным свидетельствам истории кочевников эпохи раннего средневековья.

С. А. АГАПОВ, И. Б. ВАСИЛЬЕВ, В. И. ПЕСТРИКОВА

ХВАЛЫНСКИЙ МОГИЛЬНИК И ЕГО МЕСТО В ЭНЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В последнее время в связи с активизацией исследования индоиранской проблемы¹ вопрос о сложении в Каспийско-Черноморском районе ямной культурно-исторической общности — одной из первых крупных общностей энеолита — бронзы, приобретает еще большую важность. Большинство исследователей связывают с ямными племенами или их потомками древнейших индоиранцев, роль которых в древней истории Евразии едва ли можно переоценить².

Вместе с тем период формирования ямных племен в Волго-Уральском регионе³, особое место которого в истории всей общности хорошо показано Н. Я. Мерпертом⁴, до последнего времени был представлен лишь единичными погребениями разрушенными дюнными стоянками. Это не помешало Н. Я. Мерперту создать динамичную и, на наш взгляд, вер-

¹ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. — СЛ 1977, 4; Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д. Срубная проблема и лесостепь. — В кн.: Древнейшие культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1979.

² Мерперт Н. Я. О связях северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — КСИА, 1965, 105; Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 31.

³ Первый период развития племен ямной общности мы называем древнеямными, а последующие — ямными.

⁴ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральской междуречья. М., 1974.

ную концепцию формирования и развития ямной общности. Однако отсутствие должной источниковой базы до некоторой степени лишало ее прочного фундамента и вызывало справедливые замечания исследователей⁵.

Открытие в Поволжье могильника у с. Съезжее⁶, а теперь Хвалынского могильника ставит проблему формирования племен ямной общности на новый уровень. Теперь известны не единичные погребения или находки керамики, а могильники со значительным числом погребений, позволяющие в деталях восстановить обряд захоронения и дающие многочисленные данные для параллелей и датировок.

В связи с ограниченном объемом статьи мы не будем останавливаться на подробном анализе инвентаря могильника, реконструкциях деталей одежды, системе датировок материалов могильника, тем более, что раскопки могильника еще не завершены. Данная работа ставит целью скорейший ввод в научный оборот этого уникального могильника. В связи с этим выводы, которые делаются ниже, носят в некоторой степени предварительный характер.

Памятник расположен в 6,5 км к северу от с. Алексеевки и в 5,5 км к югу от с. Старой Яблонки Хвалынского района Саратовской области, на невысоком (1—1,3 м) всхолмлении коренной террасы правого берега р. Волги.

До затопления Саратовского водохранилища к востоку от террасы, в сторону Волги, простиралась широкая и плодородная пойма. В настоящее время берег интенсивно разрушается водохранилищем.

К западу от могильника терраса представляет собой небольшую долину, окруженную Хвалынскими меловыми горами, заросшими лесом. Она изобилует всхолмлениями, слабо выраженными старицами и глубокими оврагами, начинающимися у подножия юр.

Всхолмление, на котором устроен могильник, с юга ограничено небольшой ложбиной (глубиной 1,5—2 м от вершины). С севера понижение выражено более слабо (до 0,5 м от вершины). Длина сохранившейся части всхолмления вдоль

⁵ Телегин Д. Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 153; Häusler Alexander. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. 1974, S. 106—107.

⁶ Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у с. Съезжее.— В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.

берега по линии С—Ю — 60—70 м, ширина вглубь берега линии З—В — до 50 м. Высота обрыва террасы — 4—5 м.

Территория могильника ежегодно распахивается.

Памятник, видимо, начал разрушаться лишь в 1977 г. когда впервые на бечевнике был собран подъемный материал. около трех десятков бусин из раковины и несколько мелких фрагментов керамики, часть черепной крышки и бедреная кость скелета человека. Видимо, водохранилищем уничтожено не более одного погребения.

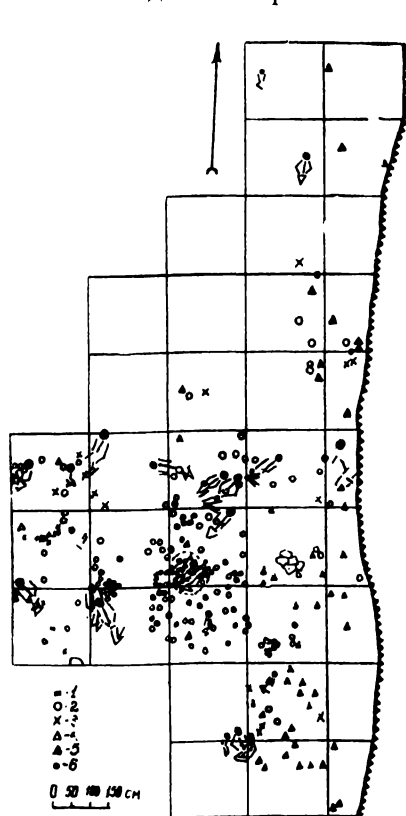

Рис. 1. Общий план раскопа: 1 — алычки и бабки животных; 2 — бусы; 3 — кости животных; 4 — ножевидные пластины; 5 — фрагменты керамики; 6 — нуклеус

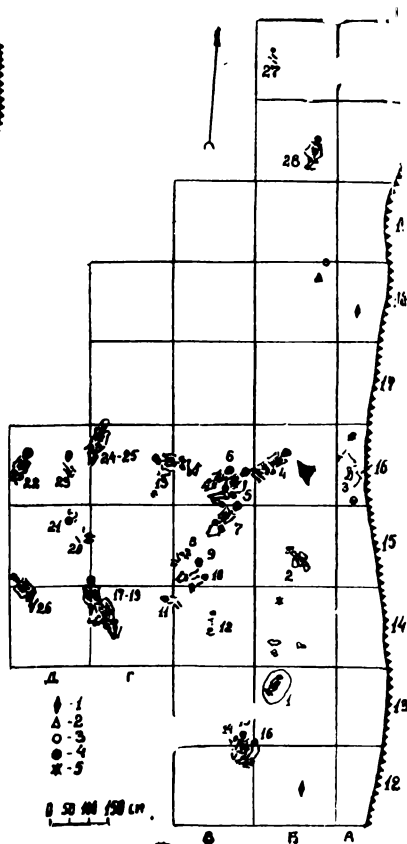

Рис. 2. План расположения погребений: 1 — орудия и металлические изделия; 2 — ножевидные пластины; 3 — нуклеус; 4 — фрагменты сосуда; 5 — обломки металлических изделий

Центральная часть всхолмления была занята могильником эпохи энеолита, где раскопом вскрыто около 128 м² (рис. 1, 2). В северной же части раскопа выявлены остатки могильника эпохи бронзы, где исследовано восемь погребений. Данная работа посвящена публикации материалов только энеолитического могильника.

Стратиграфия памятника:

0—0,3 м — пахотный слой;

0,25—1 м — изрезанный норами грызунов серый гумус в верхней части более темный, а в нижней — более светлый;

1,00—1,35 м — изрезанный норами грызунов желтоватый суглинок; ниже 1,35 м — желтая материковая глина.

Основная масса находок залегала на уровне погребений в нижней части серого гумуса и в слое желтоватого суглинка. Очертания могильных ям, как правило, не фиксировались.

Найдено более 200 бусин из створки раковины, как крупных (диаметром до 16 см), так и мелких (диаметром 1—0,5 см), залегающих на глубине от 70 до 135 см от нулевой точки⁷. Часть из них, видимо, была перемещена грызунами. Наибольшее количество бусин группировалось в квадратах В14, В15, В16 и Г15. В тех же пределах глубин распределялись и отдельные фрагменты керамики серого и желтовато-коричневатого цвета с обильной примесью толченой раковины в глине, с утолщенными и скошенными внутрь венчиками, орнаментированными наколами и прочерченными линиями.

В квадрате В16 на глубине 90 см найден лежавший основанием вверх череп быка. Здесь же на глубине 81 см найден обломок костяного гарпуна, другая его часть найдена в квадрате В17 на глубине 80 см. Гарпун (см. рис. 7, 1) изготовлен из кости лося. Он односторонний с четырьмя зубцами, выступом и желобком для привязывания. Гарпун был разломан или перерублен в древности. В квадрате В12 на глубине 118 см найдено изготовленное из нуклеуса желобчатое тесло из серого камня (см. рис. 6, 3). Длина его 5,5 см, ширина рабочего края 3,8 см, толщина тесла 1, 2 см. Рабочий край и боковые грани оформлены пологой ретушью.

В квадрате А18 на глубине 73 см найден двусторонний наконечник дротика подтреугольной формы, сделанный из голубовато-серого высококачественного кремния (см. рис. 6,

⁷ Далее все глубины даются от нулевой точки.

2). Длина наконечника 6 см, ширина основания 3,2 см, толщина до 0,8 см.

В непосредственной близости от наконечника дротика в квадрате Б18 на глубине 75 см найдены крупная ножевидная пластина и нуклеус (см. рис. 6, 11, 15). Длина пластины 7 см, ширина 2,5 см. Нуклеус галечный. Высота его 5,5 см. Кроме того, в слое над погребениями найдены четыре ножевидные пластины (см. рис. 6, 5, 16—18). Найден и изготовленный из ножевидной пластины кремневый нож, который обработан по краям пологой ретушью (см. рис. 6, 14).

В квадрате Б18 и А16 на глубине 85 и 95 см — найдены фрагменты сосуда 1 (см. рис. 10, 1). Сосуд, видимо, круглодонный. Венчик отогнут наружу и имеет воротничок и ребро на внутренней стороне. Цвет сосуда коричневатый. В тесте примесь толченой раковины. Орнаментирован он по внутренней стороне венчика и по тулову горизонтальными рядами ногтевидных насечек, разделенными прочерченной волной. Орнаментом покрыта большая часть поверхности сосуда. Диаметр венчика 13 см, наибольший диаметр тулова 11,5 см, предполагаемая высота сосуда 11,7 см.

Кроме того, в слое найдено еще несколько крупных фрагментов керамики от трех сосудов (2—4). Сосуд 2 (см. рис. 10, 2) с открытым горлом, с округлым утолщенным в верхней части венчиком. Диаметр сосуда по венчику 21 см, высота сохранившейся части — около 6,5 см. Цвет серый. В тесте обильная примесь толченой раковины. Орнамента нет. Сосуд 3 (см. рис. 10, 3) также с открытым горлом, с утолщенным венчиком, имеющим округлый срез, с внешней стороны венчик подчеркнут прочерченным желобком. Диаметр венчика 17,5 см, высота сохранившейся части около 4,5 см. Цвет сосуда темно-серый. В тесте примесь толченой раковины. Восстанавливаемая часть сосуда орнаментирована полностью. Орнамент по срезу венчика, по внутренней и внешней его поверхности. Это косые ряды ногтевидных насечек, а ниже — горизонтальные ряды разделенных прочерченной линией вертикальных ногтевидных насечек. Сосуд 4 (см. рис. 10, 4) имел венчик с утолщением с внешней стороны в виде воротничка. Диаметр венчика 34,5 см, высота сохранившейся части 5 см. Цвет сосуда серый. В тесте обильная примесь толченой раковины. Сосуд орнаментирован по внутренней стороне венчика, срезу и по воротничку косыми рядами наклонных ногтевых

насечек, под воротничком — горизонтальным рядом более глубоких наколов, ниже — горизонтальными рядами вертикальных ногтевидных насечек.

Кроме того, в слое найдено одно неорнаментированное круглое днище от сосуда серого цвета с обильной примесью толченой раковины.

Из отмеченных предметов череп быка, гарпун, кремневые изделия и сосуд, видимо, входили в комплекс разрушенной в более позднее время жертвенной площадки.

В квадрате Д14 на глубине 115 см найдены обломки небольшого костяного орудия с зашлифованной поверхностью. Один конец его закруглен, другой обломан в древности. Длина сохранившейся части 8,5 см, ширина 1,8 см, толщина 0,3 см (см. рис. 7, 4).

В квадрате Б14 на глубине 118 см найдена короткая костяная трубочка (см. рис. 7, 3). Внешняя ее поверхность заполирована.

В слое встречено и несколько металлических изделий. В квадрате Б14 на глубине 100 см найден обломок медного пластинчатого браслета диаметром 2,6 см (см. рис. 8, 1). Ширина пластины 4 мм, толщина — 1 мм. Аналогичные браслеты с приостренными концами есть в квадрате Г15 на глубине 130 см (см. рис. 8, 2, 3). Один из них с заходящими концами. Концы второго разомкнуты. Размеры первого браслета 3,1×3,5 см, ширина пластины 4—5 мм, толщина 1 мм; размеры второго — 3,8×2,6 см, ширина пластины 3 мм, толщина 1,5 мм. В квадрате Д14 на глубине 90 см обнаружено медное проволочное кольцо диаметром 5 см с заходящими приостренными концами. На нем висело еще одно, пластинчатое колечко диаметром около 2,5 см, имевшее заостренные и заходящие друг за друга концы (см. рис. 8, 4). Ширина пластины 8 мм, толщина — 1,5 мм.

Территория распространения охарактеризованных культурных остатков четко совпадает с площадью могильника.

Над самими захоронениями неоднократно встречались скопления (по три—семь штук) бабок и альчиков животных, положенные, видимо, на древнюю почву. Эти скопления, возможно, отмечали погребения на поверхности могильника.

Погребение 1 (рис. 3, 1) обнаружено в квадрате Б13 на глубине 100 см. Могильная яма углублена в суглинок на 7 см, фиксировалась плохо. Она имела овальную форму. Ее размеры 1,08×0,6 м. На дне ямы лежал плохо сохранившийся-

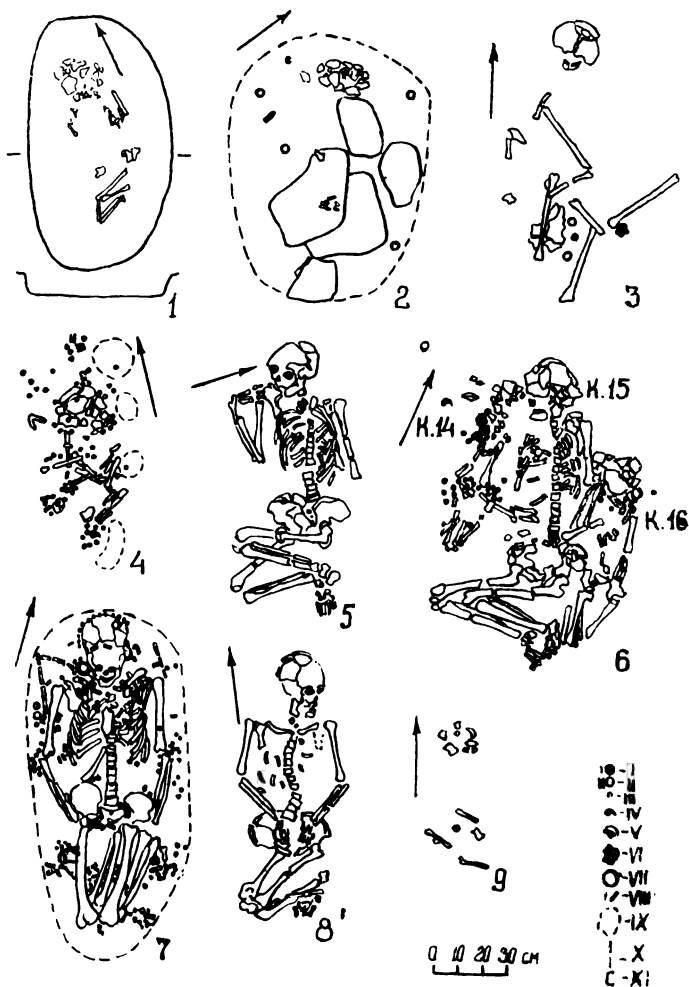

Рис. 3. Планы погребений: 1 — костяк 1; 2 — костяк 2; 3 — костяк 3; 4 — костяк 12; 5 — костяк 13; 6 — костяки 14—16; 7 — костяк 19; 8 — костяк 28; 9 — костяк 27.

I, II — крупные бусины; III — мелкие бусины; IV — раковины речных улиток; V — створки речных раковин; VI — керамика; VII — металлические кольца; VIII — пронизки; IX — пятна охры; X — контуры могильных ям; XI — сосуд

ся костяк ребенка, находившийся на спине, с подогнутыми, а затем свалившимися вправо ногами, ориентированный головой на северо-восток. Положение рук определить не удалось. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (рис. 3, 2) обнаружено в квадрате Б15. При раскопках первоначально обозначились пять плит белого известняка размером 25×15 см и 25×45 см толщиной 25—30 см, которые лежали на глубине 98—125 см скоплением, занимая площадь 90×65 см. Под самими камнями и рядом с ними обнаружены кости очень плохо сохранившегося скелета ребенка, четыре бусины из раковины и одна бусина из кости черного цвета, две маленькие пронизки из раковины моллюска. Под черепом отмечена слабая подсыпка охры. Положение костяка определить не удалось. Его примерная ориентировка на северо-восток.

Погребение 3 (рис. 3, 3) обнаружено в квадрате А16. На глубине 100 см найдены лежавшие в беспорядке кости черепа, таза и конечностей взрослого человека. Рядом с костями найден фрагмент орнаментированного насечками серого по цвету сосуда с обильной примесью толченой раковины, две мелкие и одна крупная бусины из раковины.

Костяк 4 (рис. 4) найден в квадрате Б16, на глубине 1,05—1,15 м. Скелет взрослого человека лежал на спине сильно подогнутыми ногами головой на северо-восток. Кости ступней — пяточные и несколько фаланг пальцев ног лежат на боку. Череп находится на правом боку, лицевой частью к правому плечу. Правая рука вытянута вдоль туловища. Предплечье левой руки положено под прямым углом к плечевой кости поперек живота. Сохранилась лишь одна фаланга кисти левой руки.

На черепе, на левом плече и в области грудной клетки обнаружены крупные бусины из раковины. У правой тазовой кости найдена костяная подвеска каплевидной формы с отверстием (см. рис. 7, 12). Размеры подвески $1,9 \times 1,6$ см. Диаметр отверстия — 0,4 см. Возможно, головной убор и одежда погребенного были украшены бусами. Причем находившиеся в области груди бусы, скорее всего были собраны в низку с костяной подвеской в основании. Сам костяк охрой окрашен слабо, подсыпка более интенсивна под костями таза.

Костяки 5 и 6 (квадрат В16) составляли, видимо, парное погребение. Они были тесно прижаты друг к другу и находились на одном уровне на глубине 115—118 см. (рис. 4).

Рис. 4. Часть раскопа с костями 4-11. 1 — обработанная кость; 2, 3 — камень; 4 — кремневые орудия; 5—7 — кости животных; 8 — каменный браслет; 9 — костяной крючок; 10 — сосуды.

I — крупные бусины;
 II — мелкие бусины;
 III — керамика;
 IV — каплевидные подвески;
 V — кости животных;
 VI — пятна охры

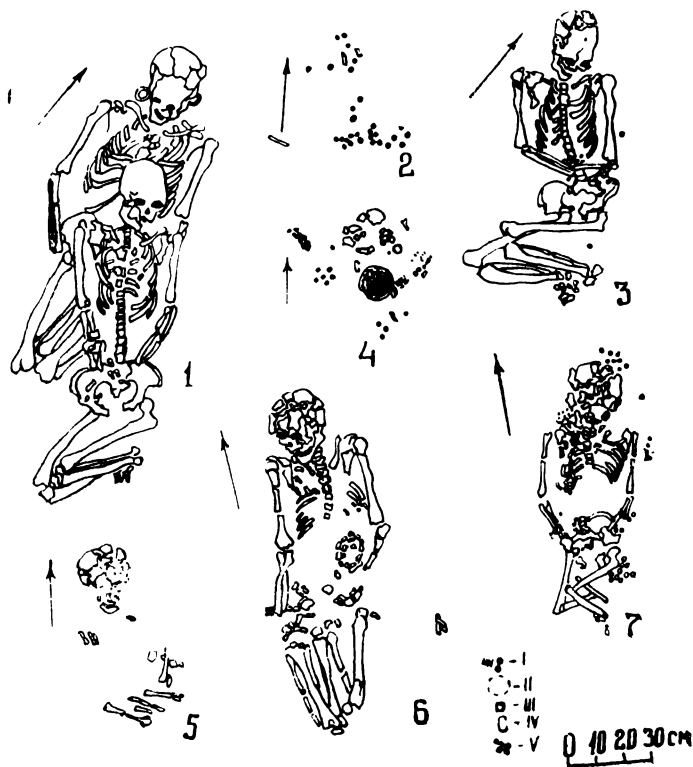

Рис. 5. Планы погребений: 1 — костяки 17—19; 2 — костяк 20; 3 — костяк 26; 4 — костяк 21; 5 — костяк 23; 6 — костяки 24 и 25; 7 — костяк 22.

I — бусы; II — пятна охры; III — пожевидные пластины; IV — сосуд; V — кости животных

Костяк 5 лежит на спине головой на север-северо-восток. Череп чуть повернут вправо. Ноги погребенного первоначально, видимо, стояли коленями вверх. Бедренные кости лежат выше берцовых. Ступни уходили под правое плечо следующего погребенного 7. Плечевые кости рук костяка 5 лежали вдоль туловища. Локти слегка откинuty в сторону. Кости предплечий согнуты почти под прямым углом. Кисти перекрещиваются на животе. На костях таза лежала неполная створка раковины *Unio*, между бедренными костями — две крупные бусины из раковины. В области плеч обнаружены низки из ма-

леньких чередующихся бус (по две—три бусины из раковины и одна—две костяные бусины). У левого локтя костяка лежал небольшой кусочек охры. Слабая окраска охры отмечена и на костяке.

Костяк 6 принадлежал подростку. Погребенный положен на спину, с поставленными коленями вверх, а затем упавшими прямо вперед ногами, головой на северо-восток. Ноги ниже колен подогнуты назад, поэтому пяточные кости оказались около тазовых. Руки слегка согнуты в локтях. Кисти находились в области живота. У нижней челюсти и в области шеи обнаружена россыпь маленьких костяных бус. В верхней части тазовых костей шли низки таких же бус. Возможно, бусами был расшит или подол рубахи, или верх штанов. На черепе лежал белый, сильно патинизированный осколок кремня (см. рис. 6, 10). Костяк окрашен слабо.

Костяк 7 найден в квадрате В15 на глубине 105 см (рис. 4). Он перекрывал ступни костяка 5. Костяк взрослого человека находился на спине, с поднятыми в коленях ногами, головой на северо-восток. Руки сложены на груди. Череп лежал лицевой частью вверх. Костяк не окрашен. В районе груди найден кремневый отщеп (см. рис. 6, 6), на черепе и в районе шеи — две маленькие бусины из раковины. Одна такая же бусина была в 20 см влево от ног погребенного. На бедренных костях обнаружен альчик мелкого животного.

В 40 см к юго-западу от костяка 7 (квадраты В15 и В14) найдено захоронение, включающее три детских костяка (рис. 4). Все три костяка ориентированы одинаково, лежат на одном уровне. Над ними на глубине 85—90 см (видимо, на уровне древней поверхности) встречено очень много бус из раковины. Последние почти сплошным слоем перекрывали площадку над погребением. Не исключено, что все три костяка были закрыты расшитым крупными и мелкими бусинами покрывалом. Глубина залегания самих костяков 105—115 см. Все три костяка относительно интенсивно окрашены охрой.

Костяк 8 сохранился очень плохо. Положение погребенного установить не удалось. Ориентирован он головой на северо-восток. В районе костяка найдено более 200 бусин. Видимо, вся его одежда или покрывало были расшиты бусами. У ног погребенного лежал каменный браслет, в нем костяной крючок. Браслет (рис. 6, 1) изготовлен из черного камня, видимо, сланца. Первоначально, вероятно, это было прямо

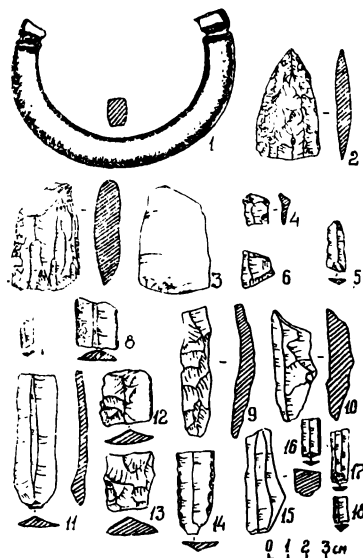

Рис. 6. Изделия из камня; 1 — костяк 8; 4, 8, 12 — костяки 24 и 25; 5 — костяк 4; 6 — костяк 7; 7 — костяк 11; 9 — костяк 18; 10 — костяк 6; 13 — костяк 21; 2, 3, 5, 11, 14—18 — изстоя над погребениями. 1 — сланец; 2—18 — кремь

угольное в сечении кольцо диаметром около 12 см. Позднее он был сломан, и на концах сделаны круговые надрезы для подвязывания. На одном конце видны следы неровного пиления. Поверхность хорошо отшлифована. Костяной крючок (рис. 7, 2) имеет длину 5 см, наибольшую ширину 1,5 см, толщину 0,5 см. В верхней его части сделан желобок для подвязывания леси. К северо-востоку от черепных костей обнаружен развал очень плохо сохранившегося сосуда (см. рис. 11, 1). Сосуд имел резко отогнутый наружу венчик и слегка раздутос тулово. С внутренней стороны имется ребристость. В глине примесь толченой раковины. Внутренняя часть венчика орнаментирована косыми рядами ногтевидных насечек, внешняя — горизонтальными рядами наколов. Ниже сосуд орнаментирован горизонтальными рядами вертикальных ногтевидных насечек, разделенных двойной прочерченной волной.

Развал второго сосуда помещался между черепами костяков 8 и 9 (см. рис. 11, 2). Судя по сохранившимся фрагментам он имел диаметр венчика около 10,5 см. Венчик утолщен, имеет округлый срез и как бы нависает с внешней стороны. Цвет серый. В глине примесь толченой раковины. Он

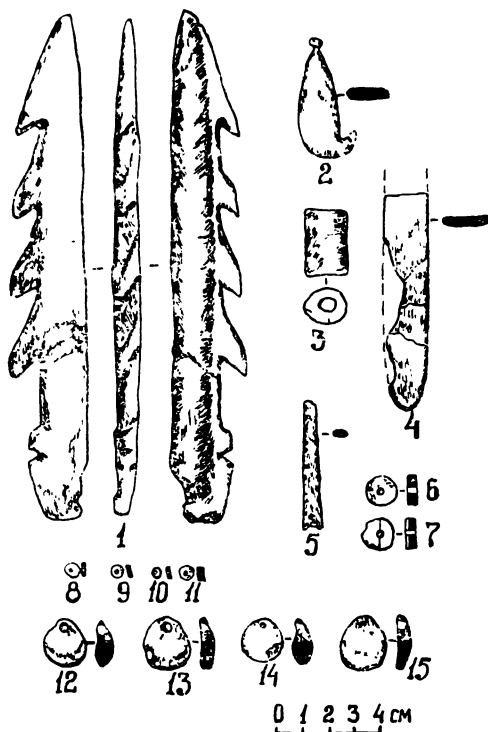

Рис. 7. Изделия
кости: 1, 3, 4 — находки
из слоя над погребением;
2 — костяк 5;
12 — костяк 4; 13—15
костяк 10; 6, 7 — костяк
16; 8—11 — костяки 5 и

орнаментирован горизонтальными рядами узких ногтевидных вертикальных насечек, разделенных прочерченной волной.

Располагавшийся в центре костяк 9 принадлежал ребенку, видимо, самому старшему в погребении. Сохранность костей очень плохая. Погребенный лежал на спине, ноги, вероятно, первоначально были поставлены коленями вверх, затем завалились влево. Руки слегка согнуты в локтях. Кисти видимо, лежали в области живота. Умерший ориентирован головой на северо-восток.

На черепе, в области грудной клетки и шеи отмечена россыпь мелких белых бус из раковины. Остатки низок из такой же бус были и под костями черепа. Видимо, головной убор был полностью расшит. Но сохранились лишь отдельные фрагменты узора в виде сегмента, образованного остатками трех низок.

В области живота, на левой тазовой кости обнаружены остатки трех идущих поперек костяка низок крупных белых бус из раковины. Возможно, ими был расшит подол рубашки или верхняя часть штанов. Вдоль длинных костей ног также найдены крупные и мелкие бусины из раковины. Еще несколько крупных бусин лежало у пяточных костей. Видимо, несохранившаяся одежда типа брюк была расшита по бокам и по нижнему краю.

Костяк 10 находился к юго-востоку от костяков 8 и 9. Скелет ребенка лежал на спине, головой на северо-восток. Судя по сохранившимся костям, ноги погребенного были первоначально сильно согнуты в коленях, а затем упали вправо. Кости левой ноги перекрывали кости правой. Руки, видимо, были сложены на тазе.

Несохранившаяся одежда погребенного и его головной убор были расшиты крупными и мелкими бусами из раковины. Рубашка по груди расшита узкой полосой из чередующихся крупных и мелких бусин (три—пять мелких, затем одна крупная). Под костями черепа сохранились детали шапочки: сзади она была расшита двумя горизонтальными рядами бус — нижний из крупных бусин и верхний из чередующихся крупных и мелких бусин. По три низки мелких бусин спускались по вискам вертикально вниз. Видимо, на нижней части шапочки или на волосах крепились три каплевидные костяные подвески, аналогичные подвеске, найденной на костяке 4 (рис. 7, 13—15).

Костяк 11 обнаружен в квадратах В14—Г14 в 40 см к юго-западу от костяков 8—10, на глубине 115—125 см (рис. 4). Сохранность костяка плохая. Детский скелет лежит в сильно скорченном положении на левом боку головой на запад с небольшим отклонением к северу. Череп лежал на левом боку. У костей конечностей найдена бабка животного и кремневый вкладыш из ножевидной пластинки с притупленным краем (рис. 6, 7). Рядом с костями найдены мелкие бусы из раковины. Под черепом сохранилась часть бус, которыми был расшит головной убор умершего. Сохранились две низки. Одна из них образует полукольцо, а вторая как бы служит его основанием. Отдельные бусины еще одной низки отмечены внутри полукруга.

Костяк 12 обнаружен в квадрате В14 в 1,5 м к востоку от костяка 11 (рис. 3, 4). Костяк лежал в слое суглинка на отметке 130—140 см. На глубине 115—125 см над ним (на

5—8 см выше костяка) обнаружено скопление мелких окрашенных охрой бус из раковин и окрашенная охрой раковина речной улитки. Видимо, они были нашиты на покрывало. Покрывало, видимо, было посыпано охрой.

Скелет ребенка лежал головой на север, с очень небольшим отклонением к западу. Точное положение погребенного определить трудно. Анатомический порядок сохранили только череп и кости ниже колен. Судя по ним, погребенный лежал на спине с согнутыми и поставленными коленями вверх ногами, которые затем упали влево. Череп завалился вправо и чуть вперед. Положение рук не восстанавливается. На черепе, в районе таза и ступней есть мелкие бусы из раковины. Такие же бусы встречены и вокруг костяка. У ступней, колен и справа от ног найдены раковины речной улитки. У затылка и под черепом погребенного находились обломки неорнаментированного миниатюрного сосудика с примесью толченой раковины. Сосуд имеет утолщенный, отогнутый наружу почти под прямым углом венчик (см. рис. 11, 4). Диаметр сосудика 5 см, высота 4,5 см, толщина стенок 3 мм.

Головной убор погребенного расшит мелкими бусами из раковин, сохранившимися под костями черепа, узором в виде кольца или полукольца с крестообразной фигурой из двух низок бус внутри. Здесь же найдены три раковины речной улитки, как и бусы, окрашенные охрой.

Окраска костяка слабая. Пятна охры прослеживались вокруг черепа и под ним, вокруг таза и ступней погребенного.

Костяк 13 (рис. 3, 5) обнаружен в 30 см к западу от костяков 5 и 6 в квадратах В16—Г16. Скелет взрослого человека лежал в слое суглинка на глубине 125—138 см. Умерший находился на спине с сильно согнутыми вправо ногами, головой на запад. Руки сильно согнуты в локтях. Кисть левой руки лежала в центре груди, правая была согнута под прямым углом к лицу и лежала на правом плече. Череп завалился вправо и вперед, к правому плечу. Окраска скелета очень слабая. Интенсивнее окрашены фаланги пальцев ног, кости рук у локтей и ног у колен, кости таза, около которых и под ними — небольшие пятна охры. Прослеживалась подсыпка охры под черепом и под лопатками.

Единого мнения о положении ног погребенного нет. Возможно, они первоначально были положены на бок вправо, однако кости грудной клетки, правая тазовая кость и крестец

сохранились в положении «на спине». Левая тазовая кость, пяточные кости обеих ног лежали на боку. Фаланги левой ноги лежали плашмя, а фаланги правой — одна над другой. Возможно, ноги были поставлены коленями вверх, а затем, еще до полного разложения связок, завалились вправо, чем объясняется положение на боку левой тазовой кости и пяточных костей.

Инвентаря нет. Лишь в 25, 40 и 50 см к югу от костей правой руки на том же уровне найдены три маленькие бусины из раковины, попавшие сюда, видимо, из соседних погребений.

Еще одно захоронение составляли костяки 14—16 (рис. 3, 6). Погребенные лежали в слое коричневатого суглинка на глубине 126 см. Три костяка (взрослого и двух детей) были очень тесно прижаты друг к другу. Ноги центрального взрослого костяка лежали чуть ниже. Правый костяк ребенка (14) лежал на 8—10 см выше дна могилы. Череп левого костяка (16) лежит чуть выше туловища как бы на небольшой «подушке». Сам костяк 16 лежит не прямо, а чуть наклонно. Ориентированы погребенные на северо-запад.

Костяк 14 (скелет ребенка с молочными зубами) лежал на спине, с первоначально поднятыми в коленях ногами, которые затем упали вперед. Правая рука располагалась вдоль туловища. Кости предплечья, видимо, немного смещены. Кости левой руки не сохранились. Левое крыло таза находилось на правом локте центрального костяка 15. Череп раздавлен и сохранился плохо. В районе таза обнаружены мелкие бусы из раковины. Часть из них были в низке. Видимо, в районе пояса одежда была украшена горизонтальными рядами бус. Еще по одной бусине было у левой руки и вправо от бедра. На груди найдено ожерелье из четырех крупных окрашенных охрой морских раковин. Под ними — пятно охры. На одной из раковин заметно неудачно просверленное отверстие. Вправо от черепа обнаружена створка речной раковины и раковины улитки. В 35 см от черепа найдена крупная бусина. У правого плеча находился развал сосуда. Под ним — интенсивная подсыпка охры. Сосуд имеет примесь толченой раковины в тесте. Его диаметр 6,5 см, высота 7,5 см, толщина стенок 0,4 см (см. рис. 11, 5). Венчик сосуда отогнут наружу. На внутренней стороне имеется ребро. Орнаментирована вся внешняя поверхность и внутренняя сторона венчика. Орна-

мент состоит из разделенных прочерченными волнообразными линиями насечек. Костяк окрашен слабо.

Костяк 15, принадлежавший взрослому человеку, центральный. Он находился на спине, чуть завалившись на правый бок, с сильно согнутыми вправо ногами. Кости ног лежали в строгом анатомическом порядке. Пяточные кости левой ноги уходили под стоящие коленями вверх ноги третьего, костяка 16. Обе руки согнуты в локтях, кисти положены на живот. Локоть правой руки был откинут в сторону. Череп лежит на правом боку. Костяк слабо окрашен охрой.

Костяк 16 принадлежит подростку, положенному на спину с поднятыми в коленях ногами. Кости ног частично сохранили свое положение, но, видимо, немного просели вниз. Левая рука лежала вдоль туловища. Кисть правой руки первоначально лежала, видимо, на тазе, где найдено несколько фаланг. Кости правой руки анатомического порядка не сохранили. Череп завалился вправо. В области шеи лежали крупные чередующиеся бусины из раковины и кости (видимо остатки ожерелья).

Взаимосвязанные костяки 17—18 (квадрат Г14) обнаружены на глубине 125 см (рис. 5, 1). Один из них (костяк 17) принадлежит человеку пожилого возраста, захороненного на спине, головой на северо-запад. Ноги его первоначально стояли коленями вверх, затем чуть завалились вправо, частично сохранив свое первоначальное положение. Руки вытянуты вдоль туловища. Кисти находились на тазовых костях. Череп немного завалился влево.

На правом предплечье костяка 17 лежали плохо сохранившиеся кости черепа младенца (костяк 18). Остальные кости его не сохранились. Рядом с его черепом найдена крупная грубая ножевидная пластинка из дымчатого полупрозрачного кремня (рис. 6, 9). Длина ее 6,5 см, ширина 1,5 см. На костях черепа — бусина из раковины.

Правая половина груди взрослого погребенного интенсивно окрашена охрой. Остальные кости обоих скелетов окрашены очень слабо.

К описанным костякам известное отношение имел и костяк 19 (рис. 3, 7), обнаруженный под костяками 17—18 в слое глины на глубине 162 см. Лежал он чуть наклонно, череп был на 5—7 см выше костей ног. Видимо, погребенный было застлано расшитым бусами покрывалом. Не исключено, что лишь затем сверху положили еще двух погребенных.

(костяки 17 и 18). При расчистке удалось проследить слабые счертания могильной ямы на уровне ее дна. Более четко они фиксировались с северной, восточной и южной стороны. Яма имела овальную в плане форму. Ее заполнение состояло из темного, сильно гумусированного суглинка, выше которого шла желтая глина. Погребенный лежал на спине, при ориентировке головой на север, с небольшим отклонением к западу. Ноги погребенного первоначально стояли коленями вверх, а затем упали вперед и вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Они слабо согнуты в локтях. Кисти уложены на тазе. Вероятно, крупной птице принадлежало скопление костей у плечевых костей скелета.

На костяке и вокруг него сохранилось огромное количество мелких украшений (свыше 1000), по местоположению которых удастся восстановить отдельные детали костюма.

Слева от черспа найдено медное кольцо из круглого в се-

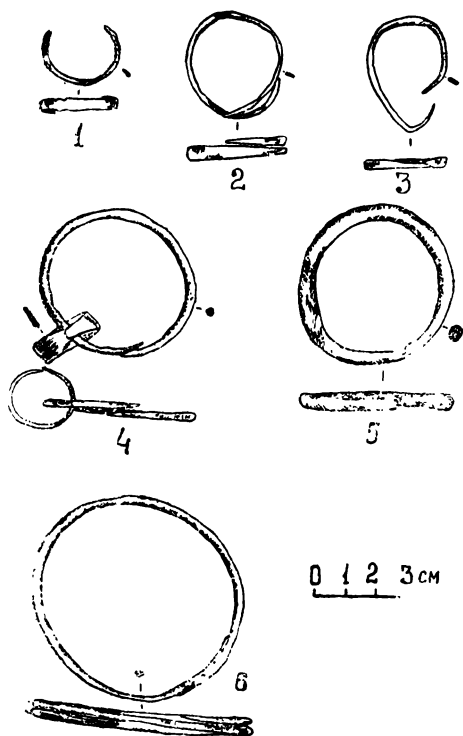

Рис. 8. Металлические изделия: 1—4 — находки из слоя над погребениями; 5—6 — костяк 19

чении стержня (рис. 8, 5). Диаметр его 5 см, сечение 0,4—0,5 см, концы несколько сужены. Между черепом и правой ключицей, под птичьей косточкой найдено другое кольцо (рис. 8, 6). Оно в два оборота, сделано из тонкой круглой проволоки с заостренными концами. Диаметр его 7 см. В области грудной клетки лежала крупная пронизка из ископаемого моллюска.

Среди беспорядочного скопления мелких бус из раковин некоторые сохранили первоначальный порядок. Они группировались по 7—11 экземпляров вдоль позвонков в виде ротких дуг. Отдельные бусины и короткие низки (по 3—5 экземпляров в каждой) встречены вдоль плечевых костей обеих рук. Большие скопления их отмечены в области локтей. Значительно лучше прослеживалось распределение бус в нижней части предплечья правой руки и в области запястья. Здесь фиксируется ряд бусин, идущих вдоль кости. Он бы, нашит по рукаву вертикально или зигзагом. Самый край рукава расшит короткими чередующимися низками, одна из которых располагалась вертикально, а другая — горизонтально. По подолу рубахи фиксируется богатый и сложный узор. Здесь сохранились низки, состоящие из 100 и более бусин, часть из которых образует встречавшийся уже элемент — кольцо с пересекающей его линией или крестом. На умершем, скорее всего, был головной убор, который был расшит мелкими белыми бусинами из раковин и тонкими цилиндрическими пронизками (рис. 9, 6, 8). Все эти украшения распределялись «венчиком» по затылочной части черепа и частично на лобных костях. У висков бусин было несколько больше, они лежали короткими низками, по три—пять штук в каждой.

Вдоль фаланг стоп ног, засыпанных охрой и окруженных зеленоватым тленом (кожа?), также отмечены короткие низки бус в четыре—шесть экземпляров. Последние располагались вдоль ступни от носка к щиколотке. Видимо, этими бусами была расшита обувь погребенного. Отдельные бусины отмечены в области таза и чуть ниже тазовых костей.

Костяк весьма интенсивно окрашен охрой. Окрашенный слой под ним подстилался тонкой прослойкой темного органического тлена, видимо, от подстилки на дне ямы.

Костяк 20 (рис. 5, 2) находился в квадрате Д15 в 0,9 м к северу от костяков 17—19. Здесь на глубине 110 см обнаружено несколько костей скелета ребенка и скопление мелких бус из раковины. Бусы располагались в более или менее

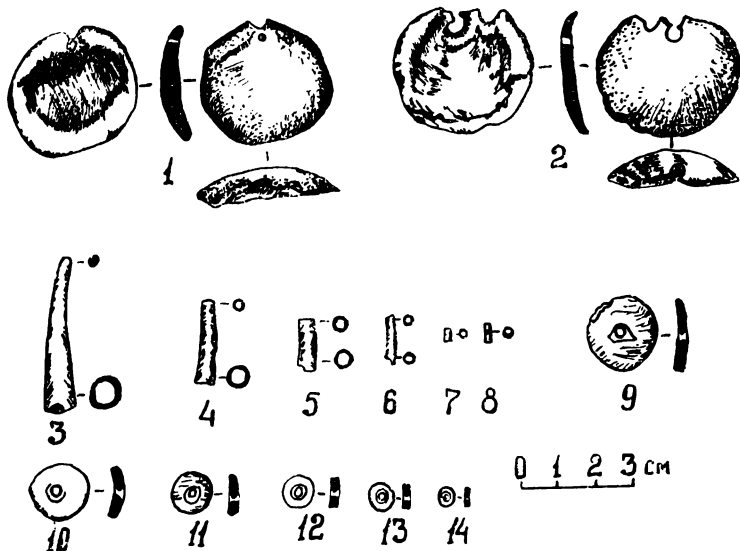

Рис. 9. Изделия из раковины: 1 — костяк 21; 2 — костяк 14; 3 — костяк 19; 4—14 — бусы из погребений и слоя над ними

определенной системе. Тем самым создается впечатление, что они не потревожены.

Костяк 21 (рис. 5, 4) находился также в квадрате Д15. Плохо сохранившийся скелет ребенка лежал на глубине 125 см. Скелет имел северную ориентировку, возможно, с некоторым отклонением к западу. Справа от костяка, частично перекрывая кость правой руки, лежал глиняный сосуд. В районе пояса обнаружены идущие горизонтально в три—четыре ряда низки бус. Видимо, это пояс или расшитый мелкими бусами из раковины низ рубашки. Справа от черепа, в 15 см, на одном уровне с ним найдена челюсть животного.

Сосуд круглодонный, с шаровидным туловом и утолщенным скошенным внутрь венчиком (см. рис. 11, 3). Цвет его серый. В тесте примесь толченой раковины. Сосуд орнаментирован полностью. По венчику идут три горизонтальных ряда ногтевидных насечек, по шейке — ряд округлых ямок. На тулове орнамент состоит из горизонтальных рядов неглубоких округлых ямок, горизонтально и вертикально поставленных

погтевидных насечек. Последние разделены прочерченной волной. В сосуде оказался обломок ножевидной пластины (рис. 6, 13). Она имеет ударный бугорок. Одна грань пластины обработана притупляющей ретушью.

Под костями черепа сохранились мелкие белые бусы и раковины, которыми, видимо, был расшит головной убор.

Скелет окрашен охрой.

Костяк 22 (рис. 5, 7) обнаружен в квадрате Д16 у самой стенки раскопа. На глубине 125 см на слое материковой глины обнаружен ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку костяк человека. Погребенный лежал на спине с подогнутыми и поставленными коленями вверх ногами. Кисти рук лежали вдоль туловища и были слабо согнуты в локтях. Кисти находились на тазе. Череп немного завалился влево и вперед.

На нижней челюсти, между шейными позвонками и правой ключицей найдены многочисленные остатки низок бус, нашитых либо на головной убор, который при совершении захоронения несколько сместился вниз, либо по верху платья. В состав узора входил уже известный элемент — кольцо с прямой линией или крестом внутри. Горизонтальные низки бусин шли как на нижней челюсти, так и под ней. Здесь же найдены две пронизки в виде трубочек (рис. 9, 4, 5). В скоплении бус у теменных костей черепа отмечено чередование мелких плоских бусин из раковины и мелких коротких цилиндрических бусин, изготовленных также из раковин (рис. 9, 7). В области запястий рук и под тазовыми костями найдены остатки двух низок крупных бус из раковины, которыми, вероятнее всего, был расшит низ рубахи или пояса погребенного.

Окраска костяка очень слабая. Немного интенсивнее подсыпка охры в районе груди.

Костяк 23 (рис. 5, 5) находился в квадрате Д17 на глубине 115 см. Анатомический порядок сохранили только кости черепа и ног ребенка. Погребенный, видимо, имел северную ориентировку. Череп лежал на левом боку. У ног найдена одна бусина, попавшая сюда, возможно, из другого погребения. Костяк окрашен очень слабо.

Костяки 24—25 (рис. 5, 6) находились в квадрате Г16 на глубине 115 см. Скелет взрослого человека (костяк 24) лежал на спине, головой на северо-восток. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки прижаты к тазу. Первоначально ноги сто-

яли коленями вверх, затем слегка завалились вниз. Руки вытянуты вдоль туловища. Левая чуть согнута в локте. Кисти обеих рук, видимо, лежали на тазе.

В области левой тазовой кости лежал плохо сохранившийся костяк младенца (костяк 25). Ребенок ориентирован, видимо, также на северо-восток. У запястья правой руки найден крупный вкладыш из молочно-белого камня длиной 2,5 см, шириной 2,2 см, толщиной до 0,7 см (рис. 6, 8).

Детский костяк интенсивно окрашен охрой, в отличие от костей взрослого человека, которые почти не имеют окраски.

Костяк 26 найден в квадратах Д14 и Д15 на глубине 142 см (рис. 5, 3). Он находился в нижней части суглинка, чуть углубляясь в материк. Скелет лежал на спине головой на северо-запад. Ноги сильно согнуты в коленях и лежали коленями вправо. Правое крыло таза и крестец соответствуют положению «на спине», в то время как левое крыло таза несколько соответствует положению «на правом боку». Плечевые кости рук лежат параллельно туловищу. Руки согнуты в локтях почти под прямым углом. Кисти находятся на животе. Череп чуть завалился влево и вперед. На черепе найдена одна бусина из раковины. Вблизи от левого плеча есть несколько мелких бусин из раковины. Еще несколько бусин — таза и в районе пояса, в том числе и под позвоночником.

Скелет окрашен слабо. Интенсивное пятно охры диаметром около 10 см прослеживалось слева от черепа. Несколько более интенсивно окрашены кости ступней и локти.

Костяк 27 находился в северной части раскопа в квадрате Б21 (рис. 3, 9). Захоронен ребенок. Сохранность костяка очень плохая. Определить позу погребенного невозможно. Его возможная ориентировка на север или северо-восток. Рядом с костяком отмечено несколько зубов животного и мелкие фрагменты керамики с примесью толченой раковины.

Костяк 28 находился также в северной части раскопа, в квадрате Б20 на глубине 1,29 м (рис. 3, 8). Скелет крупного взрослого человека лежал на спине, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Ноги сохранили первоначальное положение — сильно согнуты и поставлены коленями вверх. Пятки тесно прижаты к бедрам. Череп немного повернут влево, к плечу. Руки слегка раскинуты и согнуты в локтях. Кисти лежат на тазе. Скелет окрашен слабо. Рядом с ним на уровне древней дневной поверхности найдено несколько зубов животного.

В целом нами охарактеризованы все имеющиеся в настоящее время материалы Хвалынского энеолитического могильника. Они дают основание для некоторых предварительных заключений по самой организации захоронений в могильнике, как, впрочем, и по относительной их хронологии.

Основная масса костяков, как и находки, предположительно связываемые нами с жертвенной площадкой, сосредоточены на ограниченной площади в 105 м². В 7—9 м к северу на некотором удалении от них, совершены лишь два захоронения (27 и 28).

В Хвалынском могильнике наряду с одиночными встречены и групповые погребения, объединяющие костяки 8—10, 14—16, 17—19, 24—25. Одно из них (костяки 8—10) — тройное детское.

Еще в одном погребении (костяки 14—16) восстанавливается последовательность помещения умерших в могилу. Судя по зафиксированным случаям перекрывания отдельных костей погребенных, первым был положен взрослый человек (костяк 15), затем ребенок (костяк 14) и подросток (костяк 16). В погребении, объединяющем костяки 17—19, вначале захоронен один человек (костяк 19). Не исключено, что до помещения в могилу двух других умерших (костяки 17—18) мог пройти и значительный промежуток времени, поскольку костяк 19 выделяется интенсивностью окраски охрой, богатством инвентаря и украшения одежды. Но в то же время нельзя исключать, что эти отличия связаны с особым социальным статусом умершего. Тогда три костяка составляют единое захоронение.

В случае с погребением, содержащем костяки 24 и 25 трудно представить их неодновременность — костяк маленького ребенка лежал непосредственно на костяке взрослого.

Интересны соображения по поводу расположения костяков 4—11. Судя по тому, как тесно и не нарушая анатомический порядок располагались костяки 4—7, они были захоронены в общей могиле-траншее, ориентированной по линии северо-восток—юго-запад. Причем костяки 5 и 6, видимо, были помещены в траншею позже костяка 4. В то же время череп погребенного 7 перекрывает ступни костяка 5. Между этими двумя захоронениями прошло довольно много времени, за которое кости ног погребенного 5 уже упали. Костяки 8—10 отделяются от названных четырех костяков расстоянием 40 см. Возможно, они совершены в общей с костяками 4—7

траншеи. Правомерно допустить, что они были захоронены несколько позже группы предыдущих погребений, когда первоначальное положение последних было уже забыто. Не исключено, что тройное детское погребение могло быть преднамеренно отделено от взрослых. То же самое можно предположить и относительно детского костяка 11. Правда, последний имел и иную ориентировку. Заметим, что в древних обществах определенная ориентировка при положении детей в могилу часто не соблюдалась строго.

Поэтому нельзя исключать, что костяки 4—11 могли быть захоронены даже и в общей траншее, размером не менее чем 5 м×3 м.

В Хвалынском могильнике за исключением каменной закладки над костяком 2 никаких погребальных сооружений не отмечено. Погребенные были положены, видимо, на глубине 40—50 см от уровня древней дневной поверхности. Поднятые вверх колени находились первоначально на глубине от 5 до 30 см от тогдашней поверхности. В таких условиях прекрасную сохранность анатомического порядка костяков можно объяснить лишь наличием затем утраченных каких-то надмогильных сооружений, находившихся непосредственно над каждой из ям.

Уже за пределами могильника в 400 м к югу от него, найдено несколько фрагментов энеолитической керамики (рис. 10, 5, 6). Это венчики крупных сосудов, имеющие воротничковые утолщения, с обильной примесью толченой раковины в глине. Они орнаментированы рядами наколов по срезу венчика, внешней и внутренней его стороне. Эта керамика весьма близка керамике из могильника (рис. 10, 1—4, 11). Нельзя исключать, что это бытовая посуда, происходящая с территории поселения, рядом с которым находился и могильник.

Исследованный памятник — это первый могильник данного типа на Волге. Однако он хорошо укладывается в схему развития культур энеолита и ранней бронзы Поволжья, занимая место между выявленным здесь недавно пластом памятников мариупольского типа (могильник у с. Съезжее) и ямными древностями. Сопоставление полученных материалов с могильником у с. Съезжее убеждает в их непосредственной генетической связи. Ориентировка погребенных в могильнике у с. Съезжее (северо-восток) в целом близка ориентировке хвалынских захоронений (северо-запад, север, северо-восток). Аналогичны интенсивная окраска охрой и богатый ин-

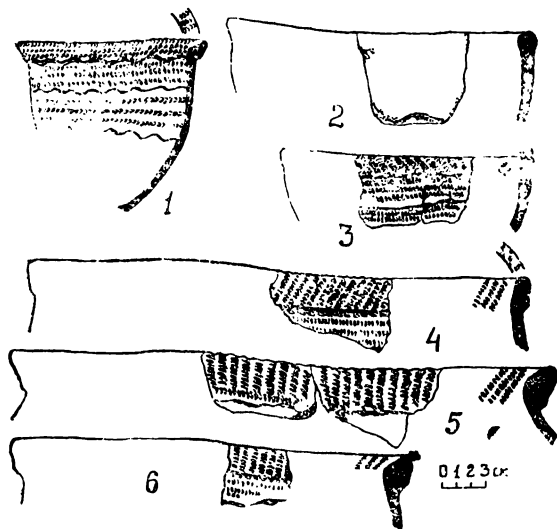

Рис. 10. Керамика:
1—4 — из слоя над погре-
бениями; 5—6 — подъем-
ный материал с берега
водохранилища

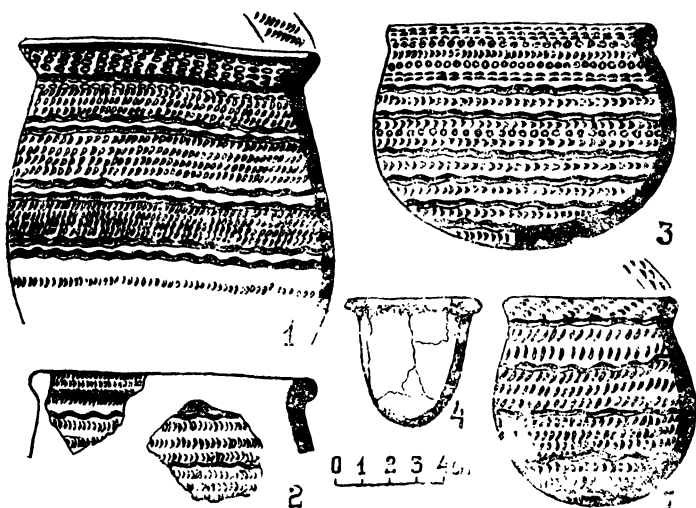

Рис. 11. Керамика из погребений: 1 — костяк 8; 2 —
костяк 9; 3 — костяк 21; 4 — костяк 12; 5 — костяк 14

вентарь отдельных погребений. Для обоих могильников характерно неглубокое захоронение умерших, наличие жертвенных площадок с костями животных и т. д. Многочисленные параллели в инвентаре—бусы, пронизки и подвески из раковины, крупные ножевидные пластины. Много общего и в керамике. Это примесь толченой раковины в тесте, одинаковый принцип и мотивы орнаментации—заполнение всей внешней поверхности отпечатками штампа или насечками с горизонтальными разделителями, воротничковые оформления венчиков. Различия же в позе погребенных отражают, видимо, хронологическое соотношение памятников. Вытянутое положение костяков, наличие пластин мариупольского типа, мелких бус из раковины, отсутствие медных изделий—все это черты более раннего могильника у с. Съезжее. Скорченное положение погребенных, отсутствие пластин мариупольского типа, наличие мелких и крупных бусин из раковины, значительное количество медных изделий—характерны для более позднего Хвалынского могильника.

Из подкурганных погребений Нижнего Поволжья хвалынским захоронениям наиболее близки погребения первого хронологического горизонта ямной культурно-исторической области, выделенного Н. Я. Мерпертом⁸. Сосуд из I Бережновского могильника (курган 5, погребение 22)⁹—это почти полная аналогия керамике хвалынских захоронений. Можно найти параллели и с керамикой из засыпи погребения 7 кургана 12 Первого Быковского могильника¹⁰, Досанга, Исекея¹¹ и др. Имеются аналогии и некоторым другим типам инвентаря—крупные ножевидные пластины, бусы из раковины, медные подвески, трубочка из кости птицы и т. д.

Не совсем ясно, чем объясняется отсутствие курганных насыпей в Хвалынском могильнике. Возможно, последнее свидетельствует о несколько более раннем времени хвалынских захоронений по отношению к древнеямным подкурганным погребениям Нижнего Поволжья.

Среди синхронных памятников более западных террито-

⁸ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья, рис. 12.

⁹ Там же, рис. 12, 8.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Быковские курганы.—МИА, 1960, 48, с. 200, рис. 13, 3.

¹¹ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья, рис. 12, 9—10.

рий многочисленные аналогии Хвалынскому могильнику мы найдем в памятниках среднестоговской культуры. Как и среднестоговские, Хвалынский могильник грунтовый. Для него также характерны парные и групповые захоронения, отмеченные в среднестоговском Александрійском могильнике. Общим является присутствие каменных закладок, нахождение умерших в неглубоких ямах, их положение на спине с согнутыми и поставленными коленями вверх ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. Близка и ориентировка погребенных (в основном, север, восток, северо-восток, иногда северо-запад в среднестоговских могильниках и север, северо-восток и северо-запад в Хвалынском могильнике). В Хвалынском могильнике лишь отсутствует распространенная в среднестоговских памятниках собственно восточная ориентировка умерших. Как и среднестоговские, почти все хвалынские погребения имеют окраску охрой. Причем сама степень окраски неравномерна.

Девять десятых погребений Хвалынского могильника содержали инвентарь, что в целом характерно и для среднестоговских захоронений. Причем здесь не встречены лишь изделия из рога. Кроме того, в Хвалынском могильнике помимо бусин из раковины найдены и мелкие, диаметром до 0,5—0,7 см бусины. Характерно, что и в среднестоговских могильниках бусы найдены в районе пояса (по предположению Д. Я. Телегина, были нанизаны на шнурок¹²). В Хвалынском же могильнике бусами украшались одежда и головные уборы многих из погребенных. Среднестоговским аналогичны металлические и кремневые изделия — пружинный браслет, височные кольца и подвески, треугольный наконечник дротика, крупные ножевидные пластины.

Однако, несмотря на близость погребального обряда и значительной части инвентаря, Хвалынский могильник тем не менее резко отличается от среднестоговских по форме и орнаментации сосудов. Так, в среднестоговских могильниках найдены обычно бедно орнаментированные насечками зубчатый штамп или шнуром горшки, амфоры, кубки-чашки и миски. Сосуды же Хвалынского могильника — это богато украшенные по всей внешней поверхности или большей ее части горшки с утолщенными, иногда воротничковыми венчиками. Сосуды орнаментированы насечками и прочерченными линиями.

¹² Телегин Д. Я. Середньо-стоговська культура епохи міді, с. 106.

ми. На них уже полностью отсутствует орнаментация шну-
ром.

Таким образом, сопоставление материалов Хвалынского могильника с памятниками среднестоговской культуры свидетельствует об их значительном сходстве и синхронности, но не о тождестве. Анализ материалов Хвалынского могильника показывает его близость, с одной стороны, древнейшим древнеямным подкурганам погребениям Нижнего Поволжья, с другой,— материалам предшествующего времени типа могильника у с. Съезжее.

Видимо, этот памятник отражает один из первых этапов становления древнеямной культуры Нижнего Поволжья, входившей в огромную древнеямно-среднестоговскую общность Каспийско-Черноморской степи и лесостепи.

А. Т. СИНЮК

У ИСТОКОВ ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА

Процесс формирования энеолитических культур Восточной Европы, начавшись в глубинах IV тыс. до н. э.¹, предполагал охват территорий, где практически имелись условия для ведения раннего земледельческого и скотоводческого хозяйства. В границы таких территорий, помимо степных пространств, входила и лесостепь, что доказано, в частности, исследованиями бассейнов Северского Донца и Средней Волги, являвшихся составной частью ареалов распространения среднестоговской и древнеямной культур с ярко выраженным скотоводческим характером экономики². Аналогичными природно-климатическими условиями располагал и лесостепной Дон. Однако он до последнего времени выпадал из поля зрения археологов, занимавшихся изучением энеолитических культур сопредельных районов. Подобное «невнимание» объ-

Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969, с. 219—238; Телегин Д. Я. Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973, с. 118—130.

² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 98—122; Даниленко В. Н. Указ. соч., с. 224—228; Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 131—139.

ясняется одной причиной: почти полным отсутствием публикаций донских энеолитических материалов. Такие материалы сейчас имеются в значительном количестве, причем по своему характеру они принадлежат нескольким культурно-хронологическим группам³.

В данной статье мы ограничимся анализом только одной из таких групп, отражающей, на наш взгляд, наиболее раннее звено в развитии новых исторических тенденций. Она представлена керамическим материалом — фрагментами и развалами сосудов, выявленными при раскопках многослойных стоянок Университетских 1 и 3 (низовья р. Воронежа), Копанищенской и Дармодехинской (низовья р. Тихой Сосны), Дронихи и Черкасской (среднее течение и низовье р. Битюга).

В тесто таких сосудов вводилась обильная органическая примесь (трава или толченая раковина), в связи с чем глиняная масса приобретала слоистую структуру. Цвет поверхностей желтовато-коричневый и серо-желтый. На внутренних, а нередко и на внешних сторонах сосудов имеются крупные расчесы. Иногда поверхности несут и следы лощения. Обжиг костровый, слабый, на что указывает черный цвет излома черепков и их относительная рыхлость.

Общее представление о размерах и форме сосудов дает графическая реконструкция некоторых из них, а также выразительные фрагменты венчиков и днищ. Преобладают сосуды вытянутых пропорций, средних размеров, с диаметрами верха до 30 см при толщине стенок 0,5—0,8 см, а в отдельных случаях — до 1 см. Господствует форма остродонных сосудов яйцевидным туловом, плавно выходящим на прямой или слегка отогнутый наружу венчик (рис. 1, 2; 3, 2). Единичными экземплярами представлены прямостенные сосуды (рис. 2, 6, 3, 1). Наряду с коническими (рис. 1, 3), округлыми (рис. 1, 4) и массивными шиповидными днищами (рис. 7) найдено несколько миниатюрных плоских донышек, принадлежащих сосудам этой же группы (рис. 1, 5, 6, 8, 9). Характерной особенностью большинства сосудов являются «воротничковые» утолщения под верхом, от небольших, треугольных в сечении (рис. 1, 1, 2; 2, 2, 3) до широких плоских (рис. 3, 7, 8, 10). Иногда воротнички оформлялись путе

³ Левенок В. П. Исследования в зоне Липецкого моря. АО 1967 года. М., 1968, с. 33—34; Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дис. М., 1971, с. 12.

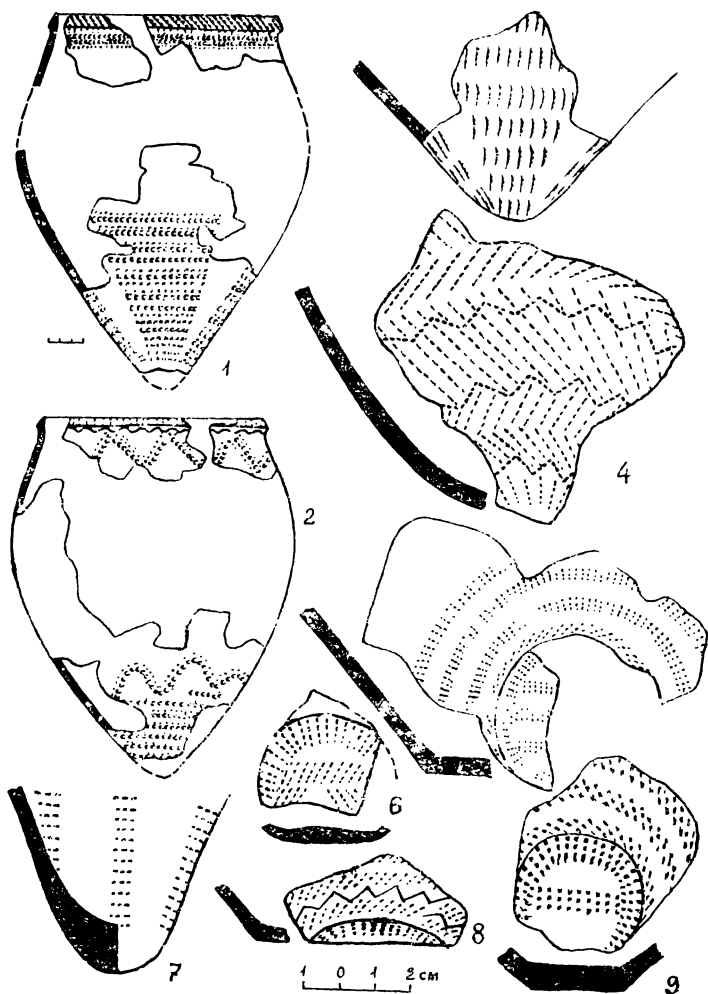

Рис. 1. Образцы керамики (1—6 — стоянка Университетская-3; 7—8 — стоянка Университетская-1; 9 — Копанищенская стоянка)

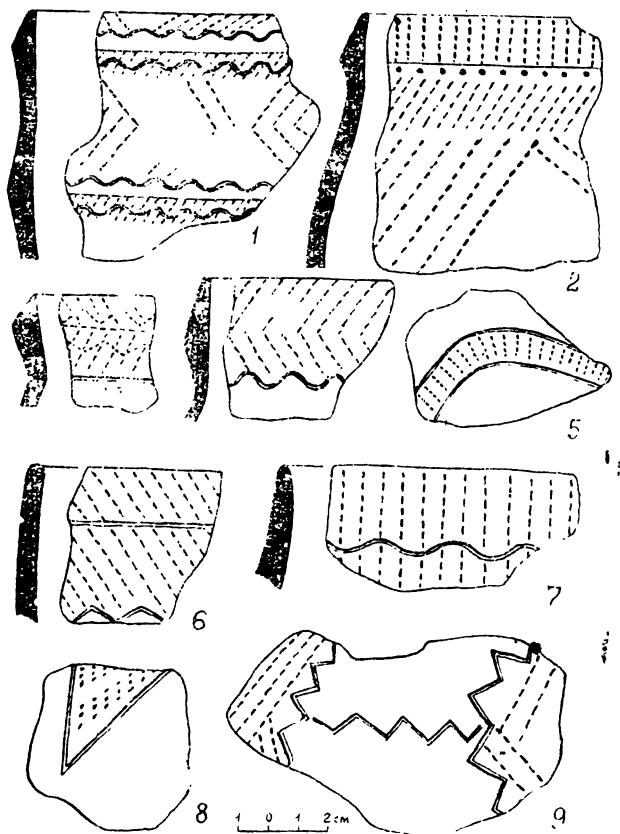

Рис. 2. Образцы керамики со стоянки Университетская-1

проглаживания под верхом сосуда широкого опоясывающего желобка (рис. 3, 4). Края венчиков заострены, реже (с широкими воротничками) — закруглены или срезаны прямо (рис. 2; 3).

В орнаментации сосудов доминирует мелкий гребенчатый штамп, нередко наносившийся в «отступающей» манере. Отмечено применение в качестве штампа створки раковины *Unio* (рис. 3, 5). Как правило, штампу сопутствует прочерченный

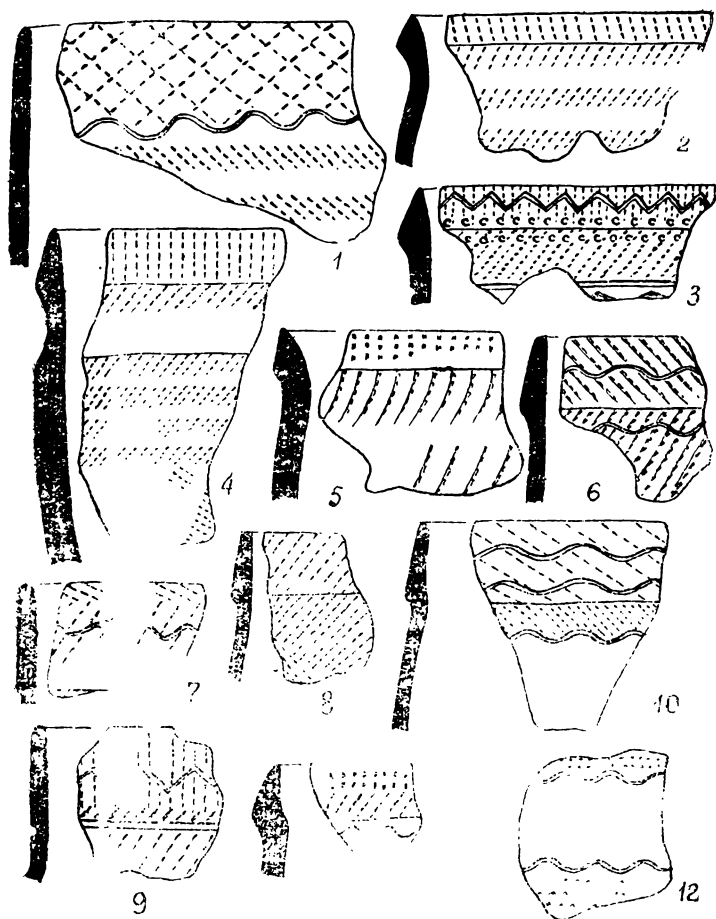

Рис. 3. Образцы керамики (1—9 — стоянка Университетская-3; 10 — Дармодохинская стоянка; 11, 12 — Копанищенская стоянка)

элемент, образующий одну (рис. 2, 4, 7) или несколько волнистых линий (рис. 2, 1; 3, 6, 10), выступающий в роли делителя орнаментального поля на зоны. Редже встречены прямые прочерченные линии (рис. 2, 3, 6). Еще более редки другие элементы — отступающий накол (рис. 1, 1, 2; 3, 12), мелкие круглые и овальные вдавления (рис. 2, 2). Самостоятельного значения эти элементы не имеют (за исключением накола) и лишь подчеркивают рисунок, выполненный гребенчатым штампом. Композиционные построения довольно однообразны и в то же время специфичны: большое значение имело горизонтальное расположение одинарных или нескольких поясков из наклонных насечек штампа, где наклоны последовательно идут или в одну сторону (рис. 1, 4, 5, 8, 9) или «елочкой» (рис. 1, 4; 2, 4). Иногда оттиски гребенки образуют угловые композиции (рис. 2, 2; 3, 4). Можно отметить и компановку оттисков гребенки в зигзаг (рис. 1, 4; 2, 3). Интересен орнамент из волнообразных лент, образованных параллельно идущими прочерченными линиями и насечками гребенки между ними (рис. 2, 5). Венчики сосудов украшались всегда, но ни в одном случае орнамент не заходит на их внутреннюю сторону. Плоские доньшки орнаментировались насечками штампа, составленными в концентрический пояс по краю и прямые колонки внутри круга (рис. 1, 5, 6, 8, 9). В мотивах украшений сосудов преобладает горизонтальная зональность. Большое значение для понимания характера орнаментальных построений имеют графически восстановленные сосуды. Один из таких сосудов (рис. 1, 1) украшен по треугольному воротничку насечками мелкого гребенчатого штампа; ниже расположено несколько рядов штампа, нанесенного отступающим приемом. В нижней части сосуда ряды того же штампа образуют сходящиеся к острому днущу вертикальные колонки-лопасти. Композиционно аналогичен орнамент на нижней части другого сосуда (рис. 1, 3). У третьего сосуда под венчиком расположена прочерченная волнистая линия, ниже которой идет крупная зигзагообразная полоса из спаренных отступающих наколов. У острого днуща наколы составлены в строчки и волнистую линию над ними (рис. 1, 2). Таким образом, для этих сосудов, как, вероятно, и для многих других, характерно двухзонное размещение орнамента: в верхней и нижней частях, при отсутствии его на среднем участке поверхности. Следует отметить, что отступающие наколы встречены только на остродонных со-

судах с треугольными воротничками. Плоские доньшки, вероятнее всего, принадлежали сосудам со слабо намеченными плоскими воротничками. У таких сосудов орнамент мог покрывать и всю поверхность.

Рассматриваемая группа керамики сравнительно немногочисленна (на стоянке Университетская-1 найдены фрагменты от 47 сосудов, на Университетской-3 — от 26, а на других памятниках — от еще меньшего количества сосудов). В целом отмечается компактность ее поглубинного залегания. Так, на стоянке Университетская-3 такого рода керамика залегала в нижнем горизонте среднего (второго) слоя и всего лишь фрагменты от пяти сосудов найдены на других уровнях. На стоянке Университетская-1 свыше 76% ее залегало в 3—4 штыках, что соответствует нижнему горизонту среднего слоя отмеченного выше памятника. Аналогичную картину дают и другие стоянки лесостепного Подонья. Все это пока не позволяет провести статистико-стратиграфическую классификацию внутри группы. Но вместе с тем данное обстоятельство может указывать на сравнительно узкие хронологические рамки бытования рассматриваемой керамики на Среднем Дону. Признание относительной одновременности ее при некоторых вариациях формы и ряда других признаков не несет больших противоречий, ибо черты ее единства по важнейшим показателям выступают слишком ярко.

По стратиграфическим условиям залегания в слоях стоянок воротничковая керамика синхронна материалам третьего этапа среднедонской неолитической культуры, т. е. время ее появления приблизительно может быть отнесено ко второй половине — концу IV тысячелетия до н. э.⁴ Но она столь резко отличается от местной неолитической керамики, что не оставляет сомнений относительно своего происхождения за пределами лесостепного Дона. Аналогии этому типу керамики обнаруживаются прежде всего в нижнем Подонье, в материалах из зоны Цимлянского водохранилища⁵. Здесь имеются

⁴ Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону, с. 19; Он же. Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV—II тысячелетиях до н. э. — В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 5. Воронеж, 1975, с. 146.

⁵ Горюцкий Г. И. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных осадков — В кн.: Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 20. М., 1955, с. 27, табл. VII, 1—4; табл. V и др.; Формозов А. А. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. — КСИИМК, 1954, 53, с. 135, рис. 60; с. 136, рис. 61.

фрагменты сосудов с теми же воротничками и сходным орнаментом. Особенно близки материалы Среднего Дона и нижне-донского поселения Ракушечный Яр, где есть сосуды с растительной и раковинной примесью, остродонные и с уплощенным дном, с отпечатками гребенчатого штампа и с прочерченным зигзагом в орнаментации⁶. В этом отношении несомненный интерес представляет могильник у с. Съезжее в Куйбышевском Заволжье, исследованный И. Б. Васильевым Г. И. Матвеевой⁷. Керамика названного памятника — сосуды первого комплекса (по классификации авторов) — несмотря на влияние местных неолитических традиций (вогнутые днища небольшого диаметра, зубчатый орнамент, нанесенный способом «шагающей гребенки»), обнаруживают удивительное сходство с донской керамикой. Единство таких признаков, как яйцевидная форма, воротнички на венчике, органическая примесь в тесте, орнаментальный зигзаг, волнообразные нарезные линии и т. п.⁸ — достаточно красноречиво, указывая на генетическое родство и хронологическую близость этих материалов. Следует отметить, что похожая керамика встречается на нижней Волге⁹ и еще дальше, в Западном Казахстане. Наконец, необходимо указать и на область распространения азово-днепровской энеолитической культуры (по В. Н. Даниленко)¹¹ или надпорожско-приазовского варианта днепродонецкой культуры (по Д. Я. Телегину)¹² с воротничковыми сосудами, часто имеющими в орнаментации зигзагообразные или волнистые прочерченные линии. В то же время азово-днепровские сосуды несут серьезные отличия: в тесте их при-

⁶ Белановская Т. Д. Отчет о работе Нижнедонской археологической экспедиции в 1969 году. — Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2139.

⁷ Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у села Съезжее (предварительная публикация). — В кн.: Очерки истории культуры Поволжья, вып. 2. Куйбышев, 1976, с. 73—96.

⁸ Там же, с. 92, рис. 9; с. 93; рис. 10, 11.

⁹ Находки у с. Болхуны Астраханской области. Разведка П. С. Рыкова 1928 года. Хранятся в Саратовском областном краеведческом музее, инв. № 1117. Керамика, имеющая в орнаментации такие признаки, как струйчатые прочерченные линии, зигзаг из оттисков гребенчатого штампа в сочетании с поясками из насечек того же штампа, встречается В. Д. Белецким при разведках у Досанга и Исекся (Астраханская область). Хранится в Гос. Эрмитаже.

¹⁰ Материалы разведки И. В. Синицына у с. Новая Казань. Хранятся в Саратовском краеведческом музее, инв. № 1117.

¹¹ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 12—18, 37.

¹² Телегин Д. Я. Днепродонецкая культура. Київ, 1968, с. 63—

месь песка и только в ряде случаев — ракушки; края воротничков косо срезаны вовнутрь и, как правило, украшены, в орнаментации преобладает подтреугольный накол. Такие признаки не позволяют объединять их с более восточными материалами в рамках единой культуры. Имеющиеся черты сходства, скорее, указывают на культурно-хронологические контакты двух групп памятников¹³, что исключительно важно для корреляции их датировок.

Естественно, что оперирование только керамическим материалом в известной степени ограничивает возможности для широких обобщений. Но тем не менее, на основании приведенных сопоставлений можно сделать вывод, что в какой-то период времени в пределы лесостепного Подонья началось продвижение племен с юга, а именно из среды носителей культуры типа поселения Ракушечный Яр (соответствующих слоев). Вероятно, тогда же отдельные группы этого населения стали проникать и в более восточные районы — на Нижнюю Волгу и в Заволжье¹⁴. Причины данного расселения следует искать в сфере экономики, вызвавшей к активной деятельности ранние скотоводческие племена древнеямного культурного ареала¹⁵. В этой связи интересно вспомнить сосуд из раннего ямного погребения Бережновского могильника, имеющий близкую нижнедонским сосудам орнаментацию¹⁶, что в какой-то степени указывает на хронологическое соприкосновение носителей данных культур. Аналогичные процессы протекали и в среде надпорожско-приазовских племен¹⁷. Именно развитие скотоводческого хозяйства в отмеченных районах,

¹³ О возможности выделения памятников Нижнего Дона типа Ракушечный Яр в самостоятельную культуру писал Н. Я. Мерперт (см. Мерперт Н. Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н. э.). Докт. дис. М., 1967, с. 352).

¹⁴ На ранние исторические связи Нижнего Дона с востоком и юго-востоком могут указывать некоторые черты, общие с кельтеминарской культурой: волнисто прочерченный орнамент, своеобразный накол. В этом же плане интересно отметить и нахождение обломка венчика с воротничковым утолщением в IV слое Джебела (см. Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры Прикаспийских племен Туркмении. — В кн.: Труды Южно-туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1956, т. VII, с. 104, рис. 61).

¹⁵ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья, с. 126—146.

¹⁶ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, 1959, 60, с. 71, рис. 17, 8.

¹⁷ Даниленко В. Н. Неолит Украины, с. 224.

создавшее давление избыточного населения на производительные силы, обусловило появление на Среднем Дону групп южного населения. Тем самым здесь было положено начало действию новых тенденций, имеющих аналогии в истории неолитических племен более южных территорий.

А. Д. ПРЯХИН, В. С. ГОРБУНОВ

МОГИЛЬНИКИ УРАЛЬСКОЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. БЕРЕГОВКИ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР.

В Мелеузовском районе Башкирской АССР недалеко от с. Береговка есть серия памятников эпохи бронзы, осмысление которых имеет первостепенное значение для изучения эпохи бронзы Южного Урала, особенно древностей уральской абашевской культуры. Среди них выделяются два Береговских поселения¹ и связанные с ними III Красногорский и Береговский могильники.

Настоящая статья посвящена анализу результатов исследования III Красногорского и Береговского могильников, которые изучались в 1974 г. экспедицией Башкирского пединститута, а в 1975 г. совместной экспедицией Воронежского университета и Башкирского пединститута². Кроме того, один курган в Береговском могильнике был вскрыт в 1954 г. Южноуральской археологической экспедицией³.

Оба могильника расположены на примыкающей к лесу

¹ О результатах исследования двух Береговских поселений см.: Сальников К. В. Некоторые сведения о памятниках эпохи бронзы в Башкирии.— В кн.: Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 18—22, 149—153; Викторова В. Д. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 64—74; Пряхин А. Д., Горбунов В. С. Абашевские памятники у с. Береговка в Башкирии.— АО 1975 года. М., 1976; Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976, с. 88—99.

² Горбунов В. С. Раскопки у деревень Красногорка и Береговка.— АО 1974 года. М., 1975; Пряхин А. Д., Горбунов В. С. Абашевские памятники у с. Береговки в Башкирии; Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977, с. 71—78.

³ Викторова В. П. Научный отчет Южно-Уральской археологической экспедиции 1954 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, 1033, с. 38—41. Курган находился на ныне почти полностью запаханной части территории могильника и определить его местонахождение нам не удалось. Поэтому нашу нумерацию курганов Береговского могильника он не включен.

стым отрогам Уральских гор коренной террасе правого берега р. Белой. Расстояние между ними не превышает 2 км.

III Красногорский могильник насчитывает 11 насыпей, из которых вскрыто 9. В их расположении улавливается протяженность насыпей по линии северо-восток — юго-запад (рис. 1, А). Насыпи, хотя и не нарушены вспашкой, сильно уплощены. Форма их округлая.

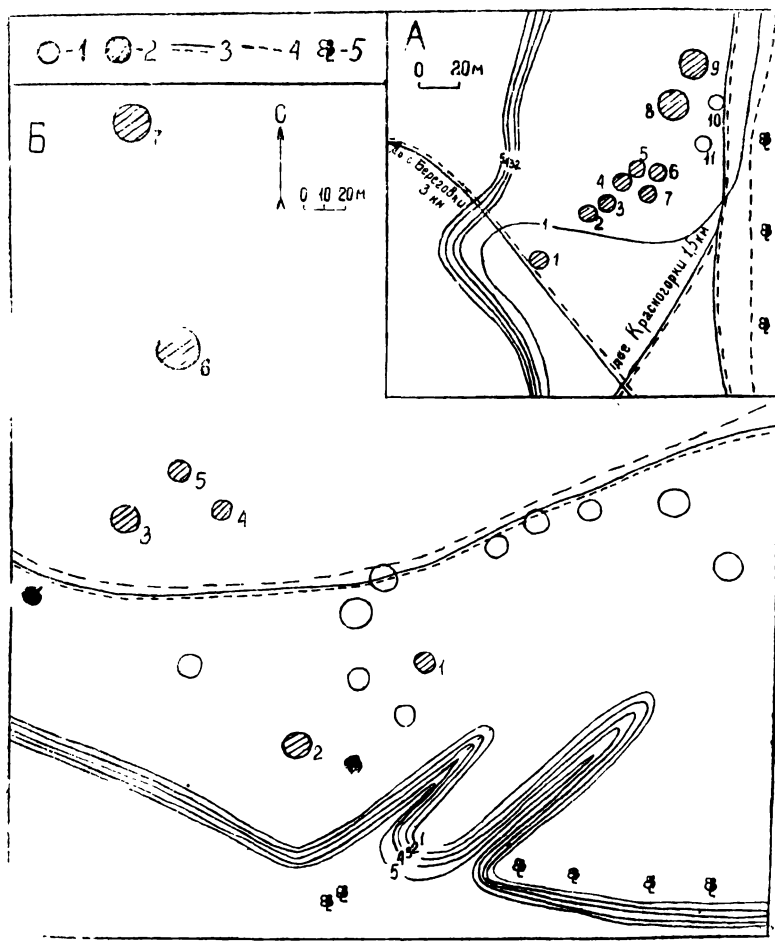

Рис. 1. Общие планы III Красногорского (А) и Берегового (Б) могильников: 1 — нераскопанные курганы; 2 — раскопанные курганы; 3 — грунтовая дорога; 4 — границы пашни; 5 — облесенные участки

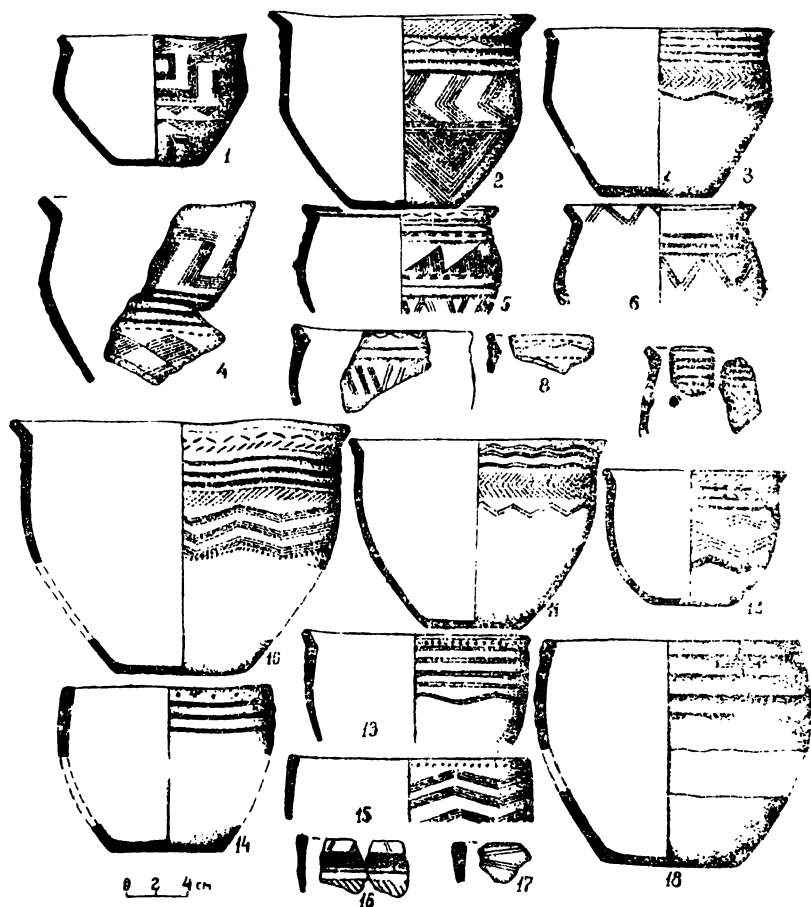

Рис. 2. Керамика из III Красногорского могильника: 1 — курган 2, погребение 1; 2 — курган 8, погребение 1; 3, 16, 17 — курган 2, северная половина насыпи; 4, 8 — курган 1, погребение 1; 5 — курган 9, погребение 1; 6, 12 — курган 8, погребение 2; 7 — курган 7, погребение; 9 — курган 3, погребение 1; 10 — курган 9, погребение 2; 11 — курган 2, погребение 2; 13 — курган 4, погребение; 14 — курган 6, юго-восточный сектор; 15 — курган 5, погребение; 18 — курган 9, юго-западный сектор

Диаметр кургана 1 — 14 м, высота 0,5 м. Почти под центром насыпи оказалась единственная могильная яма размером $2,8 \times 1,55$ м, глубиной в материке 0,56 м⁴. Она ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. На дне ямы в ее юго-восточном конце встречен венчик от колоколовидного горшка (рис. 2, 8). В северо-западном ее конце находились обломки от другого горшка, имеющего ребристость в верхней части тулова (рис. 2, 4). Рядом с обломками этого сосуда лежали мелкие, сильно истлевшие кости человека.

Курган 2 имел диаметр 10 м, высоту 0,3 м. Под северной половиной насыпи на глубине 0,45—0,55 м от нулевой точки, т. е. примерно на уровне древней поверхности, встречены обломки абашевских сосудов: горшка с ребром в верхней части тулова (рис. 2, 3) и двух баночных сосудов с массивным верхом (рис. 2, 16, 17)⁵.

В восточной поле кургана оказались две могильные ямы. Размеры могильной ямы погребения 1 $1,5 \times 1,2$ м, глубина 0,25 м. Она сориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Ближе к ее середине оказалась округлая ямка диаметром 0,3 м и глубиной около 20 см, в которой стоял ребристый горшок (рис. 2, 1). Сосуд на всю высоту орнаментирован ромбами, меандром, округлыми ямками, широкими треугольниками и так называемым п-образным узором. Каких-либо следов костяка обнаружить не удалось.

Другая могильная яма, имевшая несколько иную ориентировку, но также в пределах линии северо-восток — юго-запад, была меньших размеров — $0,7 \times 1$ м, глубина 0,2 м. У восточного угла могильной ямы на высоте 5 см от материкового основания стоял украшенный в верхней части колоколовидный баночный сосуд (рис. 2, 11). Каких-либо следов костяка не отмечено.

Хронологические позиции соотношения этих захоронений проследить не удалось.

Диаметр кургана 3 — 10 м, высота 0,2 м. В северо-западном секторе кургана — две могильные ямы небольших размеров: $0,5 \times 0,85$ м и $0,4 \times 0,6$ м при глубине их 0,2 м и 0,12 м. Первая из ям ориентирована по линии северо-во-

⁴ В дальнейшем глубины могильных ям и столбовых ямок в других курганах обоих могильников даются от уровня материка.

⁵ Далее в статье глубина залегания находок также дается от единой нулевой точки.

сток—юго-запад, другая по линии север-северо-запад—юго-восток. На дне каждой из ям было по одному сосуду, представленному мелкими обломками. Один из них приводится в иллюстрациях (рис. 2, 9). Костяков в могильных ямах также не оказалось.

Курган 4 имел диаметр 11 м и высоту 35 см. Под центром насыпи обнаружена одна могильная яма размером $1,5 \times 2,3$ м, глубиной 0,4 м, ориентированная по линии восток-юго-восток—запад-северо-запад. Костяка не оказалось. В заполнении встречены обломки колоколовидного баночного сосуда (рис. 2, 13), а над площадью ямы на уровне погребенной почвы—проволочное в три с половиной оборота колечко.

Курган 5 имел диаметр 10 м и высоту в пределах 15 см (рис. 3, А). Под насыпью оказалось 9 столбовых ямок от внемогильной столбовой конструкции, имевших диаметр от 14 до 28 см и глубиной от 8 до 20 см. Внутри оградки была одна могильная яма размером $1,0 \times 1,5$ м и глубиной 0,35 м. Длин-

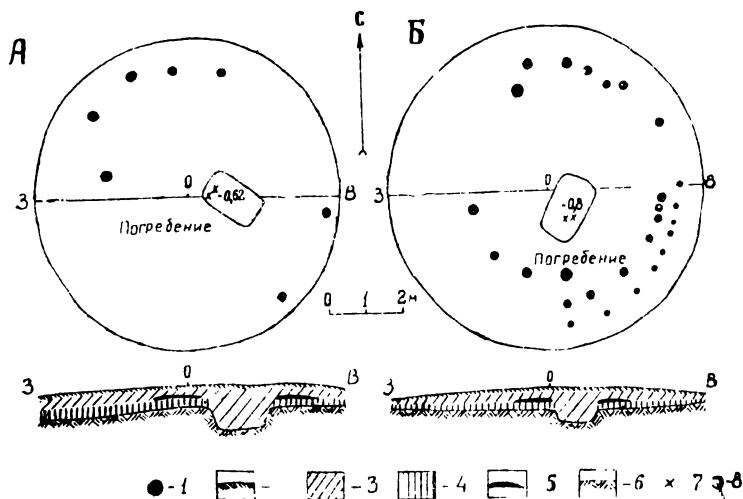

Рис. 3. Планы и профили бровок курганов 5 (А) и 7 (Б) III Красногорского могильника: 1 — столбовые ямки; 2 — дерновый слой; 3 — насыпь; 4 — погребенная почва; 5 — могильный выкид; 6 — материк; 7 — обломки сосудов; 8 — браслет

ной осью она ориентирована по линии юго-восток—северо-запад. В заполнении оказались обломки баночного сосуда с массивным верхом (рис. 2, 15). Следов костяка нет.

Также в пределах оградки, но уже в юго-западном секторе насыпи на глубине 72 см лежал ребристожелобчатый браслет, имеющий сужающиеся заходящие друг за друга концы (см. рис. 6, 8).

Диаметр кургана 6—9 м, высота 0,3 м. Единственная, оказавшаяся пустой, могильная яма была смещена от центра насыпи к юго-западу. Она неправильной формы. Ее размеры 1,1—1,5 м × 1,7 м при глубине 0,4 м. Длинной осью яма ориентирована по линии северо-восток—юго-запад.

Еще одна яма непонятного назначения была под северо-восточной четвертью насыпи. Примерно на уровне древнего горизонта на глубине 0,6 м под юго-восточной четвертью насыпи лежали обломки баночного сосуда с массивным верхом (рис. 2, 14).

Внемогильную столбовую конструкцию имел курган 7 (рис. 3, Б). Его диаметр 9 м, высота немногим более 20 см.

От внемогильной деревянной конструкции сохранилось 27 столбовых ямок. Восемнадцать из них образовывали прерывающееся в северо-западной части кольцо. Диаметр этих ямок — 0,23—0,3 м, глубина 15—20 см. Кроме того, с юго-восточной стороны к этому ряду ямок примыкало еще 9 ямок, имевших как правило меньшие размеры.

Единственная могильная яма находилась внутри оградки почти под центром насыпи. Ее размеры 1,2 × 1,8 м, глубина 0,36 м. Длинной осью она ориентирована по линии северо-восток—юго-запад. В ее заполнении нашли обломки колоколовидного горшка (рис. 2, 7). Следов костяка нет.

Последние два кургана Красногорского могильника (8 и 9) имеют значительно больший диаметр — 16 м, при высоте насыпей немногим более 40 см (курган 8) и до 50 см (курган 9). Под курганом 8 было 2 основных и одно впускное захоронения (рис. 4).

Погребение 1 совершено под центром насыпи. Это ориентированная длинной осью по линии юго-восток—северо-запад прямоугольная могильная яма, имеющая размеры 1,65 × 2,6 м и глубину 45 см. Кости скелета разбросаны по дну могилы. В анатомическом состоянии лежали только бедренные кости ног. Не исключено, что покойник находился на спине с вытянутыми ногами головой на юго-восток. В районе разброса ко-

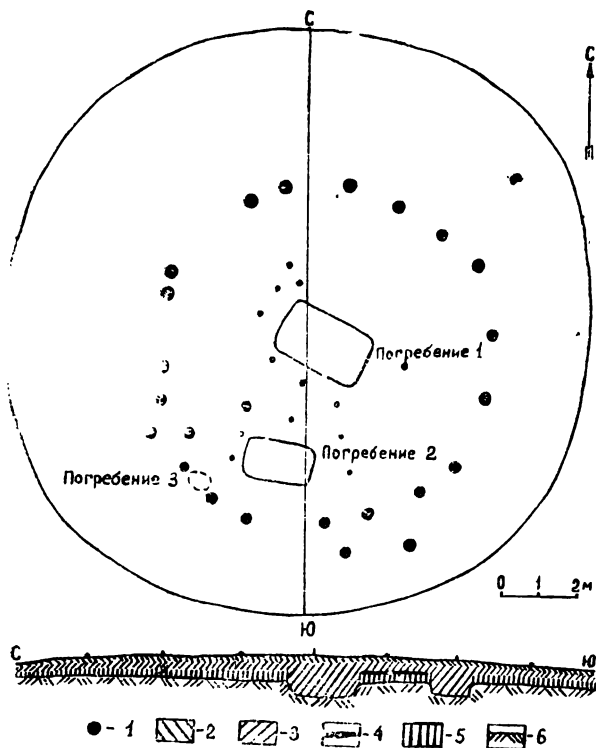

Рис. 4. План и профиль бровки кургана 8 III Красногорского могильника: 1 — столбовые ямки; 2 — дерновый слой; 3 — насыпь и заполнение могильной ямы; 4 — могильный выкид; 5 — погребенная почва; 6 — материк

стей скелета лежали маловыразительные обломки абашевского сосуда. Развал еще одного сосуда находился у северо-западной стены могильной ямы вблизи ног умершего. Это богато украшенный горшок, имеющий ребристость (рис. 2, 2)

Погребение 2 смещено от центра насыпи к югу. Могильная яма несколько меньших размеров — $1,2 \times 2,0$ м при глубине 37 см. Яма имеет несколько иную ориентировку — длинной осью ориентирована почти по линии восток—запад. Око-

до западной стены могильной ямы находились обломки горшка, имеющего слабую ребристость (рис. 2, 6). Развал другого, но уже баночного сосуда с отогнутым венчиком находился у восточной стены могильной ямы (рис. 2, 12). Около северной стены могильной ямы лежали бронзовый нож (рис. 6, 11) и какой-то мелкий сильно коррозированный металлический предмет.

Судя по находившемуся на уровне погребенной почвы могильному выкиду могилы 1 и 2 одновременны. Эти погребения включены в единую систему, ограниченную круговой оградкой, от которой сохранилось 24 располагавшихся по кругу крупных столбовых ямок диаметром 0,24—0,47 м, глубиной 0,27—0,42 м. С северо-западной стороны в оградке есть перерыв. Еще несколько больших столбовых ям выпадали из этой линии. Кроме общей кольцевой ограды самостоятельное ограждение из меньших по размерам столбиков имеет погребение 1. В плане оно прямоугольное. Сепаратное ограждение имела и могила 2. Южная стена ее оградки примыкала к основной внемогильной конструкции. Кроме того, между могильными ямами 1 и 2 имеется и еще одна отдельно расположенная ямка, которую предположительно можно связывать с деревянным ритуальным столбом-идолом.

Погребение 3 является впускным — могильная яма врезалась в линию кольцевой ограды. От него сохранились лежавшие кучкой примерно на уровне древней поверхности человеческие кости и челюсть коровы.

Под курганом 9 оказалось 4 захоронения (рис. 5). Два из них (1 и 2) были в могильных ямах, углубленных в материк.

Погребение 1 совершено в ориентированной по линии юго-восток—северо-запад яме длиной 3 м, шириной 1,8—2,0 м и глубиной 0,4 м. Судя по местоположению сохранившихся костей (рис. 5, II) умерший положен на спину с приподнятыми ногами головой на юго-восток. У его ног находились кости коровы. В районе туловища лежали обломки орнаментированного колоколовидного горшка (рис. 2, 5). Обломки от того же сосуда встречены и вне пределов могильной ямы к северу от нее примерно на уровне погребенной почвы (—0,6 м). Это погребение в кургане основное.

Погребение 2 (рис. 5, III) также совершено в большой могильной яме (1,6×2,7 м, при глубине 0,4 м), но с ориентированной длинной осью уже по линии северо-восток—юго-за-

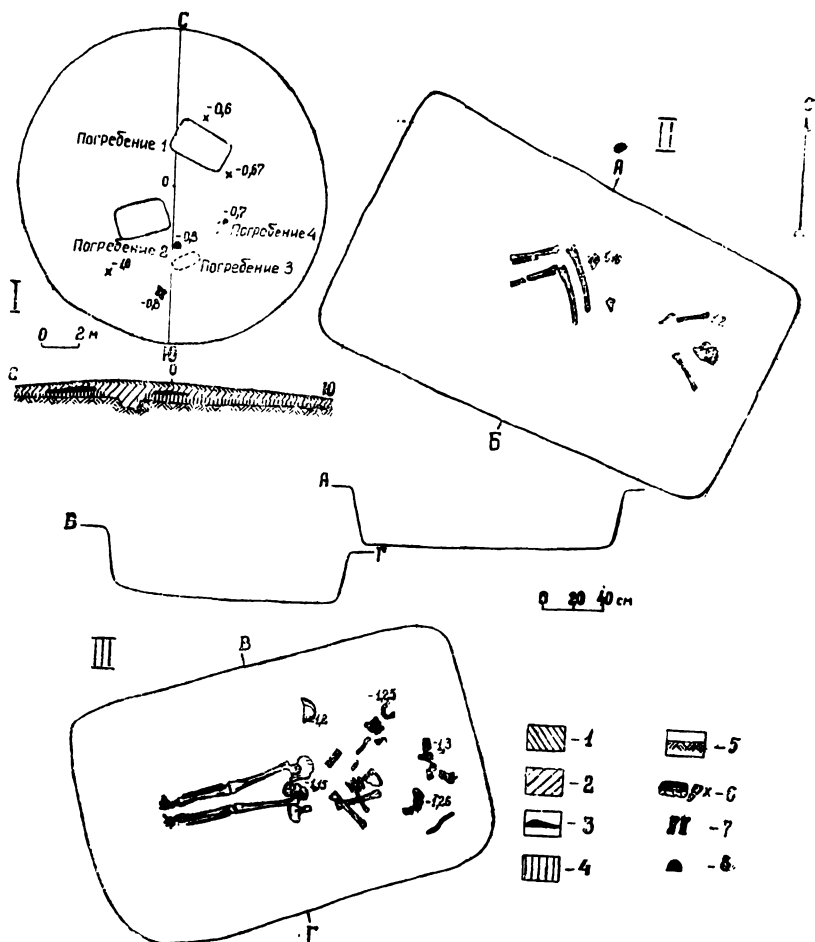

Рис. 5. Курган 9 III Красногогорского могильника: I — план и профиль бровки кургана; II — план и разрез погребения 1; III — план и разрез погребения 2.

1 — дерновый слой; 2 — насыпь и заполнение могильной ямы; 3 — могильный выкид; 4 — погребенная почва; 5 — материк; 6 — обломки сосудов; 7 — кости животных; 8 — бляшка-розетка.

пад. Умерший находился в необычной позе — вытянуто на животе. Кости верхней части скелета разбросаны. Костяк ориентирован на северо-восток. На тазовых костях и ближе к восточной стене могильной ямы находились части колоколо-видного баночного сосуда (рис. 2, 10).

Еще два захоронения (3 и 4), находившиеся под юго-восточной четвертью насыпи, углублены только в слой погребенной почвы. От костяка из погребения 3 сохранились только части костей рук, находившихся внутри двух браслетов. Один из браслетов полуовальный в сечении с приостренными заходящими друг за друга концами (рис. 6, 7). Второй браслет округложелобчатый с несомкнутыми концами (рис. 6, 10). От другого умершего (погребение 4) сохранилась часть черепа и лежавшие около другие кости скелета.

На глубине 0,8 м от нулевой точки на площади между погребениями 2 и 3 обнаружена лепестковидная бляшка-розетка (рис. 6, 5). К юго-западу от этих погребений на отметке 80 см встречены кости коровы, а на отметке 100 см — обломки скрепленного металлическими скобками баночного сосуда (рис. 2, 18). Обломки еще одного баночного сосуда встречены вблизи от юго-западного угла могилы 1. Что же касается обломков керамики, встреченных к северу от могилы 1, то они принадлежат сосуду из этой могилы.

Подводя итоги изложению данных по III Красногорскому могильнику, следует особенно подчеркнуть наличие здесь под тремя насыпями внемогильных деревянных столбовых конструкций, в могильниках уральской абашевской культуры ранее не отмечавшихся. А в кургане 8 кроме основной кольцевой оградки имелись и сепаратные, ограничивавшие отдельные могильные ямы столбовые конструкции. Отметим, что наличие сепаратных внемогильных конструкций прослежено Н. Я. Мерпертом во время исследования Пикшикских курганов в Среднем Поволжье⁶.

Под курганами чаще имелось по одной могильной яме (курганы 1, 4, 5, 6, 7), реже по две (курганы 2 и 3) и еще реже по три (курган 8) или четыре (курган 9). Под двумя насыпями (курганы 8 и 9) могилы образовывали один-два ориентированных по линии северо-восток — юго-запад ряда.

Дважды в могильнике удалось проследить наличие основных и впускных абашевских захоронений (курганы 8 и 9).

⁶ Мерперт Н. Я. Абашевские курганы Северной Чувашии. — МИА, 1961, 97, с. 131, рис. 12; с. 139, рис. 17; с. 142, рис. 18; с. 143—144.

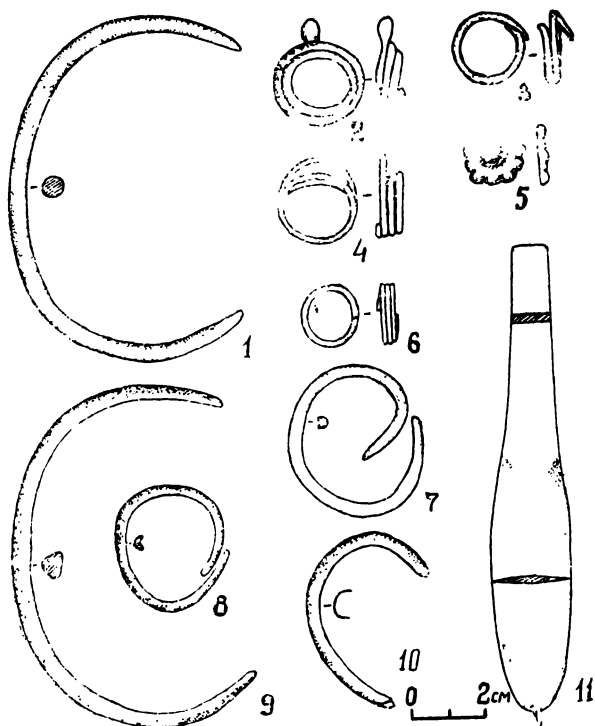

Рис. 6. Металлические вещи из курганов III Красногорского и Береговского могильников: 1, 9 — Береговский могильник, курган 3, насыпь; 2, 6 — Береговский могильник, курган 5, юго-западный сектор; 3 — Береговский могильник, курган 2, юго-восточный сектор; 4 — Береговский могильник, курган 5, юго-восточный сектор; 5 — III Красногорский могильник, курган 9, юго-восточный сектор; 7, 10 — III Красногорский могильник, курган 9, погребение 3; 8 — III Красногорский могильник, курган 5, юго-западный сектор; 11 — III Красногорский могильник, курган 8, погребение 2

Сами могильные ямы имеют разные размеры и ориентировку, причем могильных ям, ориентированных в северо-восточную и юго-западную четверти насыпи, было больше, чем ориентированных в юго-восточную и северо-западную.

Положение костяков определенно фиксировалось в двух случаях. В одном случае умерший лежал на спине, с приподнятыми ногами, головой на юго-восток, в другом — в вытянутом положении, на животе, головой на северо-восток.

Могильные ямы, как правило, небольшие и неглубокие, что сближает III Красногорский могильник с могильниками средневожской абашевской культуры⁷. Ямы, как правило, неглубокие, а в трех случаях они даже незначительно углублены только в слой погребенной почвы.

Особенностью могильника является отсутствие сколько-нибудь четких проявлений культа огня.

Инвентарь представлен керамикой и другими изделиями, характерными для уральской абашевской культуры.

III Красногорский могильник дал 20 сосудов. Местоположение их разнообразное — как в разных частях могильных ям, включая их заполнение, так и вне могильных ям. А один сосуд (погребение 1 кургана 2) находился в могильной яме даже в специально выкопанной ямке.

У 19 сосудов определяется форма⁸. Это плоскодонные горшки и банки. У половины горшков в верхней части тулова имеется ребристость. Четыре горшка колоколовидные, а один близок к колоколовидным. Из девяти баночных сосудов три колоколовидные, четыре — с массивным верхом, по одному — с отогнутым венчиком и без массивного верха. Все они орнаментированы. Причем три из них украшены на всю высоту.

Среди элементов орнаментации преобладают горизонтально прочерченные линии и зигзаг, реже встречаются треугольники, заштрихованные ромбы и меандр. Значительная часть сосудов (11) в тесте имеет растительную примесь. Еще у пяти сосудов в тесте есть ракушка, у одного — слюда.

Другой могильник — Береговский, еще три десятилетия назад насчитывавший несколько десятков насыпей, к моменту наших работ имел только 17 сохранившихся насыпей без

⁷ Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. — МИА, 1961, 97, с. 210—211.

⁸ Авторы исходят из уже имеющейся типологии абашевской посуды (см. Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности, с. 26—27).

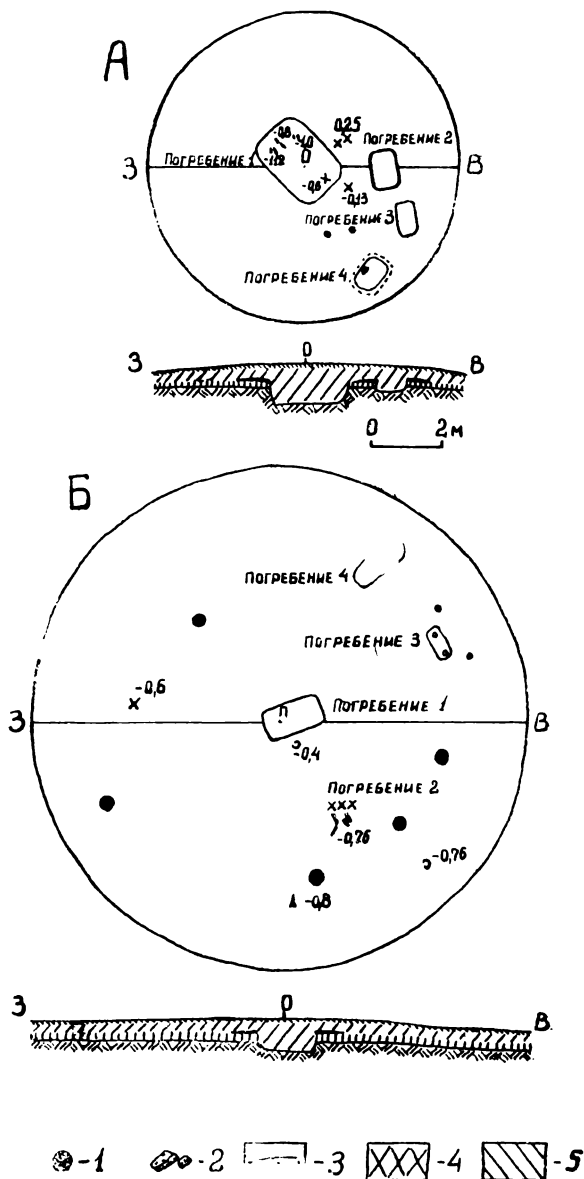
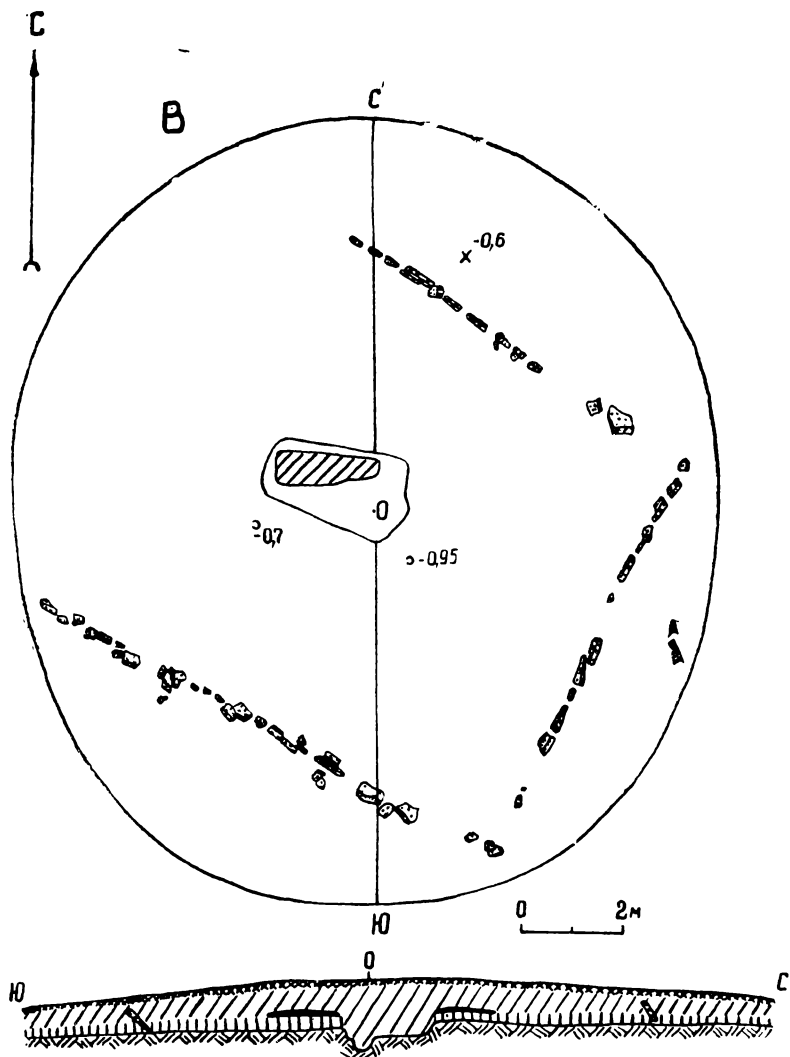

Рис. 7. Планы и профили бровок курганов 1(А), 2(Б) и 3(В) Береговского могильника: 1—столбовые ямки; 2—камни и каменные плиты; 3—дерновый слой; 4—перепаханный слой; 5—насыпь и заполнение могильной ямы; 6—погребенная почва; 7—могильный выкид; 8—материк;

-6
 -7
 -8
 -9
 x-10
 11-11
 12-12
 13-13
 14-14

9—погребение раннего железного века; 10—обломки сосудов; 11—кости животных; 12—бронзовые колечки и гривны; 13—наконечник стрелы; 14—сосуды, обломки сосудов

видимой системы в их расположении (см. рис. 1Б) В отличие от III Красногогорского могильника здесь отмечается наличие насыпей разного диаметра и высоты. Под руководством авторов в могильнике исследовано восемь насыпей⁹.

Курган 1 имел диаметр 9 м, высоту 0,25 м (рис. 7 А) Под насыпью оказалось 4 захоронения в ямах, углубленных материк. В центре на уровне материка выявлено основное погребение 1. Размеры могильной ямы $2,5 \times 1,9$ м, глубина 0,6 м. Могильная яма ориентирована по линии северо-запад—юго-восток. Почти на материковом основании могильной ямы встречены сильно истлевшие фрагменты трубчатых костей человека. Вещей не обнаружено. Вокруг погребения зафиксировано пять столбовых ямок диаметром 0,12—0,25 м, глубиной 0,13—0,2 м от внемогильной столбовой конструкции.

Погребение 2 совершенно в прямоугольной яме, ориентированной по линии север-северо-запад—юг-юго-восток. Ее размеры $1,3 \times 0,8$ м, глубина 0,25 м. На дне могилы у северной стены стояли два сосуда. Один из них банка с отогнутым венчиком, имеющим изнутри острое ребро и массивное основание (см. рис. 10, 10) В тесте имеется примесь растительных остатков. Второй сосуд — сужающаяся кверху банка (см. рис. 10, 11). Костей не обнаружено. Могильная яма перерезала слой выкида из основного погребения и, скорее всего, нарушала круговую столбовую конструкцию вокруг этого захоронения. То есть это захоронение впускное.

Погребения 3 и 4 также впускные. Они находились уже вне пределов столбовой конструкции. Погребение 3 было почти прямоугольной могильной яме размером $0,9 \times 0,65$ м глубиной 0,2 м. Яма ориентирована по линии север-северо-запад — юг-юго-восток. Она оказалась пустой.

Следующая могильная яма (погребение 4) ориентирована уже по линии северо-восток—юго-запад. Ее размеры $0,85 \times 0,65$ м, глубина 0,7 м. Стены ямы в верхней части отвесные. Ближе ко дну ее размеры увеличиваются, в результате чего по всем сторонам отмечены узкие подбои. На дне могилы у западной стены находился развал острореберного

⁹ Что же касается исследованного в 1954 г. В. П. Викторовым кургана Береговского могильника, то там под невысокой насыпью на уровне древней поверхности нашли кости лошади и кремневый наконечник стрелы с черенком, а в большой могильной яме размером $2 \times 2,5$ м и глубиной в 10—20 см — кости собаки (см. Викторов В. П. Научный отчет Южно-Уральской археологической экспедиции 1954 г., с. 38—41).

сосуда с массивным плоским дном (см. рис. 10, 1). Сосуд имеет обычную для уральской абашевской культуры орнаментацию, в том числе и горизонтальные линии по венчику внутренней стороны. Костей погребенного в могиле не отмечено.

Скорее всего, еще с одним впускным захоронением связываются обломки срубного острореберного сосуда (см. рис. 10, 12), встреченные примерно на уровне погребенной почвы над могильной ямой 1 и уже в самой насыпи к востоку от этой могильной ямы.

Можно заключить, что в кургане срубные захоронения (погребение 2 и погребение, от которого в насыпи сохранились части сосуда) оказались впускными по отношению к основному, скорее всего абашевскому захоронению 1. Также впускные погребения 3 и 4, из которых, погребение 4 бесспорно абашевское.

Курган 2 имел диаметр насыпи 14 м и высоту 0,3 м (рис. 7,Б). Насыпь правильной округлой формы, сильно уплощена. После ее снятия выявлено 4 погребения и система столбовых ямок, окружавших основное захоронение (погребение 1).

Основное захоронение совершено под центром насыпи. Могильная яма имеет размеры $1,6 \times 0,8$ м, глубину 0,25 м. Она ориентирована по линии восток-северо-восток—запад-юго-запад. Яма оказалась пустой. Уже за ее пределами недалеко от юго-восточного края на глубине 0,4 м от нулевой отметки обнаружено бронзовое колечко (рис. 6, 3).

С основным захоронением связываются 5 крупных столбовых ямок от внемогильной столбовой конструкции. Ямки округлой формы, их глубина 0,12—0,2 м.

Остальные захоронения впускные. Погребение 2, находившееся в 2 м к юго-востоку от погребения 1 оказалось слегка углубленным в слой погребенной почвы. Очертания могильной ямы не прослеживались. От скелета сохранились лишь отдельные, лежавшие в беспорядке кости. Рядом с ними находился развал орнаментированного горшковидного сосуда (см. рис. 10, 9). Орнамент состоит из трех зон выполненного мелкозубчатым штампом многорядового зигзага, сочетающегося с линиями боковых вдавлений. В тесте примесь толченой ракушки.

Погребение 3 совершено в прямоугольной ориентированной по линии северо-запад—юго-восток могильной яме, имев-

шей размеры $0,9 \times 0,45$ м и глубину 0,15 м. В противоположных ее концах находились два сосуда. Один из них баночной формы (см. рис. 10, 5). Он полностью орнаментирован. Орнамент состоит из образующих горизонтальные линии отпечатков зубчатого штампа, двух рядов треугольников, один из которых ограничен снизу округлыми ямками, и меандра между ними. Другой, сохранившийся в обломках сосуд — колоколовидная чаша (см. рис. 10, 6). Поверхность его тщательно заглажена и подлощена. Орнамент состоит из каннелюр с прерывающимися рядами боковых вдавлений внутри них, горизонтальных зигзагов, удлинённых треугольников, ограниченных снизу прерывающимся рядом вдавлений. Рядом с обломками второго сосуда обнаружены мелкие части детского черепа и несколько позвонков. Судя по расположению фрагментов черепа, погребенный лежал головой на северо-запад. Рядом с могильной ямой располагались две небольшие столбовые ямки.

Еще одно погребение (4) находилось в том же секторе, что и погребение 3. Могильная яма овальной формы, размерами $1,7 \times 0,6-0,8$ м, глубиной 0,4 м. Могильная яма неправильной формы: ее северо-восточная часть шире, чем юго-западная. Она ориентирована по линии северо-восток—юго-запад. Костей погребенного, а также вещей в могильной яме не оказалось.

Кроме описанных погребений под насыпью кургана обнаружены обломки нарядно орнаментированной колоколовидной чаши (в северо-западном секторе на глубине 0,6 м — см. рис. 10, 8), проволочное колечко (в юго-восточном секторе на глубине 0,76 м) и наконечник стрелы сарматского типа (в юго-восточном секторе на глубине 0,8 м).

Два погребения в кургане, включая основное погребение 1, бесспорно абашевские. Впускное абашевское захоронение 3 совершено во время, когда еще сохранялась деревянная конструкция вокруг основного погребения — и две находившиеся к северо-востоку от нее столбовые ямки связывались с дополнительной внемогильной столбовой конструкцией. Среди впускных захоронений оказалось и алакульское погребение 2. Культурная принадлежность впускного погребения 4 не ясна.

Курган 3 имел овальную форму. Насыпь несколько вытянута по линии север—юг (рис. 7, В). Размеры кургана 14×15 м, высота 0,4 м. Под центром насыпи на уровне материка

выявлено неоднородное темное пятно. Пятно представляло собой подпрямоугольник с небольшим расширением в юго-восточной части. В результате расчистки пятна установлено, что в площадь могильной ямы основного погребения (погребение 1), оказалось впущенным захоронение раннего железного века (погребение 2). Размеры могильной ямы основного захоронения $2,8 \times 1,5$ м, глубина 0,3 м. Инвентаря в ней не оказалось. Само захоронение разрушено более поздним захоронением. Ко времени основного захоронения относятся встреченные в насыпи и примерно на уровне погребенной почвы две бронзовые гривны, имевшие приостренные несомкнутые концы, округлое и треугольное сечение (рис. 6, 1, 9).

Основное абашевское погребение ограничено трехстенной прямоугольной в плане каменной оградкой. С северо-западной стороны оградка отсутствовала. Конструкция сооружена из слегка углубленных в материк поставленных на ребро каменных плит и камней. Уже за пределами оградки у ее северо-восточной стены примерно на уровне погребенной почвы обнаружен небольшой обломок абашевского сосуда.

Впускное захоронение раннего железного века (погребение 2) оказалось полностью в пределах могильной ямы основного захоронения. Размеры могильной ямы впускного захоронения $2,0 \times 0,65$ м, глубина 0,51 м. Западная часть ямы более широкая, чем восточная. У северной ее стены на дне лежало расколотое на части круглое бронзовое зеркало с отбитой ручкой, помещенной поверх зеркала. Рядом с зеркалом находился маленький глиняный сосунок и несколько настоящих бусин желтого цвета. От костяка сохранились лишь фрагменты костей ног. Рядом с ними в самом конце могилы стоял большой орнаментированный сосуд с утолщенным венчиком, раздутым туловом и уплощенным дном. Орнамент состоит из горизонтальных рядов треугольных ямок и боковых вдавлений, двух рядов «елочки». Сосуд и вещи из впускного погребения относятся к раннесарматским (прохоровским) древностям.

Курган 4 имел диаметр 10 м, высоту 0,2 м (рис. 8, А). После снятия насыпи на уровне материка выявлена единственная могильная яма размером $2,2 \times 1,3$ м, глубиной 0,3 м, ориентированная по линии северо-запад—юго-восток. Она прямоугольной формы. На дне обнаружены фрагменты имеющего колоколовидность баночного сосуда, украшенного гори-

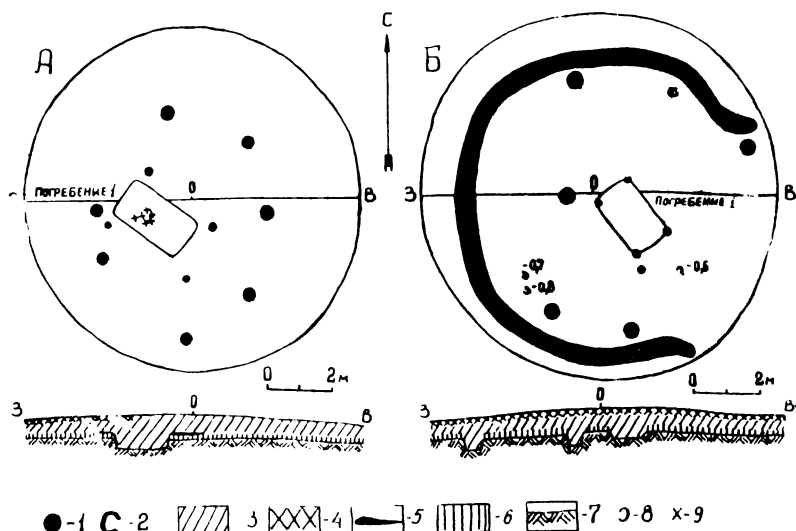

Рис. 8. Планы и профили бровок курганов 4(А) и 5(Б) Береговского могильника: 1— столбовые ямки; 2— канавка; 3— насыпь; 4— перелопаченный слой; 5— могильный выкйд; 6— погребенная почва; 7— материк; 8— бронзовые колечки; 9— обломки керамики

зональными прямыми и волнистыми линиями и одной линией зигзага (см. рис. 10, 3).

Погребение ограничивалось двумя системами столбовых ямок от внемогильных конструкций. Внутренняя система фиксируется по располагавшимся вблизи углов могилы четыре столбовых ямкам. Внешняя система включала семь столбовых ямок значительно большего диаметра, которые образовали овал.

Курган 5 имел диаметр 10 м, высоту 0,25 м (рис. 8, Б). Единственная могильная яма располагалась под центром насыпи. Она прямоугольной формы. Ее размеры 2,0×1,2 м, глубина 0,3 м. Яма ориентирована по линии юго-восток—северо-запад. Скелета и инвентаря не обнаружено. Особенностью конструктивного оформления могильной ямы было наличие по всем углам деревянных столбов. Сохранились углубленные на 0,15 м столбовые ямки. Еще одна столбовая ямка находилась вне площади могилы на расстоянии 0,4 м от ее южного угла.

Могильную яму ограничивала кольцевая с юго-восточной стороны незамкнутая канавка. Ширина ее примерно 0,5 м, глубина в материке 0,3 м. С учетом же толщины слоя погребенной почвы глубина канавки составляет 0,5 м. Стенки канавки отвесные, дно овальное. Заполнение канавки идентично заполнению насыпи. Внутри от канавки есть пять значительных по размерам столбовых ям, в плане образующих прямоугольник.

Под насыпью в ее юго-западном и юго-восточном секторах на глубине 0,6—0,8 м обнаружено три бронзовых колечка (рис. 6, 2, 4, 6). Одно из них трехвитковое литое с неубранными следами литья, два других — многовитковые проволоочные.

Курган 6 — это самая значительная по размерам насыпь. Несмотря на многолетнюю распашку, к моменту раскопок высота его составляла более 0,4 м при диаметре примерно в 20 м (рис. 9, А). Уже после снятия насыпи обнаружилось, что за пределы раскопа уходило темное пятно. С целью выяснения его характера к кольцевому раскопу был прирезан участок. Кроме того, прирезаны и две траншеи размером 1×2 м с севера и востока от насыпи кургана.

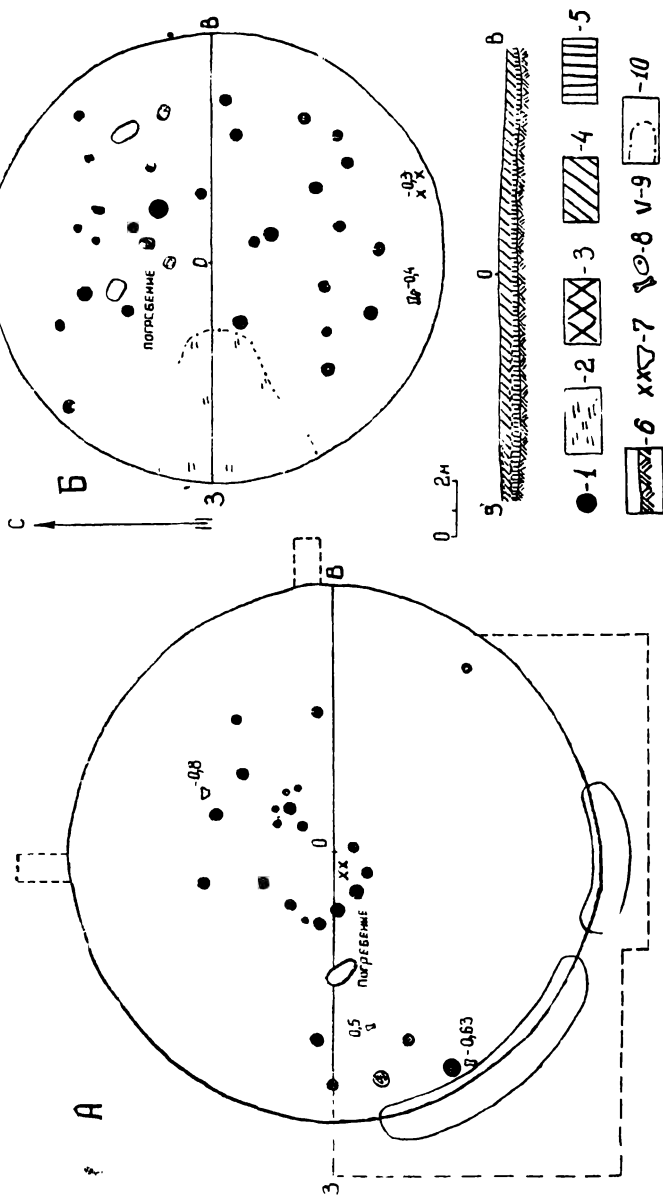
В итоге удалось определить, что с юго-запада к насыпи примыкали две не соединяющиеся между собой канавки. Ширина канавок в среднем 1,5—1,7 м, глубина 0,4—0,7 м. Заполнение их идентично заполнению насыпи.

Под самым курганом оказалась целая серия столбовых ям и две большие ямы (одна из них — погребение (?), другая — жертвенная). Погребальная яма располагалась в 4,5 м к западу от центра насыпи. Ее размеры 1,2×0,6 м, глубина 0,32 м. Костяка и инвентаря в ней не оказалось.

Неглубокая жертвенная яма находилась под юго-восточной полкой насыпи. В ней лежали челюсти и части ног лошади. Единичные кости животных встречены на уровне погребенной почвы к востоку и югу от жертвенной ямы.

Большинство столбовых ямок находилось под центром насыпи. Они образовывали прямоугольник. На уровне погребенной почвы в пространстве между этими ямками находились обломки абашевского сосуда.

Еще целая серия столбовых ямок образовывала внешнее незамкнутое кольцо (?) внемогильной столбовой конструкции. Отдельные же столбовые ямки в систему этой конструкции не вписывались.

Уже за пределами внешней линии столбовых ям в северо-восточном секторе насыпи на глубине 0,8 м обнаружен богато орнаментированный баночный сосуд (см. рис. 10, 4). Орнаментация внешней поверхности включает в себя заполненные ромбы, меандр, ряд боковых вдавлений, боковые линии. У сосуда украшен верхний срез венчика и основание дна.

Курган 7 имел диаметр 16 м, высоту 0,2 м (рис. 9, Б).

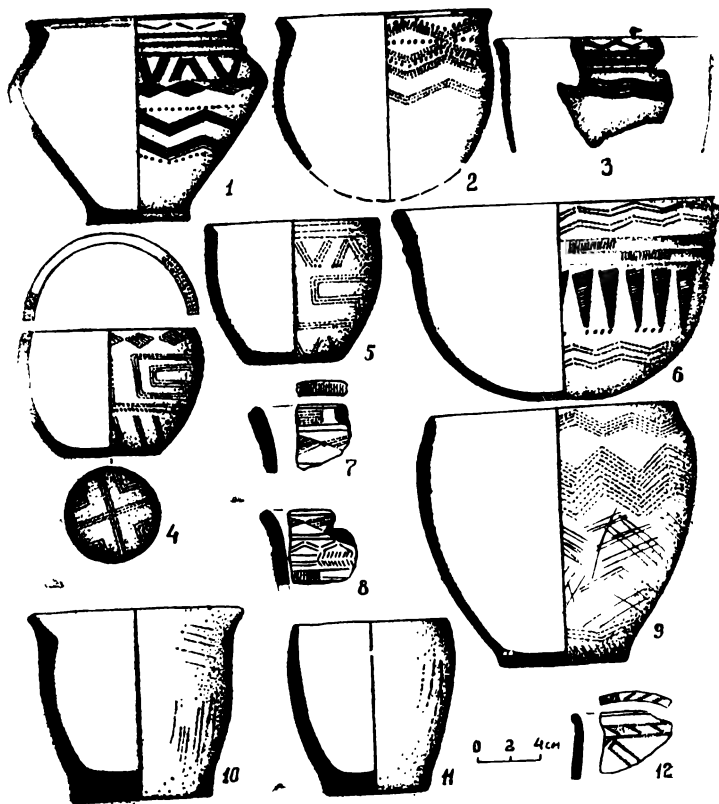

Рис. 10. Керамика из Береговского могильника: 1—курган 1, погребение 4; 2, 7—курган 7; 3—курган 4, погребение 1; 4—курган 6; 5—6—курган 2, погребение 3; 8—курган 2, северо-западный сектор; 9—курган 2, погребение 2; 10—курган 1, погребение 2; 12—курган 1, над погребением 1

После снятия насыпи фиксировалась целая серия столбовых ям, расположение которых позволяет предположить наличие здесь сложного наземного деревянного сооружения. На основе столбовых ямок реконструируются три (?) подковообразных линии столбов, имевших с западной стороны перерыв. Примыкающая к перерыву в оградках территория на уровне погребенной почвы подмазана слоем глины, которая затем была обожжена. К поле слой подмазки глиной постепенно выклинивается, а ближе к центру толщина подмазки составляет 10 см.

В пределах внутренней оградки выявлены две ямы. Одна из них размером $1,0 \times 0,6$ м и глубиной 0,3 м, содержащая отдельные фрагменты костей скелета человека, может рассматриваться как погребение. Во второй, расположенной в 1,2 м к северо-востоку от первой ямы, размером $0,7 \times 0,7$ м и глубиной 0,43 находился орнаментированный рядами зигзага и овальными ямками горшковидный сосуд (см. рис. 10, 2).

Две значительные по размерам, имевшие глубину 0,36 и 0,4 м ямы были в площади оградок на территории северо-восточного и северо-западного секторов насыпи. Ямы оказались пустыми. Назначение их не совсем ясно. Нельзя исключать, что они связаны с еще двумя безынвентарными захоронениями.

В южной поле кургана уже за пределами столбовых конструкций на глубине 0,3 м найдены обломки колоколовидного чашевидного сосуда (см. рис. 10, 7), а на глубине 0,4 м — кости животного.

Во всех вскрытых курганах Береговского могильника основными являются абашевские захоронения. Среди же впускных, которых здесь немного, есть срубное (курган 1) и алакульское (курган 2) захоронения. Последнее еще раз подтверждает неоднократно высказывавшееся К. В. Сальниковым мнение о предшествовании на территории Южного Урала абашевских древностей древностям срубным, как, впрочем, и алакульским¹⁰. Кстати, этот тезис нашел стратегическое подтверждение в результате наших раскопок обоих Береговских поселений¹¹, раскопок Ю. А. Морозовым

¹⁰ Сальников К. В. Некоторые сведения о памятниках бронзы в Башкирии.

¹¹ Пряхин А. Д., Горбунов В. С. Абашевские памятники с. Береговки в Башкирии, с. 198; Пряхин А. Д. Поселения абашевской общины, с. 88—89.

Старо-Ябалаклинского могильника (курган 27)¹², как, впрочем, и в результате исследований И. Б. Васильевым ряда многослойных поселений эпохи бронзы в Куйбышевском За-волжье, содержащих и свидетельства поселков уральской абашевской культуры (поселения Сурушское, Красные Пески)¹³. В свете сказанного мы не можем согласиться с П. Д. Либеровым, который попытался усомниться в правомерности стратиграфических наблюдений К. В. Сальникова по I Береговскому поселению¹⁴.

Характерной особенностью почти всех вскрытых насыпей Береговского могильника является наличие внемогильных деревянных столбовых, включая сепаратные вокруг отдельных захоронений, конструкций и столбов-идолов. В сравнении с курганами III Красногорского могильника сами деревянные конструкции здесь часто значительно более сложные. В отдельных случаях эти конструкции сочетаются с ровиком и кольцевой канавкой. Заметим, что курганы с кольцевыми канавками имеются и на абашевских могильниках Среднего Поволжья: II Виловатовской, Мари-Кугунурской, Семейкинской, Тапшерской, Туруновской и Троицкой курганных групп. Наиболее близкие аналоги кургану 5 Береговского могильника прослеживаются во II Виловатовской группе, где внутри кольцевых незамкнутых канавок находились расположенные по кругу столбовые ямки¹⁵. Особенностью Береговского могильника в сравнении с III Красногорским является и наличие под одной из насыпей каменной внемогильной конструкции.

Береговские курганы, так же как и ранее рассмотренный могильник, не дали сколько-нибудь значительных проявлений культа огня. Как и в III Красногорском могильнике, здесь под каждой насыпью чаще находилось по одной могильной яме. Сами могильные ямы также имеют разную ориентиров-

¹² Морозов Ю. А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами.— СА, 1977, 1, с. 167.

¹³ Васильев И. Б. Абашевские памятники Куйбышевского За-волжья.— В кн.: Из истории Среднего Поволжья и Приуралья, вып. 5. Куйбышев, 1975, с. 12; Васильев И. Б., Пряхин А. Д. Сурушское поселение эпохи бронзы.— В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 6. Воронеж, 1977, с. 146—147.

¹⁴ Либеров П. Д. О хронологии абашевской культуры.— СА, 1977, 2, с. 46—47.

¹⁵ Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, с. 160—181.

ку. И в то же время, в отличие от ям III Красногорского могильника, чаще сориентированных по линии юго-восток и северо-запад, в Береговском могильнике больше ям, ориентированных по линии северо-восток—юго-запад. Данных же о положении самих костяков в Береговском могильнике нет.

В общем имеются различия в керамике обоих могильников. Поскольку из Береговских курганов происходит лишь небольшая коллекция посуды, проводить сколько-нибудь детальное сопоставление керамических серий обоих могильников вряд ли целесообразно. Но нельзя не отметить, что в Береговском могильнике есть отсутствующие в Красногорских курганах нарядно орнаментированные колоколовидные чаши. И в то же время в Береговском могильнике не оказалось банок с массивным верхом и колоколовидных горшков. Относительно поздним признаком следует считать наличие поддона у одного береговского сосуда.

На основе сопоставления инвентаря обоих могильников и материалов с двух Береговских поселений¹⁶ обнаруживается, что инвентарь имеющихся захоронений Береговского могильника в целом близок материалам с поселения Береговское II, а инвентарь погребений III Красногорского могильника — материалам с поселения Береговское I. Последнее, пожалуй, четче всего проявляется в металле. Так, металл с поселения Береговское II и Береговского могильника дает большой процент изделий группы ТК, а с III Красногорского могильника и поселения Береговское I — группы МП. То же отмечается и в керамике. Так, только в одном из погребений III Красногорского могильника встречен сосуд, имеющий по тулову налепные шишечки с расходящимися от них лучами (см. рис. 2, 5), аналогии которому есть среди керамики и постройки I поселения Береговское I¹⁷. Кстати, заметим, что налепные шишечки характерны для многоваликовой керамики катакомбной общности бассейна Дона¹⁸ и для ряда сосу

¹⁶ Сальников К. В. Некоторые сведения о памятниках эпохи бронзы в Башкирии; Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности, с. 88—99.

¹⁷ Пряхин А. Д., Горбунов В. С., Екимов Ю. Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Башкирской АССР и Татарской области в 1975 году.— Архив ИА АН СССР, р.-1, 5848, рис. 16, 1.

¹⁸ Либеров П. Д. Плмена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, рис. 38, 6—8; рис. 43, 4; Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону.— СА, 1977, 1, с. 141, рис. 2, 1, 6.

дов доноволжской абашевской культуры (Введенка, Новый Курлак и др.)¹⁹. Есть они и на сосудах с памятников новокумакского хронологического горизонта Южного Урала.

Если признать верным вывод о более позднем облике материальной культуры пос. Береговский II²⁰, то вскрытые захоронения Береговского могильника в целом также следует признать более поздними по сравнению с III Красногорским могильником. Но сколько-нибудь значительного хронологического разрыва во времени существования обоих могильников скорее всего не было, а отдельные насыпи обоих могильников могли быть и одновременны (особенно, если учесть небольшой процент вскрытых насыпей в Береговском могильнике).

Хронологические же пределы обоих могильников могут быть определены в интервале финала досейминского — начала сейминского хронологического горизонта.

Результаты исследования обоих могильников дают существенную сумму данных в подтверждение тезиса о близости черт погребального обряда и инвентаря абашевских захоронений на Южном Урале²¹, позволяющих признать верным выделение в этом районе отдельной уральской абашевской культуры, включаемой в абашевскую культурно-историческую общность. В то же время раскопанные к настоящему времени могильники уральской абашевской культуры обнаруживают и черты различия. Так, только рассмотренные курганы дали широко известные по могильникам средневожжской абашевской культуры столбовые внемогильные конструкции²². Однако в обоих проанализированных могильниках только один курган содержал каменную внемогильную конструкцию, в то время как для других могильников ураль-

¹⁹ Силюк А. Т., Килейников В. В. Курганы у села Введенки на Дону. — СА, 1976, 1, с. 164, рис. 5, 1; Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники, с. 24, рис. 6, 2.

²⁰ Пряхин А. Д. Поселения абашевской общности, с. 97—99.

²¹ Горбунов В. С. Могильники уральской абашевской культуры в Южной Башкирии. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Поволжья. Куйбышев, 1976, с. 54—56; Он же. Классификация абашевских могильников Башкирии. — В кн.: Древности Южного Урала. Уфа, 1976; Пряхин А. Д. Погребальные абашевские памятники, с. 82—85.

²² Мерперт Н. Я. Абашевские курганы Северной Чувашии, с. 144—150; Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР, с. 212; Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган. — «Труды МАЭ». Йошкар-Ола, 1966, т. 3, с. 6—7.

ской абашевской культуры, особенно бассейна р. Демы, наличие каменных внемогильных конструкций можно признать характерным признаком²³. В отличие от других могильников уральской абашевской культуры здесь ни разу не встречено и каменного оформления самих могильных ям. За этими, как, впрочем, и за другими различиями, лежат не только какие-то локальные особенности групп памятников уральской абашевской культуры, а прежде всего их известная неодновременность. Нельзя сбрасывать со счетов и сложность самого процесса формирования уральских абашевцев, предполагавшего включение в эту культуру групп уже имевшегося на Южном Урале, особенно в Зауралье, так называемого протоабашевского населения.

²³ Горбунов В. С. Могильники уральской абашевской культуры, с. 21.

Ю. П. МАТВЕЕВ

ПОЗДНЕКАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНЕ У ПОС. ОЛЬХОВАТКА

В 1976 г. экспедицией Воронежского краеведческого музея проведены охранные раскопки курганного могильника Ольховатка-2, расположенного на левом берегу р. Черной Калитвы, на территории пос. Ольховатка Воронежской области¹. В 1975—1976 гг. могильник был частично разрушен при мелиоративных работах. К моменту раскопок сохранились лишь четыре кургана. При обследовании территории могильника найдены фрагменты нижней части сосуда среднедонской катакомбной культуры, происходящего, очевидно, из разрушенного кургана (см. рис. 2, 6).

Раскопано три насыпи. Курганы 1 и 2 содержали безынвентарные погребения, совершенные в небольших по размерам ямах прямоугольной формы. Их культурная принадлежность неясна.

¹ Курганная группа Ольховатка-2 расположена в нескольких километрах севернее исследовавшейся в 1973 г. курганной группы Ольховатка-1 (см. Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону — СА. 1977, 1, с. 139—148).

Гораздо больший интерес представляет курган 3, в котором обнаружено два захоронения поздней стадии среднедонской катакомбной культуры. Этот курган имел диаметр около 20 м, при высоте 0,85 м (рис. 1). Его поверхность задернована. Насыпь состояла из чернозема. Под насыпью фиксировался слой погребенной почвы мощностью около 0,3 м.

Погребение 1, являвшееся основным, представляло собой парную катакомбу. С ним связан кольцевой, диаметром около 6 м, выброс, находившийся на уровне погребенной почвы. Почти под центром выброса на уровне материка обнаружено пятно входной шахты прямоугольной формы (1,8×1,45 м). Глубина шахты достигала 3,4 м². Под ее северной и южной стенами располагались катакомбы.

К южной, овальной в плане катакомбе (2,5×1,65 м) вела вырытая в полу шахты ступенька. Глубокая катакомба (—4,25 м) имела сводчатый потолок, высотой в устье 1,5 м. Вдоль ее южной стены лежал скелет человека, захороненного в скорченном положении на левом боку головой на запад. Левая рука умершего вытянута вдоль туловища. Правая, слегка согнутая в локте, лежала кистью на тазовых костях. Перед лицом погребенного, обращенным к устью катакомбы, стоял орнаментированный волнистым валиком и оттисками шнура горшковидный сосуд (рис. 2, 1). На горле и плечиках сосуда орнамент образовывал треугольники, а на тулове — вертикальную елочку

Северная катакомба также имела овальную форму. Ее размеры — 2,4×1,4 м, глубина — 3,55 м. У нее был сводчатый потолок, имевший высоту в устье 0,9 м. Вдоль северной стены катакомбы лежал скелет человека, захороненного в скорченном положении, на правом боку, головой на запад. Левая рука вытянута вдоль туловища. Она слегка согнута в локте. Первоначальное положение правой руки не установлено. Ближе к устью катакомбы, перед лицом погребенного, стоял орнаментированный тремя налепными валиками горшковидный сосуд, имевший подлощенную внешнюю поверхность (рис. 2, 2). Валики расположены несколько ниже среза венчика, в основании шейки и в наиболее широкой части сосуда. Они расчленены оттисками круглой палочки. Теми же оттисками орнаментирован внешний край среза венчика.

Погребение 2 — впускное. Оно фиксировалось еще по заполнению входной шахты, прорезавшей насыпь кургана и

² Глубины даются от вершины кургана.

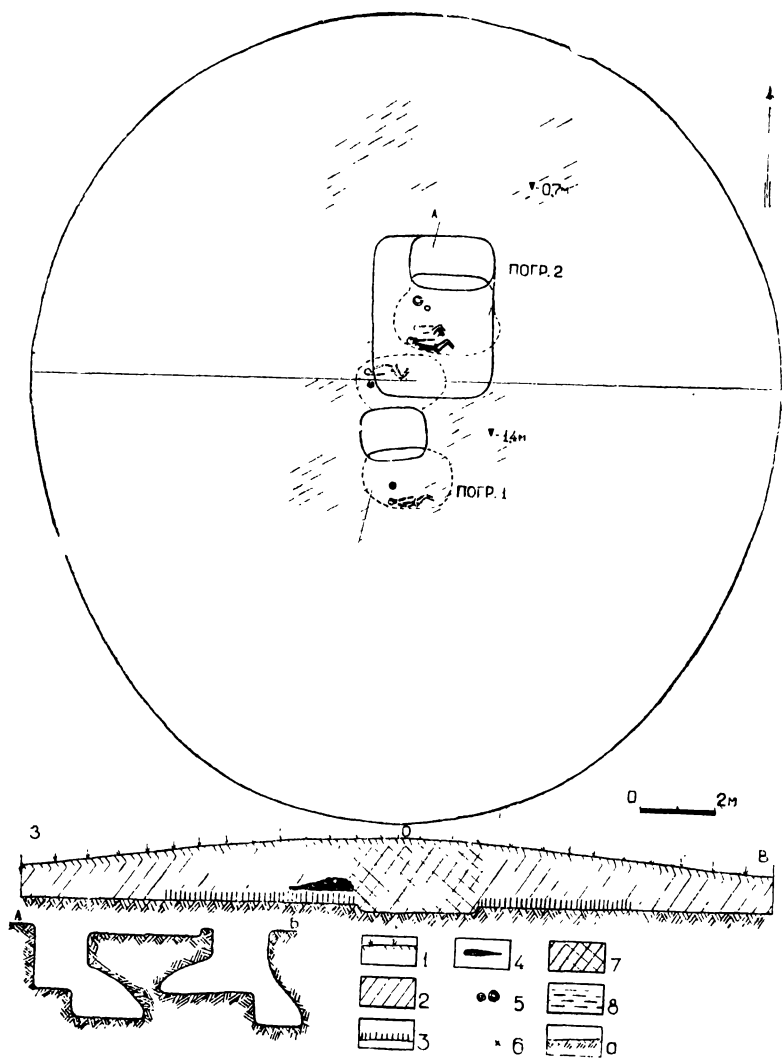

Рис. 1. План и профиль кургана 3 могильника Ольховатка-2:
1 — дерновый слой; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4, 8 — материковый выброс; 5 — сосуды; 6 — место находки бронзового ножа; 7 — перекоп; 9 — материк

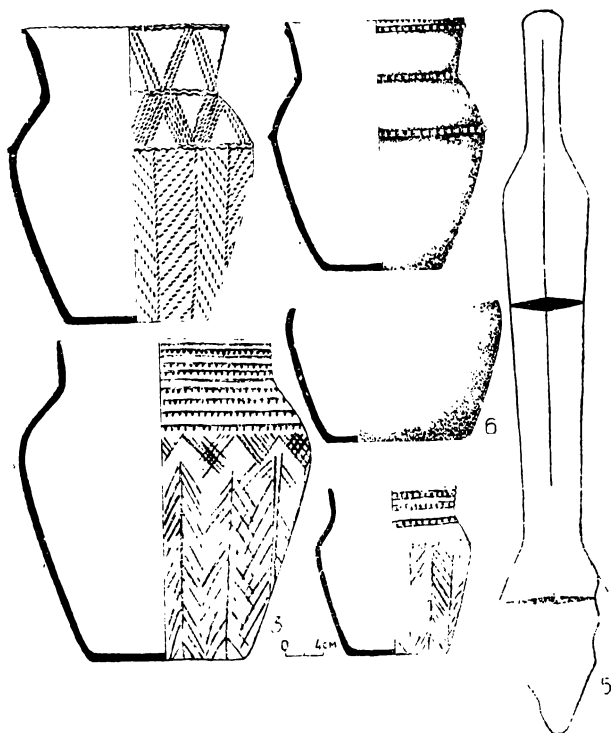

Рис. 2. Инвентарь погребений курганного могильника Ольховатка-2: 1—сосуд из южной катакомбы погребения 1 кургана 3; 2—сосуд из северной катакомбы погребения 1 кургана 3; 3—4—сосуды из погребения 2 кургана 3; 5—бронзовый нож из погребения 2 кургана 3; 6—фрагмент сосуда из разрушенного кургана

материковый выброс из погребения 1. С этим погребением связан выброс, находившийся в северной поле кургана на глубине 0,7 м от нулевой точки. Шахта имела прямоугольную форму. Ее размеры — $4,3 \times 3,25$ м, глубина — 1,95 м. В ее северо-восточном углу была вырыта дополнительная шахта меньших размеров ($2,3 \times 1,4$ м), углубленная по сравнению с основной шахтой на 1,45 м. Под ее южной стеной находи-

лась катакомба, к которой вела ступенька и короткий дромос. Овальная в плане катакомба (2,8×1,3 м) имела сводчатый потолок высотой в устье около 1,3 м. В ней обнаружено парное захоронение. Вдоль южной стены лежал скелет взрослого человека, захороненного в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Левая рука умершего вытянута вдоль туловища. Правая, слегка согнутая в локте, лежала кистью на тазовых костях. Ближе к устью катакомбы находился скелет захороненного в сходном, но более скорченном положении подростка.

У устья катакомбы стояли два лепных сосуда. Больший по размерам сосуд — широкобочкий, с высоким прямым венчиком (рис. 2, 3). Он орнаментирован прочерченными линиями, имитирующими на горле и плечиках расчлененные валики. По низу плечиков прочерченные линии образуют треугольники, расположенные основанием вверх, еще ниже — вертикальную елочку. Орнамент нанесен довольно небрежно. Другой сосуд, меньших размеров, имеет несколько отогнутый наружу венчик и сходную орнаментацию. На голени правой ноги подростка обнаружен ромбовидный в сечении нож, находившийся в деревянных ножнах (рис. 2, 5). Боковые грани ножа тупые. Лезвия образованы ромбовидной расковкой нижней части клинка.

Подведем итоги. Захоронения в парной катакомбе (погребение 1) безусловно одновременны. Тем больший интерес представляет содержащийся в них керамический инвентарь, где вместе с типологически хорошо известным сосудом поздней стадии среднедонской катакомбной культуры, орнаментированным налепными валиками, обнаружен аналогичный по форме сосуд, в орнаменте которого, наряду с валиковой, отражена и более архаическая традиция украшения при помощи оттисков шнура.

Исходя из устройства могильного сооружения и инвентаря, погребение 2 должно быть оценено как позднекатакомбное. На памятниках среднедонской катакомбной культуры известны ножи с параллельными лезвиями и раскованным концом клинка³, а орнаментация керамики прочерченными линиями, в особенности вертикальной елочкой, довольно типична на поздней стадии среднедонской катакомбной культуры.

³ Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 94; Качалова Н. К. Ильменские курганы. — АСГЭ, 1970, т. 1, с. 21.

ры. В то же время инвентарь погребения имеет и свои особенности. Так, нож более массивен и более длинный, чем ножи, происходящие из типологически более ранних комплексов. К тому же он имеет сужающиеся, а не параллельные лезвия. Обращает на себя внимание тот факт, что сосуды, где вместо валиков выступают имитирующие их прочерченные линии, по стилю орнаментации сближаются с керамикой доно-волжской абашевской культуры.

Выявление и систематизация памятников подобного типа в дальнейшем, возможно, позволят более дифференцированно подходить к оценке финального этапа среднедонской катакомбной культуры.

Ю. Г. ЕКИМОВ

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ р. СНОВЫ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Экспедицией Воронежского университета уже в течение нескольких полевых сезонов ведется изучение памятников по правому притоку Дона р. Снове в пределах Задонского и Долгоруковского районов Липецкой области. В 1964 г. под руководством А. Д. Пряхина обследован участок реки от впадения ее в р. Дон до с. Ольшанец. Тогда было выявлено десять разновременных археологических памятников¹. В 1968 г. разведка вверх по р. Снове продолжена Н. Ф. Чеботаревой — на участке от с. Ольшанец до с. Жерновое обнаружено еще восемь памятников². В 1976 г. под руководством автора обследовался правый приток Сновы р. Кобылья Снова от места их слияния до с. Крым — открыто еще пять памятников³. Кроме того, в низовьях р. Сновы обследованы и памятники, уже известные по более ранним работам.

¹ Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета за 1964 год. — Архив ИА АН СССР, р.-I, 2896, с. 57—66.

² Чеботарева Н. Ф. Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области. — Архив ИА АН СССР, с. 1—6.

³ Екимов Ю. Г. Отчет об археологической разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова в Задонском районе Липецкой области в 1976 г. — Архив ИА АН СССР.

В статье рассматриваются только бытовые памятники эпохи бронзы⁴. Всего их насчитывается 14 (рис. 1)⁵.

Два поселения расположены недалеко от устья Сновы у с. Ксизово. Одно из них — Ксизовское I⁶ занимает небольшое возвышение первой надпойменной террасы левого берега реки. К настоящему времени культурный слой сго в значительной степени уничтожен обнажением. Протяженность поселка вдоль реки была более 200 м. Мощностъ культурного слоя, залегавшего под значительными напластованиями ила, достигает 1 м. При зачистке обнажения фиксировались котлованы четырех углубленных в материк на 30—50 см построек. Их протяженность по обнажению от 12,5 м до 15 м. В одной из построек отмечены остатки заполненного золой углубленного в материк очага. Два подобных очага зафиксированы и в другой постройке. Участки прокаленной глины встречены и за пределами котлованов построек. Не исключено, что они связаны с очагами вне жилищ. Более детальную характеристику построек поселка дать нельзя, так как раскопок поселения не производилось.

Поселение Ксизовское I оставлено населением среднедонской катакомбной культуры. Причем, если среди керамики, полученной в 1964 г., когда только началось разрушение культурного слоя поселения, преобладали сосуды, украшенные по тулову горизонтальными рядами вдавлений елочкой, двойными пальцевыми зажимами, веревочными вдавлениями и другими приемами орнаментации, в целом свойственными для ранней доваликовой стадии этой культуры⁷, то в 1976 г., когда значительная часть площади поселения была уже разрушена обнажением, была получена уже только керамика многоваликового этапа. Поэтому следует предположить, что культурный слой, соответствовавший раннему этапу поселка, уже полностью уничтожен.

⁴ Памятники других периодов (раннего железного века и последующего времени) в статье не анализируются. На приводимую в статье карту археологических памятников они не занесены.

⁵ Материалы хранятся в Липецком областном краеведческом музее и в музее археологии Воронежского госуниверситета.

⁶ В отчете экспедиции пункт V (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1964 г.).

⁷ Полученные в 1964 г. материалы опубликованы (см. Пряхин А. Д. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону. — В кн.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966, с. 149—152, табл. 1, 2—12).

Дадим характеристику керамики многоваликового этапа поселения. Форма одного из сосудов восстанавливается почти полностью (рис. 2, 1). В верхней части он орнаментирован прочерченными линиями, образующими сложные повторяющиеся композиции. Остальная часть посуды наряду с валиками (рис. 2, 3) украшена прочерченными линиями, ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 2), вдавлениями крупно и мелкозубчатого штампа.

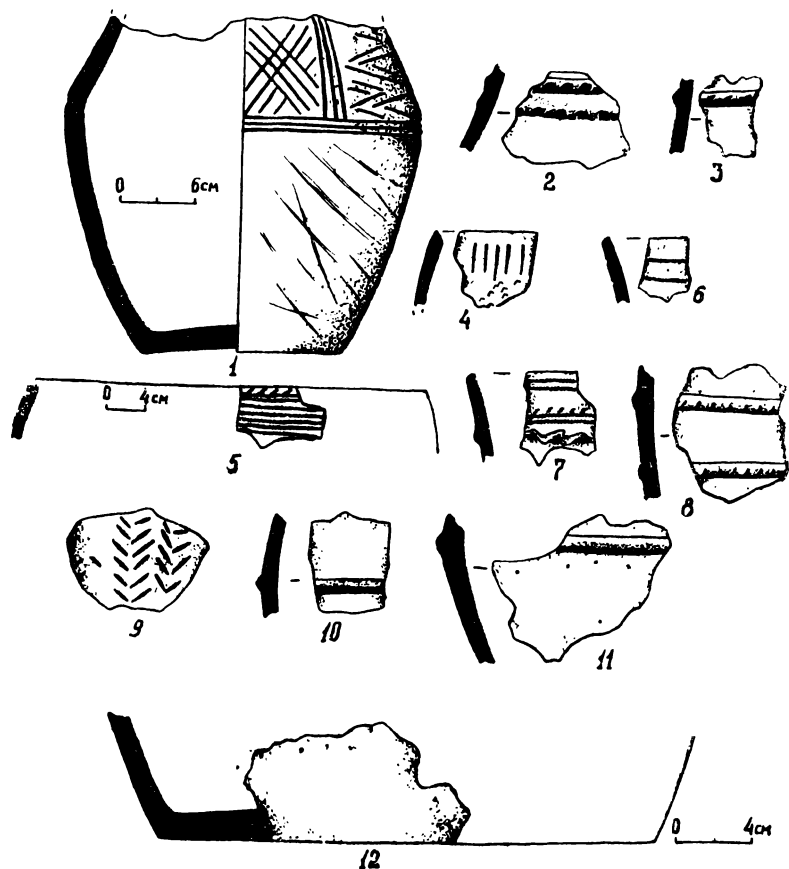

Рис. 2. Энеолитическая и катакомбная керамика с бытовых памятников по р. Снова: 1—3—Ксизовское I; 4—Мухино II; 5—Мухино I, 6—12—Балахнинское I

На основе имеющихся параллелей⁸ время существования поселения в целом определяется в пределах первой половины — середины II тыс. до н. э.

Другое поселение, одновременное I Ксизовскому, Ксизовское II⁹ находится в 600—700 м вверх по течению реки от уже рассмотренного поселения. Оно также занимало слабо возвышенный участок первой надпойменной террасы левого берега реки. Часть культурного слоя поселения уничтожена обнажением. Протяженность поселка вдоль берега реки около 100 м. Культурный слой мощностью 40—60 см здесь залегал под напластованиями ила толщиной до 1 м. Материальными остатками слоев в целом насыщен слабо.

Третье поселение, также связываемое с населением среднедонской катакомбной культуры, Мухино I. Оно находится недалеко от с. Мухино¹⁰. Поселение также занимало участок первой надпойменной террасы левого берега реки. Высота площадки, занятой поселением, над уровнем воды — 7—8 м. Судя по распространению керамики на пашне, примерные размеры поселения 100×170 м. Толщина культурного слоя в пределах 50 см.

Происходящие с площади поселения обломки керамики принадлежат горшковидным и баночным сосудам. Один из баночных сосудов имеет более ранние признаки — срезанный вовнутрь венчик, орнаментацию мелкозубчатым штампом и перевитой веревочкой (рис. 2, 5). Остальная же часть керамики с поселения или не орнаментирована или украшена зашипами, горизонтальными прочерченными линиями, веревочным орнаментом, а также орнаментом из вдавлений зубчатого штампа и палочки.

В 1 км вниз по течению реки открыто многослойное поселение Мухино II¹¹. Оно находилось на невысоком мысу пер-

⁸ Пряхин А. Д. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону, с. 153; Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 142, 152—153; Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону. — СА, 1977, 1, с. 147, 148.

⁹ В отчете экспедиции пункт XXII (см. Екимов Ю. Г. Отчет об археологической разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова в Задонском районе Липецкой области в 1977 г., с. 2).

¹⁰ В отчете экспедиции пункт VIII (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1964 г., с. 62—63).

¹¹ В отчете экспедиции пункт XXIII (см. Екимов Ю. Г. Отчет об археологической разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова, с. 3—5).

вой надпойменной террасы левого берега реки высотой 6—8 м. Примерные размеры поселения 40×60 м. Мощность культурного слоя в пределах 30—50 см. С поселения, наряду со значительным числом керамики раннего железного века, происходят и единичные обломки керамики эпохи бронзы. Среди них — фрагмент венчика орнаментированного баночного сосуда с «закрытым» верхом и пухлым туловом (рис. 2, 4).

Также в 1 км, но уже вверх по течению, от поселения Мухино I обнаружено еще одно, находившееся на второй надпойменной террасе левого берега р. Снова, поселение эпохи бронзы (Мухино III) ¹². Толщина культурного слоя на памятнике всего 10—15 см. На распахиваемой поверхности площади поселения собрана немногочисленная маловыразительная коллекция керамики периода поздней бронзы.

На третьей террасе левого берега реки почти напротив с. Дёгтево есть поселение срубной культурно-исторической общности (Дёгтево I) ¹³. Его приблизительная площадь составляет 100×150 м.

Следующее поселение — Балахнинское I — многослойное. Оно располагалось на низком левом берегу р. Сновы у д. Балахны ¹⁴. Культурный слой мощностью 40—60 см залегает под слоем песка и ила толщиной 0,5—1,0 м. Его протяженность, судя по обнажению, 110—130 м. В обнажении берега зафиксирован углубленный в материковое основание на 30 см котлован постройки. Длина котлована по обнажению 12,2 м.

Основная масса керамики с поселения относится к среднедонской катакомбной культуре (рис. 2, 6—12). Более всего горшковидных сосудов, имеющих высокий отогнутый наружу венчик. В украшении преобладают часто орнаментированные насечками налепные прямые или волнистые валики. Кроме того, некоторые обломки сосудов украшены мелкозубчатым и веревочным штампом, ногтевыми защипами. Днища имеют плоское устойчивое основание с резким переходом стенкам.

¹² В отчете экспедиции пункт IX (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1964 г., с. 63—64).

¹³ В отчете экспедиции пункт X (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1964 г., с. 64).

¹⁴ В отчете экспедиции пункт XI (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета, с. 64—65; Екимов Ю. Г. Отчет об археологической разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова, с. 5—8).

Судя по материалу, поселение Балахнинское I относится к так называемому многоваликовому этапу среднедонской катакомбной культуры, время которого по имеющимся оценкам определяется в пределах середины II тыс. до н. э.¹⁵ Заметим, что аналогичная посуда с I Балахнинского поселения керамика встречена и на ряде других поселений среднедонской катакомбной культуры: Борщёво IV¹⁶, поселении № 28 у с. Садовое¹⁷, Рыкань¹⁸ и др.

В культурном слое поселения кроме катакомбной встречи и обломки срубной, а возможно, и абашевской керамики. Это банки со слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 6, 7) или с закрытым верхом (рис. 3, 8). Они орнаментированы каплевидными и крестовидными насечками.

Керамика поздней бронзы в слое поселения, в отличие от катакомбной, залегает преимущественно в верхней его части.

Менее чем в 1 км от I Балахнинского поселения вверх по течению Сновы есть еще одно поселение эпохи поздней бронзы (Балахнинское II)¹⁹. Оно занимает участок низкого берега реки. Толщина культурного слоя на поселении 30—40 см. Его протяженность по обнажению около 100 м. Насыщенность слоя материальными остатками слабая.

Следующие три поселения расположены вверх по течению р. Сновы. Все они оставлены населением срубной культурно-исторической общности. Одно из них открыто в 1,5 км от с. Ольшанец (Ольшанец I)²⁰. Оно расположено на второй

¹⁵ Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры.— «Труды ГИМ», М., 1955, вып. 24, с. 33; Она же. К вопросу о многоваликовой керамике.— СА, 1960, 4; Пряхин А. Д. К вопросу о поселениях с многоваликовой керамикой на Верхнем и Среднем Дону.— В кн. Сборник работ аспирантов ВГУ, вып. 3, ч. 2 (гуманитарные науки). Воронеж, 1967, с. 56; Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы, с. 152—153.

¹⁶ Поселение исследовалось экспедицией Воронежского госуниверситета в 1965 г. под руководством А. Д. Пряхина. Материалы хранятся в кабинете археологии ВГУ.

¹⁷ Корнюшин Г. И. Археологические памятники в Аннинском районе Воронежской области.— В кн.: Либеров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 183.

¹⁸ Поселение исследовалось экспедицией Воронежского областного краеведческого музея под руководством Ю. П. Матвеева в 1977 г. Материалы хранятся в Воронежском областном краеведческом музее.

¹⁹ В отчете экспедиции пункт XIII (см. Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского госуниверситета за 1964 г., с. 65).

²⁰ В отчете экспедиции пункт XIV (см. Чеботарева Н. Ф. Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области, с. 2).

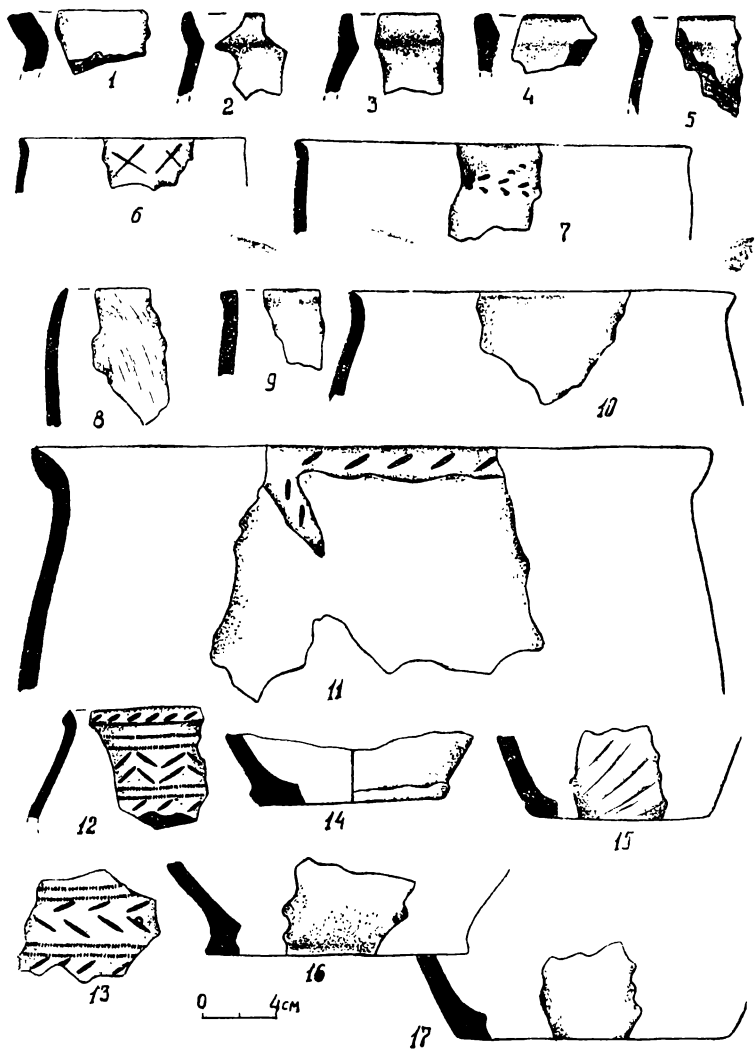

Рис. 3. Абашевская и срубная керамика с бытовых памятников по р. Снова: 1—4—Ольшанец II; 5, 10—13, 15—17—Алексеевское; 6—8—Балахиинское I; 9—Королек; 14—Писаревское

надпойменной террасе левого берега р. Снова. Культурный слой имеет мощность 30—40 см. Керамика представлена горшковидными и баночными сосудами. Они украшены прочерченными линиями, боковыми насечками, отгисками зубчатого штампа и т. д. На одном фрагменте есть оттянутый валик.

Другое поселение находится в 1 км вверх по течению реки от с. Карташовки (Карташовское)²¹. Топографическое его положение аналогично предыдущему поселку. Аналогичен и керамический материал. Оба эти поселения охарактеризованы в печати²².

Третье поселение расположено на невысоком мысу левого берега реки к северу от хут. Королек (Королек)²³. По форме собранная с площадки мыса керамика относится к баночным сосудам (рис. 3, 9).

Время существования трех поселков срубной культурно-исторической общности можно отнести, по периодизации Н. Я. Мерперта, к так называемому этапу длинных курганов-кладбищ с множественными захоронениями²⁴, или, по периодизации Н. Я. Мерперта и А. Д. Пряхина, к второму периоду третьего этапа (поздний «покровский» этап развитых срубников)²⁵.

Следующие три поселения расположены по правому берегу р. Кобыльей Сновы (правый приток р. Сновы). Одно из них находится в 1,5 км к югу от с. Ольшанец (Ольшанец II)²⁶. Оно занимает склон южной оконечности мыса высотой около 10 м. Площадь мыса распахивается. Примерные размеры поселения 50×100 м, судя по распространению керамики. Мощность культурного слоя в пределах 35—40 см. С поселения получена коллекция абашевской и срубной керамики. Обломки абашевских сосудов принадлежат колоколо-

²¹ В отчете экспедиции пункт XVII (см. Чеботарева Н. Ф. Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области, с. 4).

²² Чеботарева Н. Разведка 1968 года по реке Снова.— В кн.: Сборник научных студенческих работ, вып. 2 (гуманитарные науки). Воронеж, 1970, с. 49—51.

²³ В отчете экспедиции пункт XX (см. Чеботарева Н. Ф. Отчет о разведке по р. Снова Липецкой области, с. 6).

²⁴ Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, 61, с. 140.

²⁵ Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь (см. с. 20 настоящего сборника).

²⁶ В отчете экспедиции пункт XXIV (см. Екимов Ю. Г. Отчет о разведке по р. Снова и р. Кобыльи Сновы, с. 8—10).

видным горшкам (рис. 3, 1—3) и банкам с массивным верхом (рис. 3, 4). Почти все они по венчику с внутренней стороны имеют вогнутость и бортик. Керамика не орнаментирована. Такого рода посуда характерна для доно-волжской абашевской культуры ²⁷.

Срубная же керамика с поселения Ольшанец II представлена только обломками баночных сосудов. Большая их часть не орнаментирована. А там, где орнамент есть, это прочерченные линии, боковые вдавления и оттиски мелкозубчатого штампа.

На поселении удалось проследить, что абашевская керамика, в отличие от срубной, залегает в самом основании слоя, т. е. вполне возможно предположить, что здесь абашевский поселок предшествовал срубному.

Еще два поселения поздней бронзы находятся на близком расстоянии друг от друга. Одно из них расположено западной окраины д. Писаревки (Писаревское) ²⁸. Оно занимает участок террасы правого берега реки. Протяженность культурного слоя по обнажению около 55 м. Мощности слоя достигает 40 см. Материальными остатками слой насыщен очень слабо: это единичные обломки срубной керамики (рис. 3, 14) и массивный каменный пест.

Другое поселение находится в 1 км от д. Алексеевки (Алексеевское) ²⁹. Оно занимает мыс второй надпойменной террасы. Территория поселения распаивается. Толщина культурного слоя на поселении достигает 85 см. При шурфовке памятника выявлен край слабо углубленного в материк колодезя.

С поселения происходит материал как срубного, так и абашевского поселков. Весьма существенно, что срубная керамика залегает в слое на всю его глубину, а абашевская только в нижней его части. Тем самым и здесь абашевский поселок предшествовал срубному.

Коллекция абашевской керамики невелика (рис. 3, 5). Срубной же керамики значительно больше. Это обломки горшковидных сосудов двух типов: горшки с выпуклыми бор-

²⁷ Прякин А. Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976, с. 26—27.

²⁸ В отчете экспедиции пункт XXV (см. Екимов Ю. Г. Отчет о разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова, с. 10—11).

²⁹ В отчете экспедиции пункт XXVI (см. Екимов Ю. Г. Отчет о разведке по р. Снова и р. Кобылья Снова, с. 11—13).

камни и приостренным венчиком (рис. 3, 10, 11) и острореберные горшки (рис. 3, 12). Типологически разнятся и днища. Среди них есть днища с закраинами (рис. 3, 16) и без закраин (рис. 3, 15, 17).

Количество орнаментированных фрагментов невелико. Один сосуд по верху венчика имеет орнаментированный вдавлениями налепной валик. Еще несколько фрагментов украшены оттисками зубчатого штампа и боковыми вдавлениями (рис. 3, 12, 13).

Исходя из уже упоминавшейся, предложенной Н. Я. Мерпертом и А. Д. Пряхиным схемы срубных древностей, время существования срубного поселка следует отнести к финалу развитых срубников — началу поздних срубников. Последнее подтверждается наличием здесь керамики как позднего «покровского» доваликового этапа, так и более поздней валиковой керамики.

Подведем некоторые итоги. Рассмотренные бытовые памятники связываются с различными массивами населения, занимавшими лесостепные районы Подонья на разных этапах эпохи бронзы: катакомбной (поселения I и II Ксизовские, Мухино I, Балахнинское I), абашевской (поселения Мухино III, Балахнинское I, Ольшанец II, Алексеевское) и срубной (поселения Дегтево I, Балахнинское I и II, Ольшанец I, Карташовское, Королек, Ольшанец II, Писаревское, Алексеевское) культурно-исторических общностей. Памятники чаще многослойные. Поскольку ни одно из этих поселений не раскапывалось, говорить о сколько-нибудь серьезных стратиграфически обоснованных выводах преждевременно. Но и имеющиеся уже сейчас данные подтверждают правильность фиксируемой для территории лесостепного Подонья последовательности смены основных культурно-исторических образований эпохи бронзы: катакомбники — абашевцы — срубники.

Катакомбные памятники представляют целый сгусток поселений, расположенных в основном в низовьях р. Сновы. Это один из самых значительных комплексов катакомбных поселений из известных вообще. Абашевских же памятников на рассматриваемой территории в целом немного. Все они дают, как правило, лишь позднеабашевский, возможно, синкретический абашевско-срубный материал. Преобладают же здесь памятники срубной культурно-исторической общности. По имеющимся данным пока не удалось выделить памятники финальной бронзы, которые в смежных лесостепных районах

представлены памятниками так называемого бондарихинского типа.

Для более основательных выводов необходимо проведение стационарных раскопок.

Р. Г. САГАЙДАК, Т. С. СТАРЦЕВА

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА СРУБНОЙ ОБЩНОСТИ У пос. ХОХОЛЬСКИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Курганный могильник у пос. Хохольский Воронежской области расположен в правобережье Среднего Дона на высоком правом берегу р. Девицы. К моменту исследования он состоял из трех компактно расположенных нераспаханных и значительного числа распахиваемых насыпей. В 1967 г. отрядом экспедиции Воронежского университета (руководитель А. Т. Синюк) здесь был раскопан один курган, давший погребения катакомбной, абашевской и срубной культурно-исторической общностей¹, а в 1969 г. той же экспедицией (руководитель А. Д. Пряхин) проведены раскопки кургана 2, результаты исследования которого легли в основу данной статьи.

Курган представлял собой сильно расплывшуюся овальную насыпь размером 24×33 м, высота кургана от уровня материка 1,1 м (рис. 1). Структура насыпи однородная, мелкозернистая. Уровень погребенной почвы стратиграфически не прослеживался. Ему, видимо, соответствуют раздавленные сосуды и костяное изделие, найденные под насыпью в разных ее частях, но примерно на одной глубине. Все они скорее всего были положены на древнюю дневную поверхность еще до сооружения насыпи. В таком случае мощность слоя погребенной почвы не менее 0,3 м.

Всего в кургане десять погребений.

Погребение 1 находилось в насыпи на расстоянии 6,3 м к западу от центра кургана на глубине 0,9 м². Могильная яма не фиксировалась. От умершего сохранились только кости ног. Судя по расположению костей, погребенный лежал

¹ Данные по его исследованию частично опубликованы (см. Пряхин, А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 116).

² Глубина дается от единой нулевой точки.

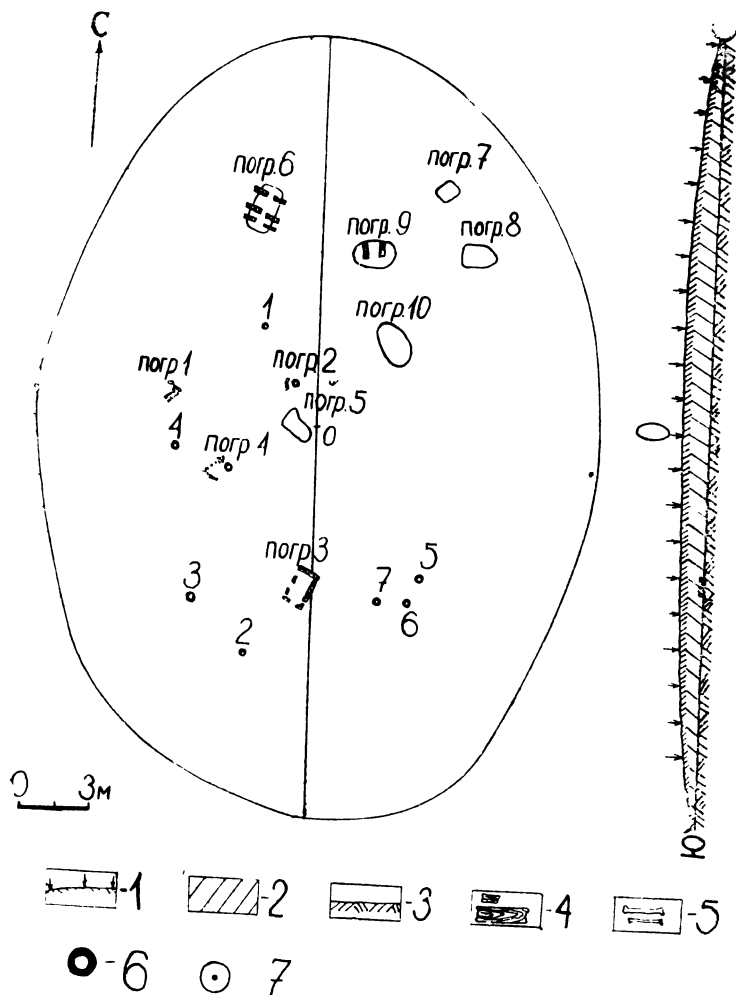

Рис. 1. План и профиль кургана 2 у пос. Хохольский: 1—дерновый слой; 2—насыпь; 3—материк; 4—дерево; 5—кости человека; 6—сосуды в насыпи; 7—костяное изделие

скорченно на левом боку головой на север-северо-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 обнаружено почти под центром кургана на глубине 1 м в насыпи. От костяка сохранилась лишь берцовая кость. При погребенном находился раздавленный баночный сосуд (см. рис. 3, 8). Край дна немного оттянут. Его высота 15 см, диаметр по верху — 15,6 см, диаметр дна — 9 см. По венчику сосуд украшен рядом ногтевых вдавлений.

Погребение 3 (рис. 2, 1) находилось на глубине 1,1 м на расстоянии 11 м к югу от центра кургана примерно на уровне материка. Прямоугольная могильная яма, имевшая размер 1×1,65 м, была облицована деревом — сохранился один венец деревянной обкладки ее стен. Яма ориентирована по длинной оси в направлении северо-восток—юго-запад. Умерший лежал скорченно на левом боку головой на север—северо-восток. Руки слегка согнуты в локтях. Возле рук находилась бронзовая игла с ушком длиной 5 см (см. рис. 3, 18). В северо-восточном углу могилы лежал раздавленный горшковидный сосуд, имевший слегка отогнутый венчик (см. рис. 3, 9). Высота сосуда 17,5 см, диаметр по верху — 18 см, диаметр дна — 10 см. Сосуд неорнаментирован.

Погребение 4 находилось на расстоянии 4 м к юго-западу от центра насыпи. Могильная яма не прослеживалась. Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на север-северо-запад. У черепа находилась придонная часть небольшого срубного сосуда.

Погребение 5 (рис. 2, 6) совершенно почти под центром насыпи. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами. Ее размеры 0,7×1,2 м. Она углублена в материк на 0,15 м. Ориентирована длинной осью по линии запад-северо-запад—восток-юго-восток. Погребенный лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток. Сохранность костяка плохая. Около черепа — бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота, согнутое из четырехугольной несколько уплощенной в сечении проволоки (рис. 3, 15). Второе такое же кольцо (рис. 3, 14) найдено в области тазовых костей. В северо-западном углу могильной ямы вблизи ног умершего в небольшом расширении стоял горшковидный сосуд с отогнутым венчиком (рис. 3, 12). Его высота 12 см, диаметр по верху — 14 см, диаметр дна — 9 см. По шейке и венчику горшок орнаментирован горизонтальным зигзагом и рядом вдавлений прямоугольной палочки.

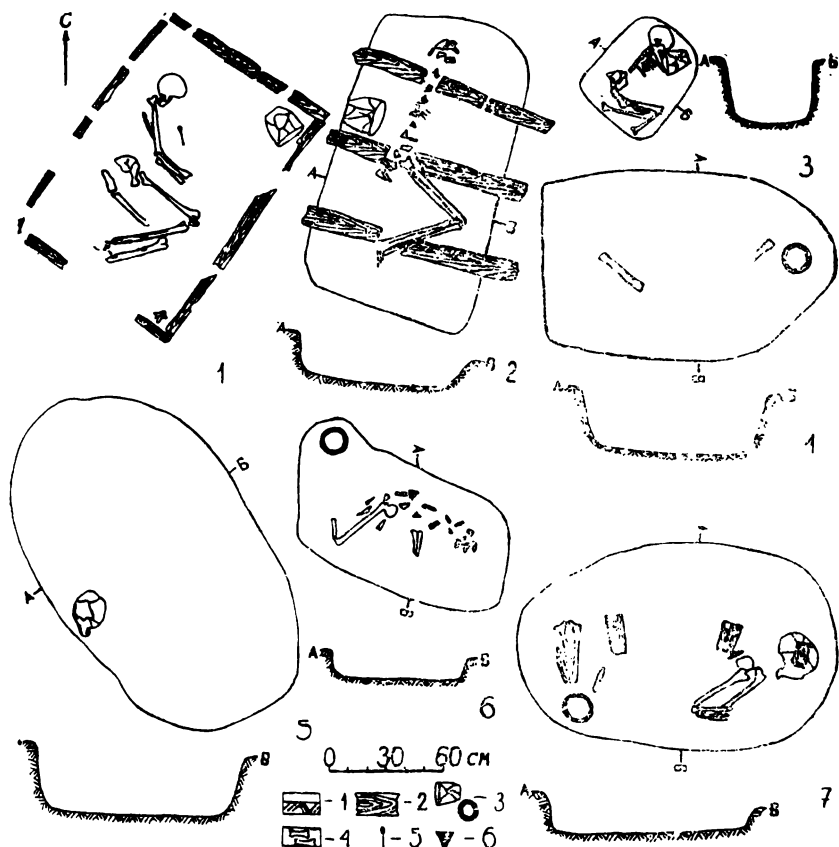

Рис. 2. Планы погребений кургана 2 у пос. Хохольский: 1—погребение 3; 2—погребение 6; 3—погребение 7; 4—погребение 8; 5—погребение 10; 6—погребение 5; 7—погребение 9.

1—материк; 2—дерево; 3—сосуды

Погребение 6 (рис. 2, 2) находилось на расстоянии 8 м к северо-западу от центра кургана. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами. Ориентирована она длинной осью по линии север-северо-восток—юг-юго-запад. Размеры ее — 0,93×1,65 м. Она углублена в материк на 0,2 м. Сверху могила перекрыта тремя уложенными поперек деревянными плахами. Умерший лежал скорченно на левом боку головой на север-северо-восток. За спиной костяка находил-

ся раздавленный неорнаментированный горшковидный сосуд (рис. 3, 10). Его высота — 20 см, диаметр венчика — 19,5 см, диаметр дна — 12 см.

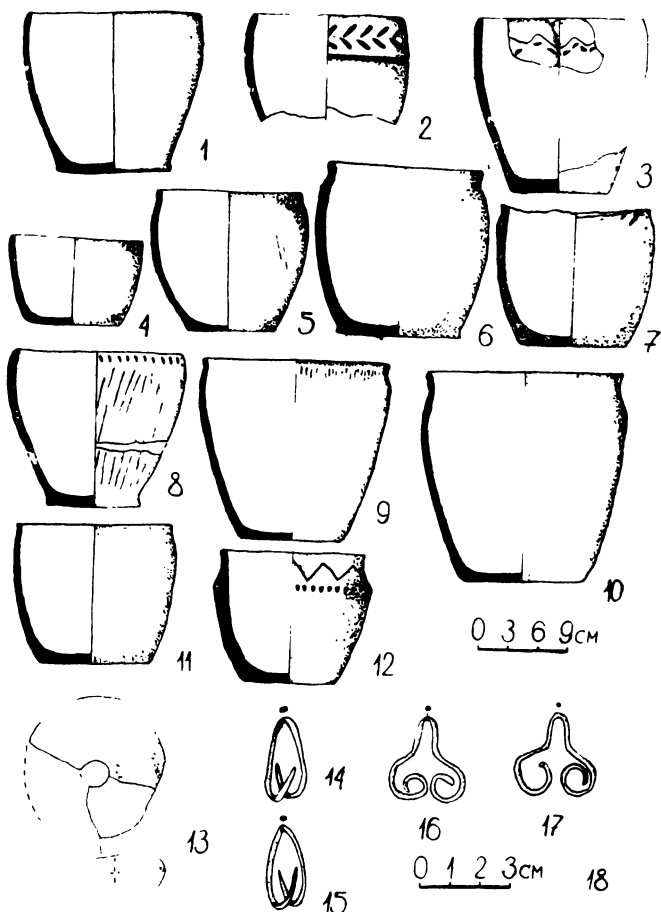

Рис. 3. Инвентарь из кургана 2 у пос. Хохольский: 1—сосуд 1 из насыпи; 2—сосуд 3 из насыпи; 3—сосуд 4 из насыпи; 4—сосуд 5 из насыпи; 5—сосуд 7 из насыпи; 6—сосуд из погребения 8; 7—сосуд из погребения 9; 8—сосуд из погребения 2; 9—сосуд из погребения 3; 10—сосуд из погребения 6; 11—сосуд из погребения 7; 12—сосуд из погребения 5; 13—костяное изделие из насыпи; 14, 15—височные кольца из погребения 5; 16, 17—очковидные подвески из погребения 7; 18—бронзовая игла из погребения 3

Погребение 7 (рис. 2, 3) располагалось на расстоянии 12 м к северо-востоку от центра кургана. Яма прямоугольной формы с закругленными углами. Ее размеры $0,5 \times 0,6$ м, ориентирована длинной осью в направлении северо-восток—юго-запад. Глубина ямы в материке — 0,4 м. На дне ямы — скелет ребенка, лежавший скорченно на левом боку головой на северо-восток. У височных костей черепа найдены две очковидные подвески с загнутыми внутрь концами, сделанные из круглой в сечении проволоки (рис. 3, 16, 17). Здесь же лежал раздавленный неорнаментированный сосуд (рис. 3, 11). Высота сосуда — 13,5 см, диаметр по верху — 15 см, диаметр дна — 11 см. Стенки сосуда закопченные.

Погребение 8 (рис. 2, 4) обнаружено на расстоянии 10 м к северо-востоку от центра кургана. Материковая яма неправильной формы. Ее размеры $1 \times 1,5$ м, глубина в материке 0,3 м. Длинной осью она ориентирована по линии запад—восток. От погребенного сохранились лишь две кости. В восточном расширении ямы стоял неорнаментированный горшковидный сосуд со слегка отогнутым венчиком (рис. 3, 6). Высота его — 16,5 см, диаметр по верху — 15 см, диаметр дна — 11 см. Стенки сосуда закопченные.

Погребение 9 (рис. 2, 7) было на расстоянии 7 м к северо-востоку от центра кургана. Могильная яма овальной формы. Ее размеры $1,1 \times 1,7$ м, глубина у южной стенки — 0,1 м, у северной — 0,2 м. Сверху она была перекрыта уложенными поперек деревянными плахами. На дне — скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку головой на восток. У колен погребенного находился разбитый горшковидный сосуд, орнаментированный по венчику рядом косых насечек (рис. 3, 7).

Погребение 10 (рис. 2, 5) находилось в 4 м к северо-востоку от центра кургана. Могильная яма овальной формы. Ее размеры $1,15 \times 1,97$ м. Ориентировка длинной осью по линии северо-запад—юго-восток, углубленность в материк на 0,35 м. У западной стенки лицом вниз находился череп хорошей сохранности. Других костей скелета и какого-либо инвентаря в могиле не оказалось.

Кроме описанных погребений под насыпью примерно на уровне погребенной почвы (0,8 м) найдены развалы пяти сосудов. Сосуд 1 находился в северной половине кургана. Это неорнаментированная банка с оттянутым краем дна (рис. 3,

1). Высота 15,5 см, диаметр по верху — 17 см, диаметр дна — 11 см. В юго-западном секторе на глубине 0,6 м обнаружены развалы сосудов 2,3 и костяное изделие. От сосуда 2 сохранилась лишь придонная часть, от сосуда 3 — фрагменты венчика. Сосуд 3 баночной формы (рис. 3, 2). Он орнаментирован по венчику горизонтальной «елочкой» и желобком под ней. Костяное изделие со сквозным отверстием обнаружено между погребениями 3 и 4. Диаметр его — 4,5 см, диаметр отверстия — 0,8 см (рис. 3, 13). В том же секторе найден и сосуд 4. Он баночной формы (рис. 3, 3), по венчику орнаментирован двумя горизонтальными волнистыми линиями. В северо-западном секторе обнаружены сосуд 5, незначительные фрагменты днища сосуда 6 и сосуд 7. Сосуд 5 — неорнаментированная миска высотой 8 см. Диаметр днища — 8,5 см, диаметр венчика — 13 см (рис. 3, 4). Сосуд 7 — горшковидный неорнаментированный (рис. 3, 5). Высота его 14 см, диаметр по верху — 14 см, диаметр дна — 8,5 см.

Погребальный обряд и инвентарь позволяют утверждать, что курган относится к развитому этапу срубной культурно-исторической общности. Среди погребений намечается выделение трех групп — погребения в могильных ямах (10) и впускные погребения на уровне материка (3—4) и погребения, впущенные в насыпь кургана (1—2).

Наиболее ранними представляются погребения первой группы. Поскольку стратиграфически подсыпки кургана не отмечено, то можно предполагать, что насыпь была сооружена уже после совершения погребений как первой, так и второй группы. Находки в насыпи кургана сосудов и костяного изделия могут быть интерпретированы как свидетельства поминальной тризны перед сооружением насыпи. Погребения же третьей группы хронологически более поздние.

При суммарной характеристике погребального обряда следует отметить, что погребения, где фиксировалось положение костяков, имеют ряд общих черт. Умершие хоронились скорченно на левом боку, преобладающая ориентировка северо-восточная с незначительными отклонениями к северу. В подавляющем числе могильных ям находилось по одному сосуду. В трех погребениях есть бронзовые вещи.

Происходящая из погребения 3 бронзовая игла с ушком имеет аналогии в погребениях срубной культурно-исторической общности могильников у с. Чербаево³, у с. Ягодное⁴,

с. Хрящевка⁵, у с. Ново-Байбатырево⁶. Височные кольца в 1,5 оборота из погребения 5 известны по ряду срубных погребений Поволжья и Среднего Дона⁷, но по технике изготовления все они относятся к типу желобчатых колец, между тем как хохольские украшения согнуты из четырехугольной в сечении проволоки. По этому признаку ближайшими их аналогиями следует считать височные кольца из срубных памятников лесостепного Подонья: могильник «Сады» в черте г. Воронежа⁸, одно из поселений по р. Девине⁹, поселение Чижовское-2 под г. Воронежем¹⁰. Очковидные подвески из погребения 7 отличаются от известных в срубных и абашевских древностях украшений того же типа тем, что их концы загнуты не наружу, а внутрь. По этому признаку они сближаются с очковидными подвесками приказанской культуры¹¹. Однако последние являются более массивными и имеют большее число витков спирали. Единственной полной аналогией подвесок из погребения 7 является украшение из кургана 6 Скореецкого могильника, расположенного, как и Хохольский курган, в лесостепном Подонье¹². Следовательно, можно говорить, что оба вида бронзовых украшений из хохольского кургана выделяются среди украшений, бытовавших у сруб-

³ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1960, 70, с. 44, рис. 4, 8.

⁴ Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 1954, 42, с. 67.

⁵ Там же, с. 80, рис. 17, 8; с. 94.

⁶ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Выдержки из дневника раскопок курганов хвалынской культуры у с. Ново-Байбатырево Чувашской АССР.— МИА, 1961, 97, с. 110, рис. 40, 2.

⁷ Качалова Н. К. Ильменские курганы.— АСГЭ, 1970, 12, с. 21, рис. 11, 1, 2; Корнюшин Г. Н. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области.— КСИА, 1967, 127, с. 83, рис. 34, 1; Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья, с. 148—149, рис. 13.

⁸ Пряхин А. Д. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973, с. 66, рис. 17, 1, 2.

⁹ Пункт 21 по р. Девине. Материалы разведок и раскопок археологической экспедиции Воронежского университета 1969 г. Хранятся в музее археологии Воронежского университета.

¹⁰ Пряхин А. Д. Поселение абашевской культуры и раннего железного века Чижовское-2 под г. Воронежем.— В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 4. Воронеж, 1972, с. 190, рис. 4, 4.

¹¹ Халиков А. Х. Приказанская культура.— СА, 1968, 2, с. 39, рис. 1, 178.

¹² Хранятся в музее археологии Воронежского госуниверситета.

ных племен Поволжья. Они свойственны только срубному населению, обитавшему в районе лесостепного Подонья.

При анализе происходящего из хохольского кургана керамического материала нам представляется возможным воспользоваться классификацией срубной посуды В. И. Сагайдака, выделившего в керамике бытовых памятников срубной культуры лесостепного Подонья четыре типа и шесть подтипов сосудов¹³.

Керамика из насыпи кургана представлена сосудами трех типов: баночные (сосуды 1, 3, 4), горшковидные (сосуд 7) и миски (сосуд 5). Ввиду фрагментарности сосудов 2 и 6 определить их типологию не представляется возможным. Среди керамики из самих захоронений выделяются два типа: баночные (из погребения 2) и горшковидные (из погребений 3,5—9). Баночные сосуды из насыпи и погребения слабо закрыты, т. е. диаметр тулова несколько больше диаметра венчика; диаметр венчика и высота сосудов примерно одинаковы и колеблются в пределах 15—17 см. Узор сосуда 3 из насыпи и сосуда из погребения типичен для срубной керамики. Напротив, узор сосуда 4 (горизонтальная волна) на срубной керамике практически не встречается. Горшковидные сосуды представлены одним экземпляром из насыпи (сосуд 7) и шестью экземплярами из погребений. Причем сосуд из насыпи и сосуд из погребения 7 к горшкам можно отнести условно, поскольку у них отсутствует отогнутый венчик, а плечики выделены очень слабо. Горшковидный сосуд из погребения 5 сохраняет некоторые черты остросеберных горшков: резкий переход от плечика к тулову, орнаментация по шейке и плечу. Однако его общие пропорции не позволяют видеть в нем остросеберную форму. Остальные горшковидные сосуды характеризуются отгибом венчика. Соотношение диаметра тулова и высоты у них примерно равно. Все они, кроме сосуда из погребения 9, не орнаментированы.

В связи со сказанным заметим, что преобладающей формой сосудов в погребениях являются горшковидные, в то время как в насыпи курганов — баночные. Хронологическая близость всех погребений и сосудов в насыпи позволяет отметить факт совместного существования слабозакрытых ба-

¹³ Сагайдак В. И. Стратиграфический анализ процентного соотношения основных форм срубных сосудов с поселений лесостепного Дона. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев 1975, с. 65—66.

ночных сосудов и горшковидных, у которых венчик лишь намечен или слегка отделен от стенок.

Конструкция Хохольского кургана, однотипность обряда погребения и характер погребального инвентаря позволяют отнести, как уже говорилось, курган в целом к развитому этапу срубной общности. Н. Я. Мерперт, разрабатывая периодизацию срубных древностей Среднего Поволжья, опирался на такие признаки погребальных памятников, как форма насыпи, количество погребений и принципы расположения их под насыпью, ориентировка погребенных, характер погребального инвентаря, и, особенно, керамики. Хохольский курган имеет насыпь овальной формы, под которой умершие были расположены по кругу около центрального погребения 5. Некоторые из погребений имеют деревянные внутримогильные конструкции. Все эти признаки позволяют отнести Хохольский курган к четвертому этапу по периодизации Н. Я. Мерперта¹⁴, что соответствует концу покровского этапа срубных древностей. Но наблюдаются и некоторые отличия, например, в ориентировке погребенных, а особенно в формах и орнаментации керамики. В Поволжье в это время господствует северная ориентация умерших, в Хохольском же кургане преобладает северо-восточная ориентировка с отклонениями к востоку. Если в Поволжье сохраняются еще острореберные орнаментированные сосуды (ср., например, керамику из кургана № 10 у с. Хрящевки¹⁵, относящегося к тому же периоду), в лесостепном Подонье в то же самое время преобладают сосуды, которым свойственны слабая профилировка, приземистые пропорции, простые композиции узоров, выполненных чаще всего прочерчиванием или оттиском палочки. Значителен процент неорнаментированной керамики.

Эти отличия объясняются локальными особенностями среднедонского района лесостепной срубной культуры, где находился исследуемый курган. Н. К. Качалова, выделяя три локальных района срубных памятников, отметила ряд своеобразных черт среднедонского района по сравнению с северо-западным и северо-восточным¹⁶. Ею также была отмечена и

¹⁴ Мерперт Н. Я. Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 1962, 111, с. 21.

¹⁵ Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, 61, с. 140.

¹⁶ Качалова Н. К. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре.— АСГЭ, 1977, 18, с. 25.

определенная специфика погребальной керамики данной территории¹⁷. Рассмотренные выше особенности погребального обряда и керамики Хохольского кургана, на наш взгляд, согласуются с признаками, которые, по Н. К. Качаловой, характеризуют среднедонской локальный вариант лесостепной срубной культуры. Тем самым подтверждается справедливость выделения территории Среднего Дона в обособленный район для памятников периода поздней бронзы.

Касаясь вопроса о социальной интерпретации погребений кургана 2 у пос. Хохольский, заметим, что он может быть рассмотрен как семейный курган-усыпальница. Традиция сооружения такого рода курганов прослежена на всей территории обитания племен срубной культурно-исторической общности.

¹⁷ Там же, с. 26.

Ю. П. МАТВЕЕВ, А. П. МЕДВЕДЕВ

КУРГАНЫ У с. КАРАЯШНИК НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В могильнике, расположенном на левом берегу р. Ольховатки (левый приток р. Черной Калитвы), в трех километрах севернее с. Караяшник Ольховатского района Воронежской области насчитывалось 23 курганных насыпи (рис. 1) Часть насыпей сильно разрушена. В 1973—1977 гг. исследовано 11 курганов. Они содержали погребения катакомбной и срубной культурно-исторических общностей эпохи бронзы, погребения сарматского времени и поздних кочевников.

Курган 1 имел диаметр 20 м и высоту 1,2 м¹. В кургане обнаружено три захоронения². Погребение 1 (основное) совершено в прямоугольной формы яме, размерами 2,1×1,5 м, глубиной 2,8 м, ориентированной длинной осью на запад—восток. На дне ямы, у южной стены находился скелет человека, лежавшего в скорченном положении на ле-

¹ Высота курганов дается от уровня материка.

² Более подробно материалы кургана 1 приведены в статье Ю. П. Матвеева и А. Т. Синюка (см. Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону.—СЛ. 1977, 1).

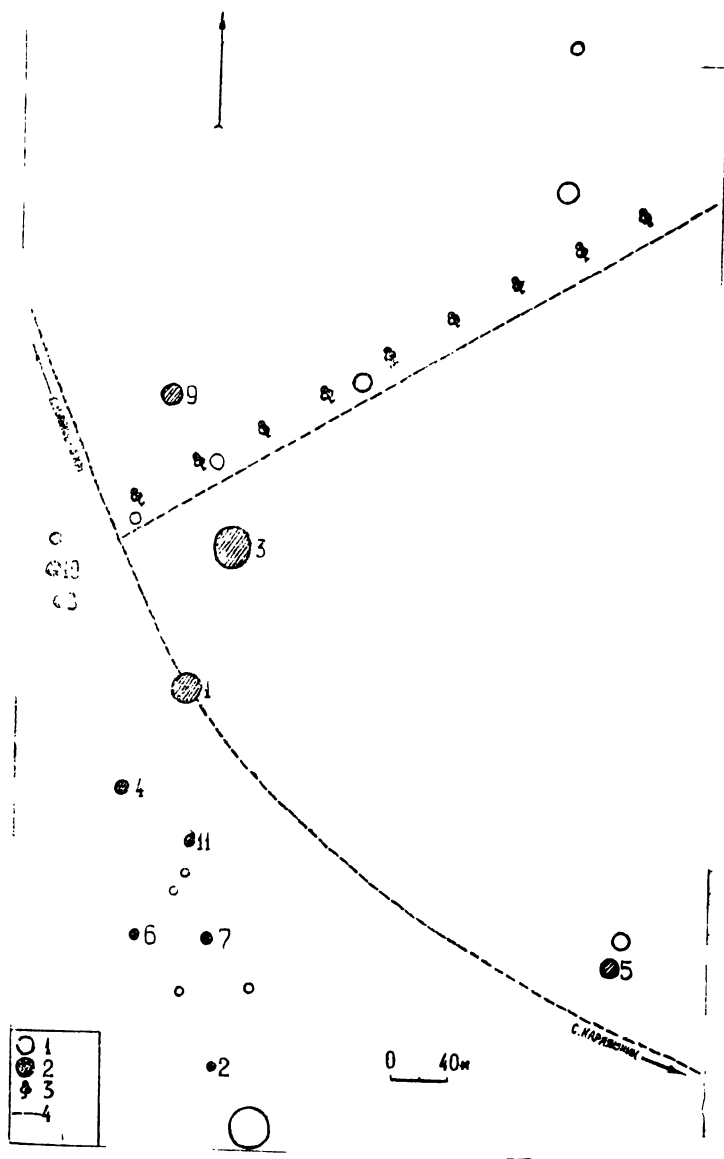

Рис. 1. План могильника у с. Караяшник: 1— нераскопанные курганы; 2— раскопанные курганы; 3— лесополоса; 4— дорога

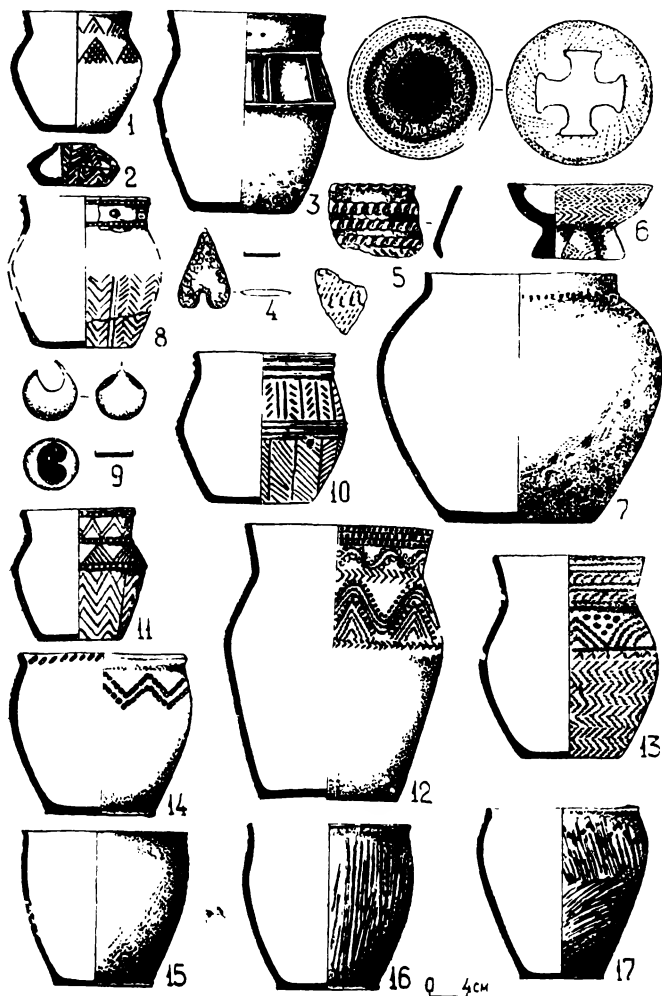

Рис. 2. Инвентарь погребений эпохи бронзы Караяшиновского могильника: 1—2—курган 1, погребение 1; 3—4—курган 1, погребение 2; 5—7—курган 3, погребение 4; 8—9—курган 3, погребение 7; 10—курган 5, погребение 2; 11—курган 3, погребение 6; 12—курган 3, погребение 2; 13—курган 3, погребение 3; 14—курган 5, погребение 1; 15—курган 5, погребение 3; 16—курган 9, погребение 2; 17—курган 9, погребение 3 (1—3, 5—8, 10—17—керамика; 4—кремень; 9—бронза)

вом боку, головой на запад. В заполнении могильной ямы найдены фрагменты двух, орнаментированных прочерченными линиями сосудов среднедонской катакомбной культуры (рис. 2, 1, 2).

Погребение 2 — впускное. Оно, скорее всего, было совершено в катакомбе, от которой в материке сохранилась лишь нижняя часть (2×1,6 м). В южной части ямы обнаружены кости ног и череп человека, захороненного в скорченном положении, головой на восток или юго-восток. Инвентарь по-

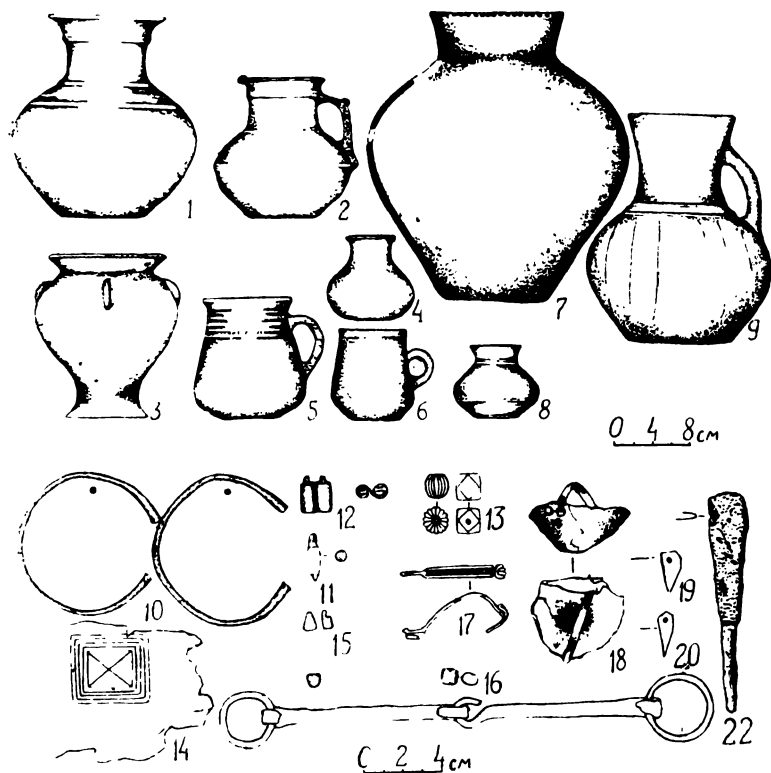

Рис. 3. Инвентарь сарматских и позднескифских погребений Караяшниковского могильника: 1—4, 10, 12, 13 — курган 4, погребение 1; 5 — курган 3, погребение 5; 6 — курган 3, погребение 9; 7 — курган 7, погребение 1; 8, 9, 11, 14, 15 — курган 8, погребение 1; 16 — курган 11, погребение 1; 17 — курган 10, погребение 1; 18, 20, 22 — курган 6, погребение 1; 19, 21 — курган 2, погребение 1 (1—9 — керамика; 10, 12, 16—20 — бронза; 11 — агат; 13 — фаянс; 14 — дерево; 15 — янтарь; 21—22 — желе-

гребения — орнаментированный валиками сосуд (рис. 2, 3) и кремневый наконечник стрелы (рис. 2, 4).

Погребение 3 сильно разрушено при распашке кургана. В насыпи, на глубине 0,7 м³ обнаружены отдельные кости скелета человека, захороненного, скорее всего, в скорченном положении, на левом боку, головой на север. У черепа найдены фрагменты нижней части лепного неорнаментированного сосуда. Культурная принадлежность погребения неясна.

Курган 2 имел диаметр 6 м и высоту 0,7 м. Насыпь частично повреждена поздними перекопами. В кургане обнаружено разрушенное погребение поздних кочевников. Форма

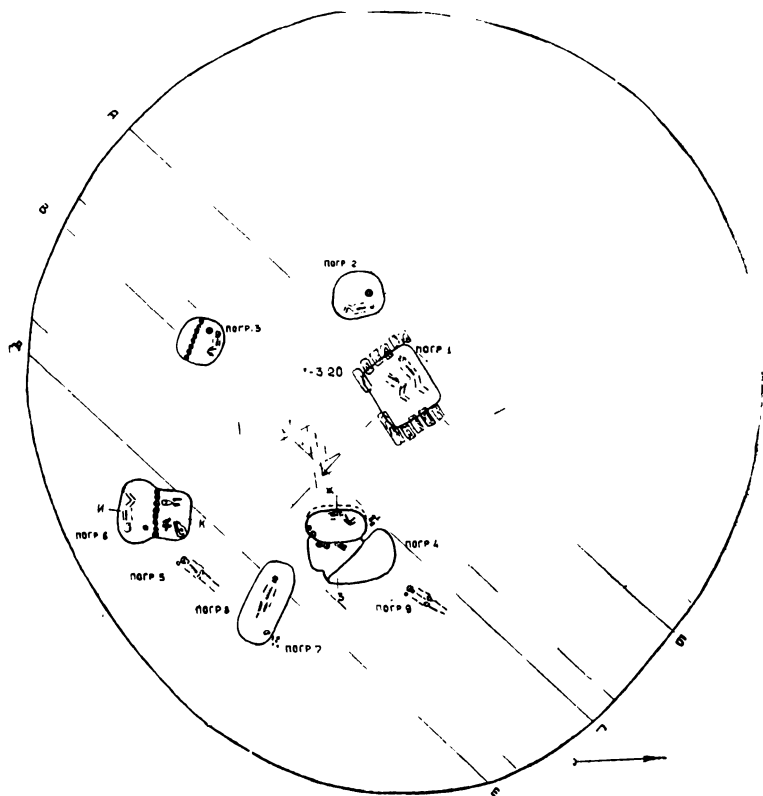

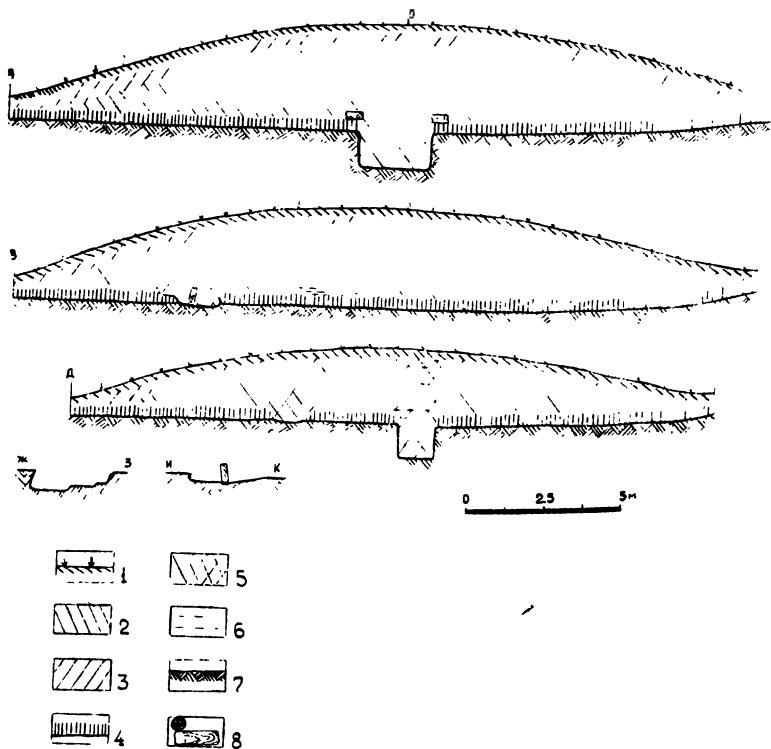
Рис. 4. План и профили кургана 3 Караяшниковского могильника: 4 — насыпь; 5 — перекоп; 6 — материковый выброс; 7 — материк; 8 —

³ Здесь и далее глубина дается от нулевой точки.

ориентировка могильной ямы не фиксировались. Найдены кости скелета человека, железные удила (рис. 3, 21) и треугольная подвеска из листовой бронзы (рис. 3, 19).

Курган 3 имел диаметр около 26 и высоту 3,6 м (рис. 4). Восточная пола кургана несколько вытянута. Последнее никак не может быть объяснено рельефом местности. Его поверхность задернована. Курган состоял из переночной насыпи темно-серого цвета и вторичной более светлой досыпки, фиксировался слой погребенной почвы мощностью около 0,4 м. В кургане обнаружено 9 погребений.

Погребение 1 (основное) относится к среднедонской ка-

1 — дерновый слой; 2 — насыпь; 3 — вторичная досыпка; 4 — погребенное дерево

такомбной культуре. Оно совершено в яме прямоугольной формы (2,3×2,05 м), глубиной 4,7 м. На уровне погребенной почвы яма перекрыта бревнами, имевшими диаметр до 0,3 м. Ориентировка ямы — северо-восток—юго-запад. Вокруг могильной ямы на уровне погребенной почвы — с северо-востока кезамкнутое кольцо материкового выброса мощностью около 0,35 м. На дне могилы обнаружены скелеты двух взрослых людей. Погребенные лежали на правом боку в скорченном положении, с вытянутыми вдоль туловища руками, головами на юго-запад (рис. 5, 1). В области голов, локтей, колен и плюсны ног погребенных отмечены следы красной охры. Инвентаря нет.

Погребение 2 (впускное) совершено в катакомбе. Ее входная шахта прорезала материковый выброс из погребения 1. В материке сохранилась только нижняя часть катакомбы с примыкающим участком дна входной шахты (рис. 5, 2). Глубина шахты — 3,7 м. Глубина катакомбы — 3,8 м, ориентировка — север-северо-запад — юг-юго-восток. На дне катакомбы обнаружен скелет взрослого человека, захороненного в скорченном положении на правом боку, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на север-северо-запад. В области головы, локтевых, коленных суставов, плюсны ног зафиксированы пятна охры. Перед лицом погребенного стоял орнаментированный отпечатками шнура и круглой палочки сосуд (рис. 2, 12). Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 3 (впускное), совершенное в катакомбе, введено в курган до возведения вторичной насыпи. Пол входной шахты катакомбы находился на отметке — 3,35 м. Ниже сделана ступенька, полого переходящая в ее пол (рис. 5, 3). Овальная в плане катакомба (1,6×1 м), глубиной 3,75 м, ориентирована по линии северо-запад—юго-восток, устье катакомбы перекрыто рядом вертикально поставленных бревен диаметром около 0,2 м. В катакомбе находилось захоронение ребенка. Костяк лежал вдоль северо-восточной стены катакомбы в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. В области колен и плюсны ног погребенного отмечены пятна красной охры. Перед его лицом стоял сосуд, сплошь орнаментированный отпечатками шнура, тесьмы и ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 13). На плечиках сосуда — выполненные отпечатками шнура фестоны и треугольники основанием вниз. Промежутки между ними заполнены отпечатками

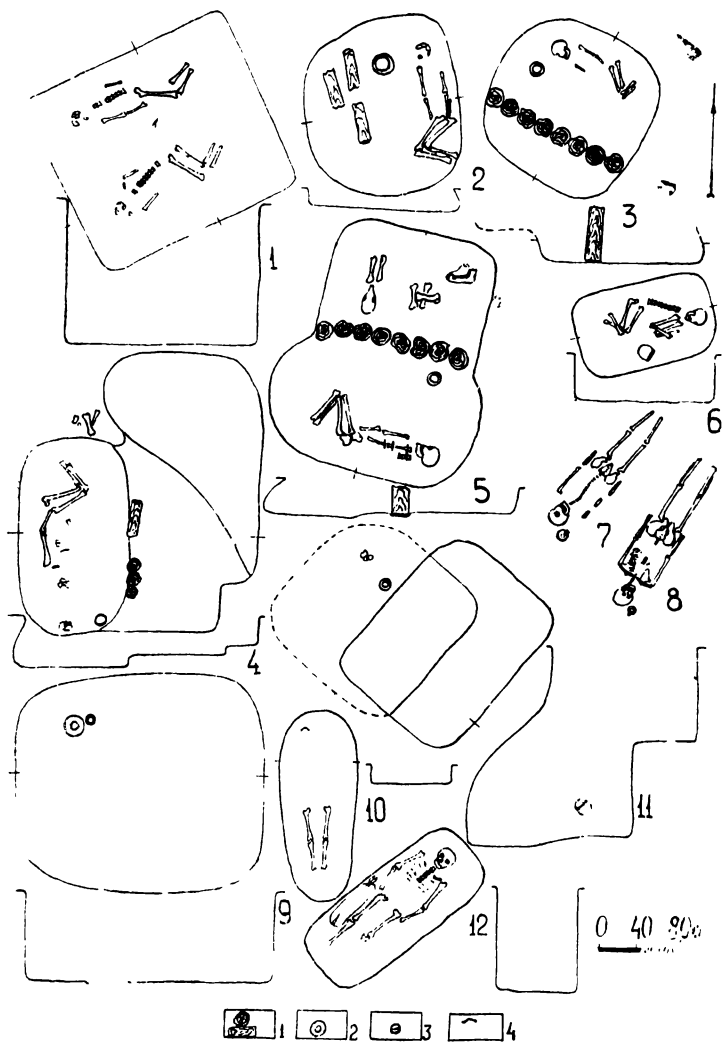

Рис. 5. Планы погребений Караяшниковского могильника: 1 — курган 3, погребение 1; 2 — курган 3, погребение 2; 3 — курган 3, погребение 3; 4 — курган 4, погребение 4; 5 — курган 3; погребение 6; 6 — курган 5, погребение 1; 7 — курган 3, погребение 5; 8 — курган 3, погребение 9; 9 — курган 8, погребение 1; 10 — курган 10, погребение 1; 11 — курган 5, погребение 2; 12 — курган 6, погребение 1.

1 — дерево; 2 — сосуд; 3 — чашечка; 4 — фибула

«улитки». Нижняя часть сосуда орнаментирована горизонтальной елочкой из коротких оттисков шнура. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 4 (впускное) также совершенно в катакомбе. К ней вели спирально расположенные ступеньки, на верхней из которых обнаружены кости коровы и фрагменты сосуда (рис. 2, 5). Устье овальной в плане катакомбы (размеры $2 \times 1,2$ м, глубина 4,15 м, ориентировка — север—юг) перекрывалось рядом вертикально поставленных бревен. Вдоль западной стены катакомбы лежал скелет человека, захороненного в скорченном положении, на правом боку, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юг (рис. 5, 4). У южной стены катакомбы стоял сосуд (рис. 2, 7), а ближе юго-восточному углу — курильница (рис. 2, 6). В области колен, локтя левой руки и плюсны ног погребенного отмечена охра.

Сосуд, фрагменты которого были обнаружены на ступени, орнаментирован по горлу образующими волнистый валик, ногтевыми защипами, а по тулову — оттисками длиннозубчатого штампа и шнура. Сосуд из катакомбы, имеющий широкие бока и короткий вертикально расположенный венчик, не орнаментирован. Курильница имеет массивную крестовидную ножку. Ее внешняя поверхность сплошь орнаментирована оттисками длиннозубчатого штампа, образующими елочку. На широком срезе венчика курильницы — концентрические круги из оттисков того же штампа. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

В связи с характеристикой погребения 4 обращает на себя внимание материковый выброс мощностью до 0,25 м, на ходившийся на первичной насыпи западнее данного погребения (рис. 4, профиль В-Г). Он может быть связан лишь с погребением, совершенным до вторичной досыпки и достаточно углубленным в материк. Этим требованиям соответствует только рассмотренное погребение 4. Расположенные же рядом погребения 6 и 8 прорезают вторичную досыпку, а погребение 3, будучи незначительно углубленным в материк, столь мощного выброса дать не могло.

Погребение 5 (впускное) совершено в насыпи на глубине 3,1 м. Оно располагалось юго-восточнее центра кургана (рис. 5, 7). Форма могильной ямы не фиксировалась. Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками.

ми. Головой он ориентирован на юго-запад. У черепа стоял гончарный, орнаментированный в верхней части круговыми бороздками сосуд с ручкой (рис. 3, 5). Погребение сарматское.

Погребение 6 (впускное) совершено в катакомбе, входная шахта которой, как уже указывалось, прорезала вторичную досыпку кургана. К катакомбе вела ступенька размерами 1,75×1,1 м, глубиной 3,7 м, на которой находились кости и череп коровы и кости передних ног с черепом особи мелкого рогатого скота. Устье катакомбы перекрывалось рядом вертикально вкопанных бревен. Катакомба овальной формы (2,25×1,3 м), глубиной 3,85 м, ориентирована на запад-северо-запад—восток-юго-восток (рис. 5, 5). Вдоль ее южной стены лежал скелет человека в скорченном положении на правом боку, с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный на восток.

Перед лицом погребенного стоял украшенный расчлененными налепными валиками небольшой сосуд (рис. 2, 11). На горле сосуда — зигзагообразный узор из прочерченных линий, на плечиках — орнаментация из заштрихованных треугольников основанием вниз. Нижняя часть сосуда орнаментирована вертикальной елочкой из прочерченных линий. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 7 (впускное) совершено на уровне материка. Оно оказалось почти полностью разрушенным захоронением 8. Сохранилось лишь несколько фрагментов черепа, под которыми найдена подвеска в виде пустотелого шарика с дужкой (рис. 2, 9). Рядом с черепом обнаружены фрагменты сосуда, орнамент которого близок орнаменту сосуда из погребения 6 (рис. 2, 8). Судя по положению костей черепа и местонахождению фрагментов сосуда, ставившегося обычно перед лицом погребенного, покойный был ориентирован в направлении, близком к северо-восточному. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 8 — позднесредневековое.

Погребение 9 (впускное) находилось в юго-восточном секторе кургана (рис. 5, 8). Оно совершено в насыпи на глубине 3,4 м. Форма могильной ямы не фиксировалась. Погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юго-запад. Справа от черепа стоял небольшой

гончарный сосуд с ручкой (рис. 3, 6). Погребение сарматское.

При выяснении относительной хронологии катакомбных погребений кургана 3 особенно важно определить, с каким из них связана вторичная досыпка. Она не может быть связана с погребением 1, поскольку впускные по отношению к нему погребения 3 и 4 ее не пререзают. Погребения 6 и 7 пререзают ее и, естественно, с ней не связаны (рис. 4). Не может быть приурочена досыпка и к хронологически более поздним сарматским погребениям 5 и 9. Таким образом, единственным погребением, над которым могла быть произведена вторичная досыпка, является погребение 4. Такой вывод подтверждается и состоянием ранее охарактеризованного выброса из погребения 4, который не мог бы сохраниться столь компактно, если бы сколь-нибудь длительное время находился на открытой поверхности ранней насыпи. Таким образом, наиболее ранним в кургане является погребение 1. Хронологически за ним следует совершенное также до сооружения досыпки погребение 3. Более поздним является погребение 4, с которым связана досыпка. Последнее, в свою очередь, перекрыто погребением 6, пререзавшим уже вторичную досыпку. Позже погребения 4 совершено и погребение 7, впущенное во вторичную досыпку за пределами первичной насыпи.

Курган 4 имел диаметр 9,5 м и высоту 1 м (рис. 6, 1). Он содержал одно сарматское погребение. По центру кургана на уровне материка было обнаружено бесформенное пятно могильной ямы. При разборке заполнения ямы, на глубине 1,1 м найден футляр (кожа, шерстяная ткань) с бронзовым браслетом внутри (рис. 3, 10). На глубине 1,7 м обнаружен слой черного войлока, которым, очевидно, было выстлано дно могилы. Размер войлочной подстилки — 1,18×2,07 м. На подстилке, в северо-западной ее части обнаружены гончарный сосуд с черной лощеной поверхностью (рис. 3, 1), гончарный сосуд с ручкой (рис. 3, 2), небольшой, окрашенный красной охрой сосуд (рис. 3, 4) и лепная курильница (рис. 3, 3). Здесь же найдены сильно окислившиеся фрагменты бронзового зеркала. У западного края подстилки лежали крупные овальные и мелкие круглые бусины из сердолика, крупные овальные бусины из горного хрусталя, бусины из египетского фаянса (рис. 3, 13). Здесь же находились небольшие пастовые и глазчатые бусы, фрагменты бронзовых амулетниц (рис. 3, 12).

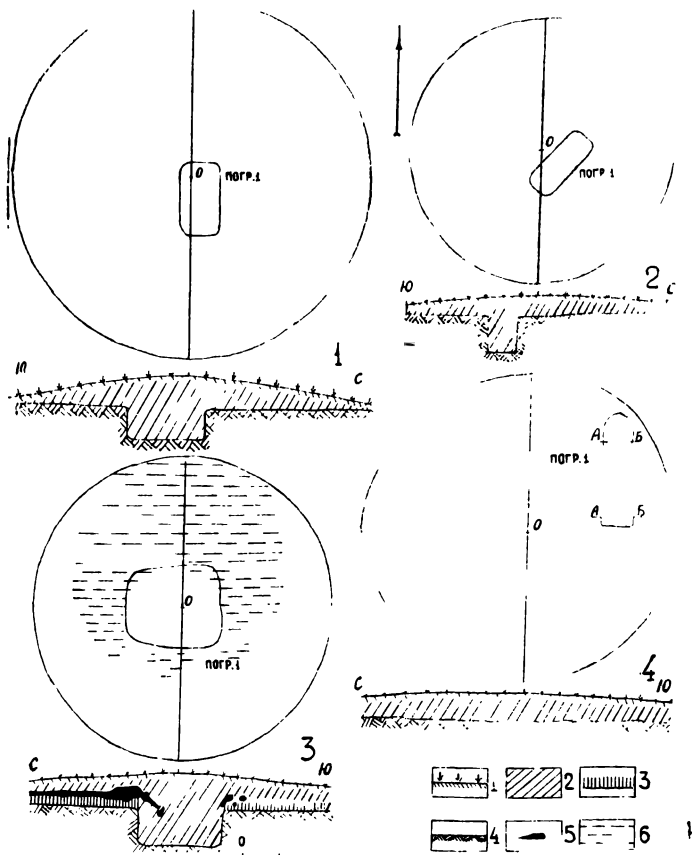

Рис. 6. Планы и профили сарматских курганов Караяшниковского могильника: 1 — курган 4; 2 — курган 6; 3 — курган 8; 4 — курган 10.

1 — дерновый слой; 2 — насыпь; 3 — погребенная почва; 4 — материк; 5—6 — выброс

бронзовый браслет, аналогичный браслету в футляре. Все вещи в погребении были накрыты еще одним куском войлока. Костяка в могильной яме не оказалось.

Сильно распаханный курган 5 имел диаметр около 15 м и высоту 1,3 м. В кургане обнаружено 3 погребения (рис. 7, 1). Погребение 1 (впускное) совершено в овальной по форме могильной яме (1,5×0,9 м), глубиной 0,5 м, ориентированной

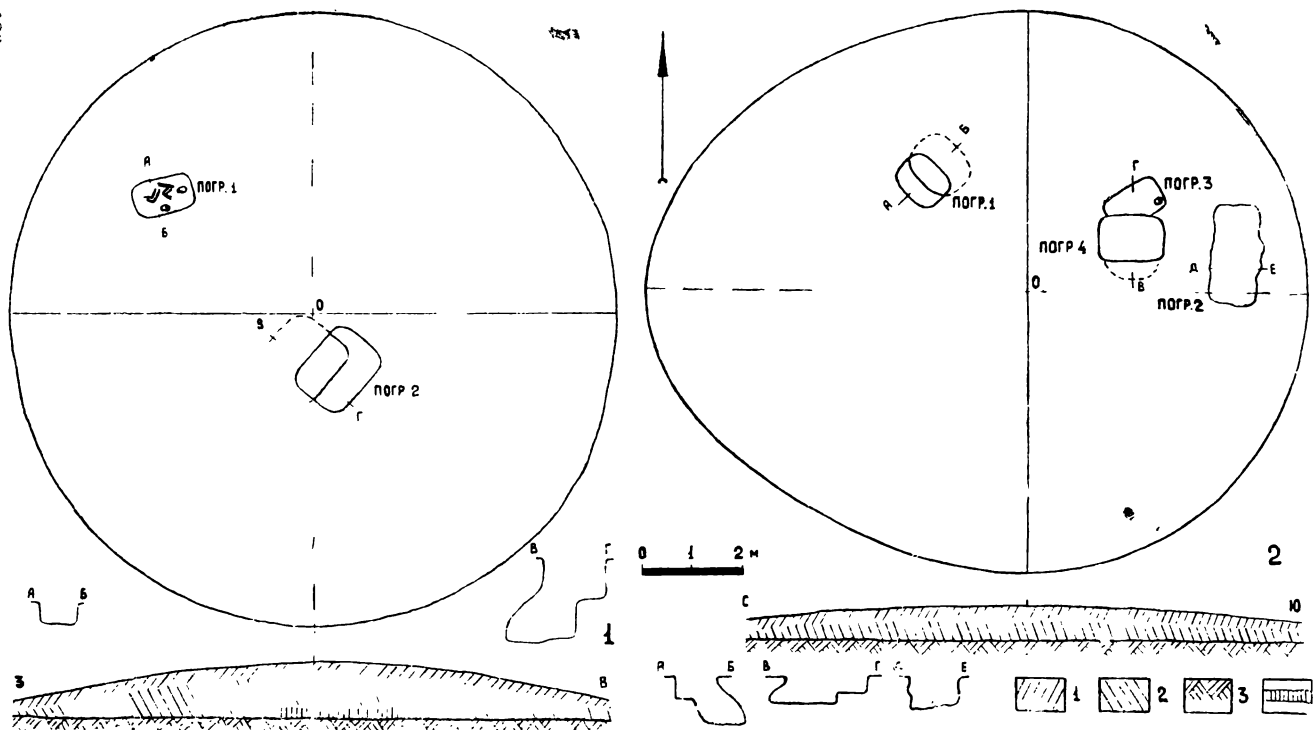

Рис. 7. Планы и профили курганов эпохи бронзы Караяшниковского могильника: 1 — курган 5; 2 — курган 9.
1 — пахотный слой; 2 — насыпь; 3 — материк; 4 — погребенная почва

на восток-северо-восток—запад-юго-запад. На её дне лежал скелет человека, захороненного в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Кисти рук погребенного находились у лица (рис. 5, 6). Перед его грудью стоял лепной, орнаментированный в верхней части оттисками крупнозубчатого штампа сосуд (рис. 2, 14). Погребение относится к срубной культурно-исторической общности.

Погребение 2 (основное) находилось почти под центром насыпи (рис. 5, 11.). Над ним в профиле обнаружена прослойка материкового выброса, находившегося на погребенной почве. Захоронение совершено в квадратной катакомбе (1,7×1,7 м), к которой вела входная шахта прямоугольной формы (2×1,75 м), глубиной 2,25 м. Под северо-западной стеной входной шахты находилась ведущая к катакомбе ступенька. Глубина катакомбы — 3,3 м, высота в устье — 1,3 м. В ее северном углу были обнаружены части черепа человека, рядом, ближе к устью — фрагменты орнаментированного валиками и прочерченными линиями сосуда (рис. 2, 10). Погребение относится к среднесдонской катакомбной культуре.

Погребение 3, впускное, совершено в насыпи. Оно сильно разрушено распашкой: обнаружены разрозненные кости скелета и фрагменты баночного срубного сосуда (рис. 2, 15).

Курган 6 (диаметр 7 м, высота 0,55 м) содержал одно позднекочевническое захоронение (рис. 6, 2). Оно совершено в яме прямоугольной формы (2×0,6 м), глубиной 1,65 м. Ориентировка ямы — северо-восток — юго-запад. Умерший лежал на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-восток (рис. 5, 12). У его правого бедра находился берестяной колчан с тремя стрелами. Удалось установить их длину — 72 см. У левого колена обнаружены две треугольные подвески листовой бронзы (рис. 3, 20). У ступней погребенного лежала свернутая из бронзового листа чашечка с дужкой (рис. 3, 18) и железное изделие (подток?). В погребении отмечены остатки доходившей до середины бедер кожаной обуви.

Частично разрушенный курган 7 имел диаметр 7,5 м и высоту 0,65 м. Он содержал одно сарматское погребение. В северо-западной части кургана фиксировался полукольцевой материковый выброс мощностью до 0,2 м. В центре выброса обнаружено пятно могильной ямы (2,2×0,5 м), ориентированной в длину на север-северо-восток — юг-юго-запад. К основанию ее размер меньше — 2,17×0,4 м. В западном углу в ее заполнении обнаружены фрагменты лепного, орна-

ментированного наколами по краю венчика сосуда (рис. 3, 7). На дне могилы находились отдельные кости скелета.

Курган 8 (диаметр 8 м, высота 1 м) также содержал одно сарматское погребение. В центральной части кургана фиксировался кольцевой материковый выброс мощностью до 0,3 м (рис. 6, 3). Судя по залеганию выброса, толщина погребенной почвы — 0,35 м. Под центром насыпи обнаружено пятно могильной ямы прямоугольной формы ($2,7 \times 2,4$ м). Ориентировка ямы — запад — восток, ее глубина 1,9 м. На дне ямы в северо-западном углу найдены гончарный лощеный сосуд с ручкой, орнаментированный по верхней части тулова вертикальными бороздками (рис. 3, 9) и маленький сероглиняный сосуд (рис. 3, 8). Ближе к юго-западному углу ямы обнаружены фрагменты бронзового зеркала, находившегося в деревянном футляре. Футляр орнаментирован резными линиями (рис. 3, 14). В юго-западном углу лежали агатовая подвеска (рис. 3, 11), янтарная трапецевидная бусина (рис. 3, 15) и мелкие пастовые бусы. Костяка в могильной яме не оказалось.

Курган 9 (диаметр около 14 м, высота 0,9 м) сильно распахан. Его насыпь оплыла по склону в западном направлении (рис. 7, 2). В кургане обнаружено 4 погребения.

Погребение 1 располагалось северо-западнее современного центра кургана. В материке была обнаружена входная шахта катакомбы ($1,4 \times 1,1$ м), глубиной 1,5 м. Под северо-восточной стеной входной шахты размещалась ступенька, ведущая к овальной в плане катакомбе ($1,5 \times 1,25$ м), имевшей глубину 2,05 м. Ориентировка входной шахты и катакомбы в длину — северо-запад — юго-восток. Высота катакомбы в устье — 0,85 м. Погребение полностью разрушено грызунами. В заполнении входной шахты удалось обнаружить невыразительный фрагмент стенки сосуда с валиковым орнаментом. Погребение относится к среднедонской катакомбной культуре.

Погребение 2 также полностью разрушено грызунами. Не фиксировались даже форма и ориентировка могильной ямы. В ее заполнении обнаружены фрагменты баночного срубного сосуда (рис. 2, 16).

Погребение 3 совершено в овальной могильной яме ($1,65 \times 0,95$ м), ориентированной в длину на северо-восток — юго-запад. Ее глубина 1,3 м. В восточном углу ямы, на материковом останце стоял баночный срубный сосуд, орнаментированный крупнозубчатым штампом (рис. 2, 17). Верхняя

часть сосуда покрыта вертикальными, а нижняя — косыми расчесами.

Погребение 4 частично перекрывалось погребением 3. Могильная яма прямоугольной формы (1,65×1,1 м) при глубине 1,6 м ориентирована в длину на запад—восток. Под южной стеной ямы — небольшой подбой. Костяка не обнаружено. Вещей нет. Культурная принадлежность погребения не определена.

Хронологическая последовательность совершения описанных погребений неясна.

Курган 10 имел диаметр 9 м и высоту 0,6 м. Его насыпь сильно оплыла по склону в западном направлении (рис. 6, 4). Этим, очевидно, объясняется то, что обнаруженное сарматское погребение оказалось у края современной северо-восточной полы. Погребение совершено в яме неправильной овальной формы. Ее размеры 2,05×0,65 м, при глубине 0,8 м. Ориентировка ямы — север—юг. В ее южной части находились кости ног человека (рис. 5, 10), ближе к северо-западному углу найдена бронзовая позднелатенская фибула (рис. 3, 17).

Насыпь кургана 11 снесена при строительных работах. При зачистке материкового основания на месте кургана было обнаружено пятно могильной ямы неправильной формы (1×0,55 м), ориентированной по линии северо-восток — юго-запад. В заполнении могильной ямы найдены кости человека и фрагмент бронзового колечка скорее всего от уздечного набора. Аналогичное колечко обнаружено и на дне могилы, в ее северо-восточной части, на глубине 0,55 м от уровня материка.

В целом в Караяшниковском могильнике исследовано 25 погребений, относящихся к среднедонской катакомбной культуре, донскому лесостепному варианту срубной культурно-исторической общности, сарматскому времени и средне-вскую.

Судя по характерным особенностям погребального обряда и инвентаря, среднедонской катакомбной культуре принадлежат 10 захоронений: 1 и 2 кургана 1; 2 кургана 5; 1, 2, 3, 4, 6 и 7 кургана 3 и 1 кургана 9. Конструкция погребальных сооружений и ориентировка погребенных в захоронениях среднедонской катакомбной культуры различны. Различается и керамика. Поскольку инвентарь захоронений не дает оснований предполагать сколько-нибудь существенных инокультур-

ных влияний, эти различия носят, очевидно, хронологический характер.

Представляется правомерным выделение двух разновременных групп захоронений. Основой для их выделения являются как стратиграфические наблюдения, так и характер керамики (безваликовая и валиковая ее орнаментация). К первой группе принадлежат стратиграфически более ранние погребения: 1 кургана 1; 1, 3 и 4 кургана 3. Судя по орнаментации сосуда, к этой же группе относится и погребение 2 кургана 3. Вторая, более поздняя группа захоронений, содержит сосуды с валиковой орнаментацией. Это стратиграфически более поздние погребения 2 кургана 1, 6 и 7 кургана 3. К этой же группе относятся и погребения 2 кургана 5 и 1 кургана 9. Два из ранних погребений (1 кургана 1 и 1 кургана 3) совершены в ямах, остальные три — в катакомбах. Происходящий из них керамический материал довольно разнообразен. В четырех погребениях обнаружены сосуды наиболее типичной для данной культуры формы, имеющие высокий, отогнутый наружу венчик (см. рис. 2, 1, 5, 12, 13). Гораздо реже встречаются широкобокие, с прямым коротким венчиком сосуды, подобные найденному в погребении 4 кургана 3 (рис. 2, 7). В погребениях среднедонской катакомбной культуры не имеет аналогий острореберный сосудик из погребения 1 кургана 1 (рис. 2, 2). Происходящая из погребения 4 кургана 3 курильница является четвертой находкой такого рода, обнаруженной на Среднем Дону⁴. Все они имеют четыре сросшиеся ножки. У трех из них, сохранившихся полностью, отсутствует внутреннее отделение.

Довольно разнообразны техника и мотивы орнаментации керамики ранней группы. В различных сочетаниях применялись отпечатки шнура и тесьмы, ногтевые вдавления и зацепы, зубчатый штамп, прочерченные линии и наклепные шишечки. Наиболее распространенными элементами украшения сосудов этой группы являются фестоны или треугольники основанием вниз, располагавшиеся обычно на плечиках горшковидных сосудов, горизонтальная или вертикальная елочка.

⁴ Качалова Н. К. Ильменские курганы. — АСГЭ, 1970, 12, рис. 16, 1; Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции за 1972 г. — Архив ИА АН СССР, р.-I, 4809; Синюк А. Т. Отчет к открытому листу № 288 о раскопках курганов у с. Шкурлат Павловского района Воронежской области в 1976 г. — Архив ИА АН СССР.

Характерной особенностью захоронения ранней хронологической группы является окрашенность черепов и суставов конечностей погребенных, а также наличие охры на полу могил в области колен и локтей. Те же особенности зафиксированы в ряде содержащих керамику с безваликовой орнаментацией погребений других могильников среднедонской катакомбной культуры⁵

Особый интерес представляют материалы двух погребений рассматриваемой группы (1 кургана 1 и 4 кургана 3). В первом из них, так же, как и в погребениях поздней хронологической группы, отсутствует охра. Происходящие из него сосуды орнаментированы прочерченными линиями, образующими треугольники и вертикальную елочку, наклепными шишечками. То есть по орнаменту, исключая валик, они аналогичны валиковой керамике Караяшниковского и других могильников⁶. Погребение 4 кургана 3 занимает промежуточное стратиграфическое положение между катакомбными захоронениями ранней и поздней хронологических групп. Происходящий из него фрагмент венчика орнаментирован образующими волнистый валик ногтевыми зажимами. Представляется вероятным, что именно такой способ орнаментации лежит в основе более позднего — наклепными валиками. Сочетание орнаментации прочерченными линиями или валиками (наклепными или оформленными зажимами) со шнуровой или зубчатой орнаментацией отражает сам процесс перехода от более ранней к более поздней — валиковой — орнаментации среднедонской катакомбной керамики и является доказательством неразрывной связи в целом двух хронологических этапов развития среднедонской катакомбной культуры. Заметим, что помимо погребений Караяшниковского могильника керамика переходного типа обнаружена в захоронениях ряда других могильников Среднего Подонья⁷. Кроме того, известны и погребения,

⁵ Мельник Е. Н. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 г.— «Труды XII АС», М., 1905, т. 1, с. 719, 720, 725; Либс-ров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, с. 85; Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону, с. 144.

⁶ Либс-ров П. Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы, рис. 38, 10; 42, 7; 43. 1, 4; Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону, рис. 12, 2, 10.

⁷ Матвеев Ю. П., Синюк А. Т. Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону, рис. 2, 3; Пряхин А. Д. Отчет археологической экспедиции Воронежского государственного университета

где наряду с сосудами, орнаментированными шнуром или тесьмой, были найдены сосуды с валиковой орнаментацией⁸

Погребения поздней хронологической группы среднедонской катакомбной культуры в Караяшниковском могильнике за исключением погребения 7 кургана 3, где форма могильной ямы не фиксировалась, совершены в катакомбах. Их инвентарь представлен кремневым наконечником стрелы с выемкой в основании, бронзовой подвеской и типичными для поздней стадии среднедонской катакомбной культуры сосудами с валиковой орнаментацией. Несколько выделяется лишь сосуд биконической формы с относительно коротким, слегка отогнутым венчиком из погребения 2 кургана 5. Керамика подобного типа, но с оттянутым валиком или имитацией валика прочерченными линиями известна на Шиловском поселении⁹, поселении Костенки-18¹⁰, Боршевском, Белогорском и Кузнецовском городищах¹¹ и синхронизируется с досейминским хронологическим горизонтом доно-волжской абашевской культуры.

К срубной культурно-исторической общности в могильнике относятся погребения 1 и 3 кургана 5 и 2, 3 кургана 9. К сожалению, лишь в одном случае удалось установить положение и ориентировку захороненного (погребение 1 кургана 5). Инвентарь погребений представлен только сосудами. Необычными для срубной керамики чертами выделяется сосуд из погребения 3 кургана 9. Он имеет нанесенные под углом крупные расчесы и желобчатый венчик. Эти признаки более характерны для доно-волжской абашевской культуры.

Раскопки курганов у с. Караяшник дали значительный материал сарматской эпохи, до сих пор более известной в лесостепном Подонье по случайным находкам и единичным

за 1966 г.— Архив ИА АН СССР, р.-1, 3249, а; Матвеев Ю. П. Позднекатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка (см. с. 99 настоящего сборника).

⁸ Либеров П. Д. Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции за 1972 г.— Архив ИА АН СССР, р.-1, 4809; Матвеев Ю. П. Позднекатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка, с. 101, рис. 2, 1, 2.

⁹ Раскопки 1969—1970 гг. А. Д. Прякина. Материал не опубликован. Хранится в музее археологии ВГУ.

¹⁰ Раскопки 1955—1959 гг. А. Н. Рогачева. Материал не опубликован. Хранится в Воронежском областном краеведческом музее.

¹¹ Разведка 1949 г. А. Н. Москаленко. Материал не опубликован. Хранится в Воронежском областном краеведческом музее.

погребениям¹² К сарматским относятся погребения 5 и 9 кургана 3, погребение в кургане 4, погребение в кургане 7, погребение в кургане 8, погребение в кургане 10.

Погребения 5 и 9 в кургане 3 впускные в насыпь кургана эпохи бронзы. Хронологически они близки. Их объединяет одинаковая поза и ориентировка погребенных, единообразный инвентарь и его местоположение в погребениях. Их инвентарь имеет аналогии в сарматских погребениях II Бережновского могильника¹³

В остальных курганах сарматские погребения являются основными и единственными. Собственно сарматские курганы отличаются от курганов эпохи бронзы местоположением в могильнике и размером насыпей. Все они находятся в западной части могильника на склоне. По диаметру и высоте насыпи сарматские курганы в 2—3 раза меньше курганов эпохи бронзы. Погребения находятся под центром насыпи. По инвентарю среди них наиболее близки погребения в курганах 4 и 8.

Что касается хронологии сарматских погребений Кара-яшниковского могильника, то наиболее надежную дату дает позднелатенская фибула из погребения кургана 10, относящаяся к I в. н. э.¹⁴ Бусы из египетского фаянса из погребения в кургане 4 имеют более широкий хронологический диапазон — в пределах I—II вв. н. э.¹⁵ Вероятно, этим же временем следует датировать и сосуды из погребения в кургане 8, которые имеют аналогии в комплексах захоронений I—II вв. н. э. некрополя Танаиса¹⁶ и в сарматских погребениях Нижнего Поволжья¹⁷. Агатова подвеска из того же погребения близка подвескам из сарматской катакомбы I—II в. н. э. в районе

¹² Смирнов А. П. Новый сарматский могильник в Воронежской области.— ВДИ, 1940, 3—4, с. 363—366; Шоков А. Ф. К сарматским памятникам на Дону.— «Известия ВГПИ». Воронеж, 1958, т. XXVI, с. 189—194; Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области.— СА, 1961, 2, с. 242—246; Корнющин Г. И. Сарматский меч из Воронежской области.— СА, 1961, 2, с. 246—247.

¹³ Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, 1960, 78, с. 34, рис. 9, 7; с. 37, рис. 13, 3.

¹⁴ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, Д1-30, 1966, с. 43.

¹⁵ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, Г1-12, 1975, с. 33—34.

¹⁶ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса.— МИА, 1961, 98, с. 28, табл. XXV, 2; с. 31, табл. XVI, 3.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— МИА, 1959, 60, с. 260, рис. 22, 1.

малой Кабардинской оросительной системы¹⁸ Итак, сарматские погребения Караяшниковского могильника можно датировать I—II вв. н. э. Их наличие свидетельствует о том, что южные районы лесостепного Подонья входили в первых вскал нашей эры в ареал сарматских кочевий.

Еще два погребения Караяшниковского могильника (курганы 2 и 6) оставлены поздними кочевниками. На это указывает происходящий из погребения в кургане 6 наконечник стрелы, датируемый золотоордынской эпохой¹⁹ и свернутая из листовой бронзы чашечка²⁰ Не противоречит такому заключению и северо-восточная ориентировка погребенного²¹ Что же касается железных удилищ из разрушенного погребения кургана 2, то они бытуют в широком хронологическом диапазоне. Но обнаружение в данном погребении треугольной подвески из листовой бронзы, аналогичной подвеске из уже рассмотренного кургана 6, свидетельствует о культурной и хронологической близости обоих курганов. Эти захоронения имеют аналогии в половецких погребениях урочища Каменная балка, которые С. А. Плетнева датирует XIII—XIV вв.²²

¹⁸ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, рис. 31.

¹⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы по владычеству золотоордынских ханов. М., 1966, с. 26, рис. 3, тип В IX; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие.—САИ, Е1—36, 1966, с. 75—76, табл. 30, 64—65.

²⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч., с. 88, рис. 55, тип В IV

²¹ Сеницын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.)—МИА, 1959, 60, с. 40—41.

²² Плетнева С. А. Половецкие погребения в урочище Каменная Балка.—В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962, с. 137.

БЕЛОГОРСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КОНЦА I ТЫС. Н. Э. НА Р. ВОРОНЕЖЕ

Еще на основании дореволюционных раскопок¹ и работ экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры² на Среднем Дону сложилось определенное представление о погребальном обряде донских славян в конце I тыс. н. э. (боршевская культура). П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечали, что для погребального обряда донских славян характерны трупосожжения за пределами насыпи, деревянные конструкции в виде оградок и камер, куда помещался прах умерших, и если нет в курганах камер и оградок, то они, по мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, просто не сохранились из-за неблагоприятных почвенных условий³. В силу этого даже те отклонения от данного обряда, которые довольно отчетливо выступали в материалах раскопок А. И. Мартиновичем Лысогорского могильника на р. Воронеже, да и в ряде курганов, раскопанных самими авторами этой концепции, остались просто не рассмотренными.

Опираясь на материалы, полученные во время раскопок Боршевского могильника в 1963 и 1965 гг., А. Н. Москаленко пересмотрела сложившиеся представления о погребальном обряде донских славян и, взяв за основу наличие или отсутствие деревянных погребальных конструкций, выделила четыре варианта погребального обряда даже в пределах одного Боршевского могильника: 1) курганы с камерой и оградкой; 2) курганы только с камерой; 3) курганы только с оградкой; 4) курганы без оградки и без камеры⁴. Относительно могиль-

¹ Спицын А. А. Новые сведения о городищах дьякова типа.— В кн.: Записки отделения русской и славянской археологии, т. VII, вып. 1. Спб., 1905; «Воронежская губерния». Исследования А. А. Спицына.— В кн.: Отчет ИАК за 1905 год. Спб., 1908; Мартинович А. И. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 году. «Труды ВУАК», 1908, вып. IV.

² Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону.— МИА, 1948, 8.

³ Там же, с. 112.

⁴ Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966, с. 135—136; Она же. К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения Среднего и Верхнего Дона.— В кн.: Восточные славяне и их соседи. М., 1970.

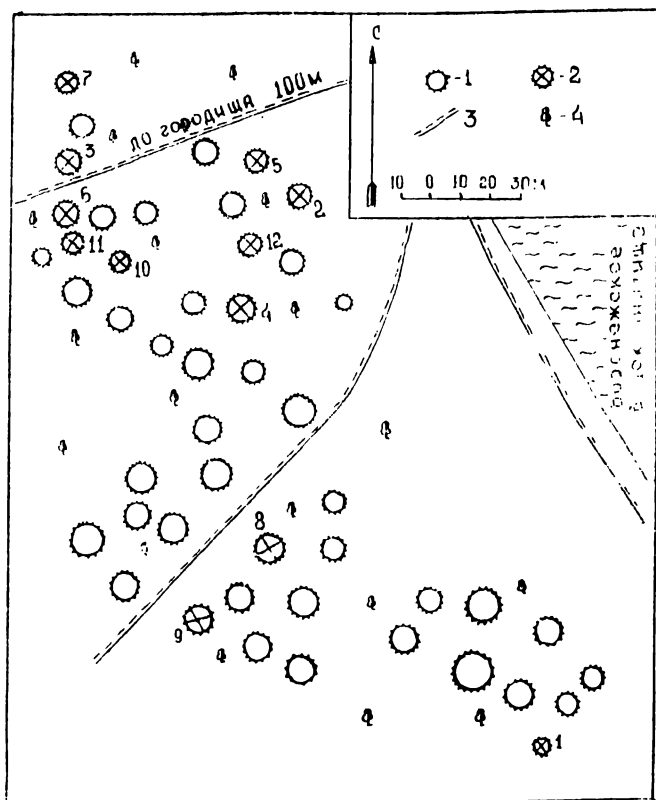

Рис. 1. Общий план Белогорского могильника: 1 — нераскопанные курганы; 2 — раскопанные курганы; 3 — тропинки; 4 — лес

ников, расположенных на р. Воронеже, имея в виду прежде всего Лысогорский могильник, она отмечает некоторые особенности, характерные для них: зольные прослойки, наличие золы и углей в насыпи, более частая встречаемость, чем в Боршевском могильнике; посуды салтово-маяцкого типа⁵. В этом отношении весьма показательными являются материалы, полученные в результате раскопок Белогорского курганного могильника. Белогорский могильник входит в комплекс памятников конца I тыс. н. э., который представлен двумя

⁵ Москаленко А. Н. К вопросу о погребальном обряде..., с. 109.

городищами и двумя могильниками, расположенными в районе Белой горы в Рамонском районе Воронежской области, в 8 км от г. Воронежа вверх по течению реки Воронеж (Воронежское водохранилище).

Белогорский могильник занимает высокое плато правого берега реки (водохранилища) примерно в 100 м на юго-запад от известного Белогорского городища (рис. 1)⁶. Весь могильник занимает площадь 135×270 м. Он насчитывает 48 насыпей, располагающихся как бы двумя неодинаковыми группами. В первой курганной группе, насчитывающей 39 насыпей, нет устойчивой закономерности в их расположении. Во второй группе, отстоящей от первой на расстоянии 25—30 м, насчитывающей 9 курганов, насыпи располагаются в две линии, попарно, лишь в одной из них имеется три кургана. Все курганы сильно поросли лиственным лесом, что в какой-то степени затруднило их исследование. Высота курганов 0,65—1,5 м., диаметр—6—12 м. Кольцевых ровиков вокруг курганов нет, но в большинстве из них ровики прослеживаются с одной или с двух сторон. Курганы имеют несколько уплощенную форму с довольно пологими склонами.

Белогорский могильник был обследован вместе с другими славянскими памятниками на р. Воронеже Е. Л. Марковым, но никаких археологических работ им проведено не было⁷. Более подробно об этом могильнике стало известно после разведки археологической экспедиции ВГУ⁸. Затем в течение нескольких полевых сезонов (1967, 1972, 1974, 1976 гг.) славянским отрядом археологической экспедиции ВГУ раскопано 12 курганов, предварительные сообщения о которых уже имеются в печати⁹.

⁶ Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронежем.— В кн.: Из истории Воронежского края, вып. 6. Воронеж, 1977.

⁷ Марков Е. Л. Хазарские городища на реке Воронеж.— «Русский вестник», 1891, ноябрь.

⁸ Москаленко А. Н., Винников А. З. Древнерусские археологические памятники на Верхнем и Среднем Дону (Материалы к археологической карте).— В кн.: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966, с. 73. Здесь же было ошибочно указано, что первая группа (северная) насчитывает более 50 насыпей, фактически, как уже указано,— 39.

⁹ Москаленко А. Н., Винников А. З. Городище и курганный могильник на Белой горе под Воронежем. АО 1967 года. М., 1968 г.; Винников А. З. Раскопки на Белой горе под г. Воронежем. АО 1972 года. М., 1973; Он же. Раскопки славянских памятников на р. Воронеж. АО 1974 года. М., 1975; Винников А. З., Мойса И. П. Раскопки славянских памятников на р. Воронеж. АО 1976 года. М., 1977.

Курган 1. Его высота 0,8 м, диаметр 10 м. С северной стороны насыпи прослежены остатки ровика. На глубине около 0,2 м по всей насыпи встречены угли, которых особенно было много в юго-западном секторе ближе к центру кургана. На различной глубине встречались фрагменты стенок от лепных сосудов салтово-маяцкого облика. На поверхности погребенной почвы выявлены три участка сильно обожженной земли, содержащей большое количество углей. Размеры этих площадок 0,55—1,2 м × 1,5—2 м. Они концентрируются ближе к центру кургана. Толщина слоя обожженной почвы 8—12 см. Почва под этими площадками сильно прокалена. Кальцинированных костей ни на одной из них не обнаружено.

Остатки погребения находились в юго-восточной части кургана на уровне погребенной почвы рядом с площадкой обожженной земли. Оно представляло собой скопление кальцинированных костей, под которыми погребенная почва была прокалена на глубину 0,05—0,08 м. На расстоянии 0,3 м от него стоял кувшин салтово-маяцкого типа (рис. 2, 1).

Курган 2. Высота 1,2 м, диаметр 10 м. С северо-западной стороны прослежены остатки ровика, ширина которого 1,5—2 м, глубина — 0,25—0,35 м. В ровике найден кусок железного шлака. На глубине 0,2 м во всей восточной половине кургана встречены отдельные угольки. Здесь же обнаружены два фрагмента от сосудов салтово-маяцкого типа. Остатки погребения выявлены в восточной половине кургана на погребенной почве. Оно представляло собой скопление кальцинированных костей. Сосуда в этом кургане не было.

Курган 3. Высота 1,4 м, диаметр 8,2 м. С южной стороны насыпи прослежен ровик шириной 3,7 м, глубиной 0,5 м. В верхней части насыпи кургана, в его северной половине, встречены отдельные угольки. В 0,75 м к югу от центра кургана почти под самым дерном найдены фрагменты раздавленного гончарного горшка салтово-маяцкого типа. На разной глубине и в разных частях насыпи кургана, в том числе и на слое погребенной почвы выявлены углисто-зольные скопления толщиной 0,03—0,1 м. Остатки погребения в виде скопления кальцинированных костей были обнаружены в восточной части насыпи, на расстоянии 1,4 м от центра по линии 3—В на поверхности погребенной почвы. Вместе с костями лежало несколько фрагментов от гончарного салтовского горшка. В 0,7 м к востоку от скопления костей стоял кувшин салтово-маяцкого типа (рис. 2, 2). Вокруг кувшина встречено несколь-

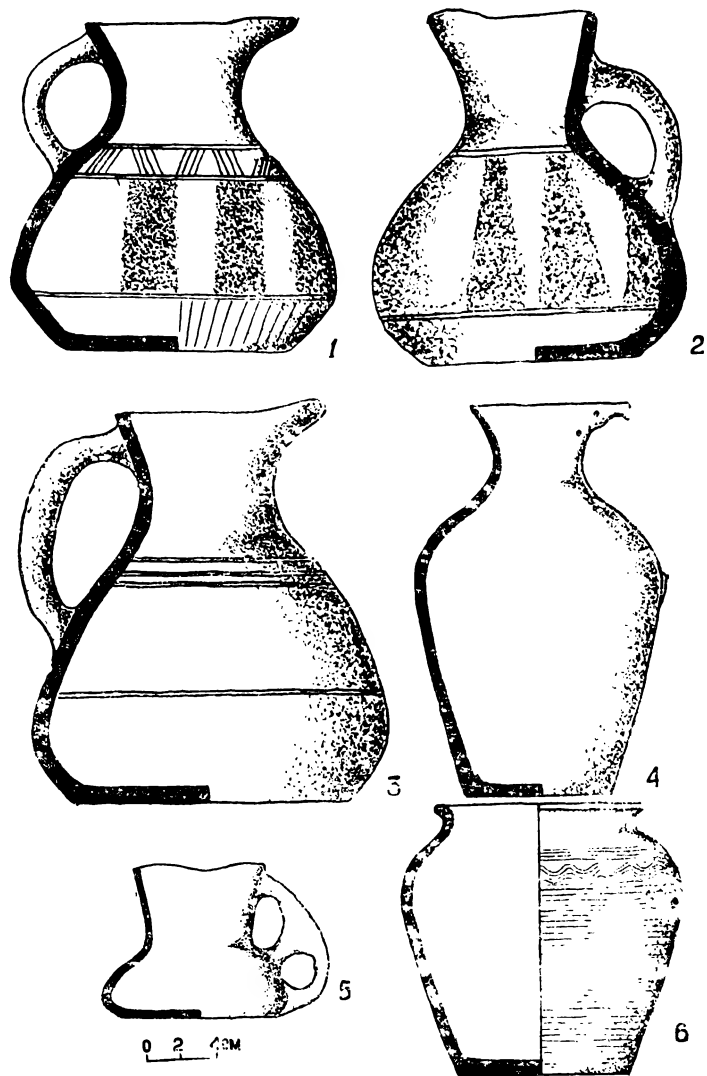

Рис. 2. Керамика Белогорского могильника

ко угольков. В южной части кургана, у самой его полы расчищена небольшая яма ($0,5 \times 1,3$ м, глубина ее материкового основания 0,2 м), заполненная углями и золой¹⁰, стенки и пол ямы сильно прокалены.

Курган 4. Высота его 1,15 м, диаметр — 8 м. В восточной половине кургана в верхней части насыпи на глубине 0,3 м встречены отдельные угольки, а в северо-западной части на этой же глубине выявлено угольное пятно ($1 \times 1,5$ м, толщиной 0,04 м). В насыпи обнаружены фрагменты от разных лепных сосудов. Остатки погребения в виде скопления кальцинированных костей выявлены в восточной половине кургана на уровне погребенной почвы. На расстоянии 0,5 м к востоку стоял кувшин салтово-маяцкого типа (рис. 2, 3).

Курган 5. Высота 0,9 м, диаметр его 6 м. С южной стороны прослежены остатки ровика, ширина которого 1,5—2,2 м, глубина 0,5—0,6 м. В насыпи кургана встречены отдельные угольки и отдельные фрагменты стенок гончарных сосудов. В северо-восточной части кургана, на расстоянии 1,6 м от его центра обнаружены два сосуда, заполненные кальцинированными человеческими костями. Один из них представлял собой высокий красноглиняный сосуд кувшинообразной формы, без ручек, верх у него отсутствовал (рис. 3, 7), второй — горшок боршевского типа (рис. 3, 4). Небольшое количество костей находилось рядом с сосудами.

Курган 6. Высота 1 м, диаметр его 7,5 м. С западной стороны к насыпи примыкает ровик, ширина которого около 1,5 м, глубина 0,3—0,4 м. В насыпи встречены отдельные угольки. Погребение обнаружено на уровне погребенной почвы в восточной части кургана на расстоянии 1,3 м, от центра. Оно представляло собой скопление кальцинированных костей без сосуда.

Курган 7. Высота его 0,8 м, диаметр около 7 м. С западной стороны прослежен ровик, ширина которого около 2 м и глубина в материке 0,3—0,4 м. В насыпи обнаружены отдельные угольки. Остатки погребения выявлены в восточной половине кургана на расстоянии 0,8 м, от центра. Оно представляло собой скопление кальцинированных костей. Здесь же находился раздавленный гончарный горшок салтово-маяцкого типа (рис. 2, 6).

¹⁰ В заметке Москаленко А. Н., Винникова А. З. «Городище и курганный могильник на Белой горе под Воронежем» вкралась досадная опечатка: яма заполнена не золотом, как напечатано на странице 62, а золой.

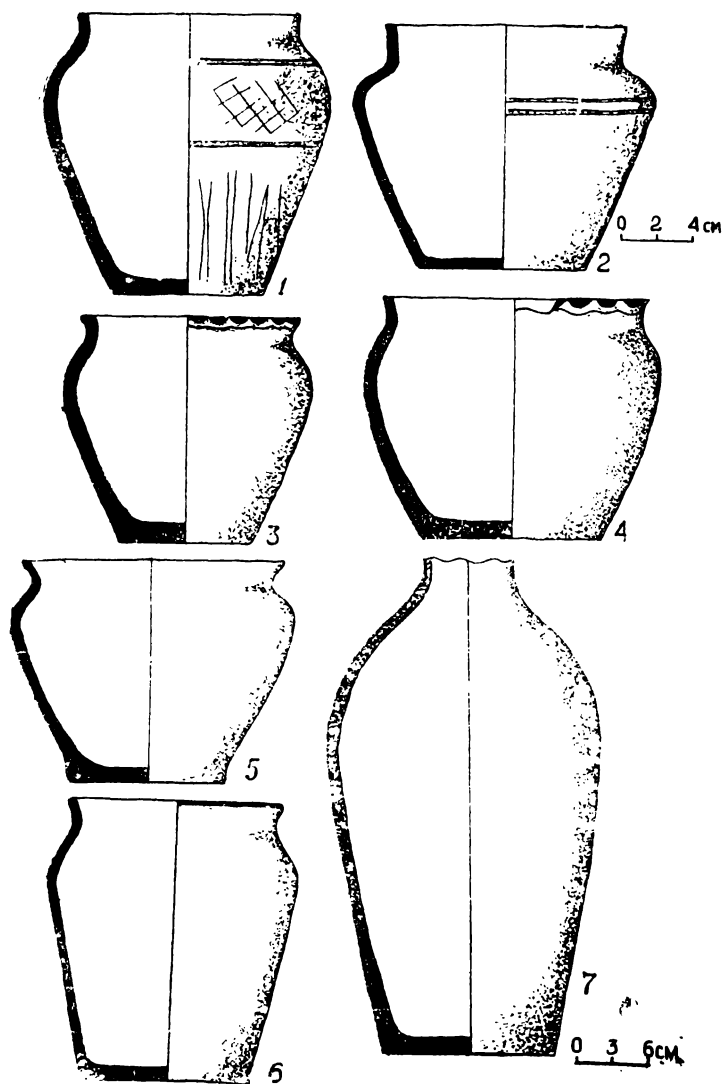

Рис. 3. Керамика Белогорского могильника

Курган 8. Высота его 0,7 м, диаметр 7,5 м. С восточной стороны прослежены следы ровика, глубина которого в материке 0,4 м. В насыпи встречены угольки и фрагменты лепных сосудов. В восточной части насыпи выявлены углесто-золевые скопления (остатки кострищ?). В юго-восточной части на расстоянии около 1,6 м от центра кургана обнаружено погребение: горшок боршевского типа (рис. 3, 3), доверху заполненный кальцинированными костями. В заполнении сосуда, кроме костей, был найден сильно корродированный железный предмет.

Курган 9. Высота его 0,9 м, диаметр 8 м. В насыпи кургана встречены угольки, особенно их много в верхней части насыпи. На глубине 0,2—0,6 м в различных частях насыпи кургана выявлены четыре угольных скопления толщиной 4—5 см, площадью 0,25—0,6 м×1,1—1,5 м. Три из этих скоплений выявлены в восточной половине кургана. На одном из них находились мелкие кальцинированные косточки. Здесь же, в восточной половине кургана, на уровне погребенной почвы обнаружены две сильно обожженные деревянные плахи (длина 0,9 м, ширина 0,15 м, толщина 0,07 м). Земля вокруг и под плахами совершенно не прокалена. Создается впечатление, что эти плахи были принесены с погребального костра. Здесь же находилось три сосуда. Вполне возможно, что они стояли внутри деревянной конструкции, от которой сохранились две плахи. Два из них представляют собой обычные горшки боршевского типа, в одном (рис. 3, 5) были обнаружены крупные угли, в другом (рис. 3, 6) — кальцинированные кости. В третьем — горшке волынцевского типа (рис. 3, 1) найдено несколько угольков. Рядом с сосудами находились кальцинированные кости — остатки кремации. Все сосуды стояли на погребенной почве.

Курган 10. Диаметр кургана 6 м, высота 0,65 м. Ровика вокруг кургана нет. В насыпи встречены отдельные угольки. Погребение выявлено в восточной части. Оно представляло собой небольшое скопление кальцинированных костей, рядом с которым находилась салтовская кружка с зооморфной ручкой (рис. 2, 5).

Курган 11. Высота его 1,35 м, диаметр 7 м. В юго-восточной части насыпи на уровне погребенной почвы выявлена линия угольков длиной 2,5 м, идущая строго по периметру кургана. В восточной части кургана на глубине 1,2 м (на уровне погребенной почвы) находились два скопления кальцинированных костей, примыкающих почти вплотную

друг к другу, но в то же время довольно четко отделенных одно от другого. Рядом с одним из них стоял лощеный сосуд волынцевского типа (рис. 3, 2), с другим — красноглиняный гончарный кувшин (рис. 2, 4). Вероятно, перед нами два захоронения.

Курган 12. Высота кургана 0,85 м, диаметр 8 м. С северо-восточной стороны выявлены остатки ровика глубиной 0,5 м. Небольшая линия угольков длиной 1,15 м обнаружена в западной части кургана на глубине 0,55 м. Погребение находилось в восточной половине кургана, ближе к центру на глубине 0,78 м (вероятно, на уровне погребенной почвы). Оно представляло собой скопление кальцинированных костей вперемежку с угольками. Почва под ними не обожжена. Сосуда не было.

Двенадцать курганов Белогорского могильника были раскопаны в различных его частях. Они составляют 25% всех насыпей, имеющих в могильнике и могут дать сравнительно правильное и полное представление о погребальном обряде населения, оставившего эти курганы.

Во всех двенадцати курганах при некотором различии отдельных элементов погребального обряда обнаруживается ряд общих, наиболее характерных черт, присущих данному могильнику. Из таблицы 1, в которую сведены все элементы погребального обряда, выявленные в раскопанных курганах, видно, что для них характерны: трупосожжение за пределами кургана; помещение кальцинированных костей, тщательно очищенных от земли и золы в восточной половине на уровне погребенной почвы; наличие отдельных угольков и небольших их скоплений в насыпи; полное отсутствие какого-либо инвентаря, за исключением керамики в ряде курганов и двух сильно корродированных невыразительных железных предметов; нет деревянных погребальных конструкций, за исключением 9-го кургана, где были расчищены деревянные обожженные плахи, вероятно, принесенные в обожженном виде, так как нет следов костра; все сосуды, встречающиеся в курганах, имеют следы употребления в хозяйстве.

Таким образом, мы видим довольно стабильный погребальный обряд. Принципиальное различие в ряде курганов наблюдается только в керамическом материале, встреченном в том или ином кургане или в группе курганов. Уже в силу этого обстоятельства керамический комплекс, обнаруженный в Белогорском могильнике, требует специального рассмотрения.

№ кургана	Диаметр (м)	Высота (м)	Ровики	Угли в насыпи	Углисто-зольные прослойки в насыпи	Керамика в насыпи	Кальцинированные кости на погребенной почве	Погребение в восточной части насыпи	Керамика			Без сосуда	Остатки тризны	Кости кальцинированные в сосуде	Деревянные конструкции	Угли в сосуде	Подкурганные ямы с ритуальным костром
1	10	0,8	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+					
2	10	1,2	+	+		+	+	+	+	+		+					
3	8,2	1,4	+	+	+	+	+	+	+	+			+				+
4	8	1,15	+	+		+	+	+	+	+				+			
5	6	0,9	+	+		+	+	+	+	+		+					
6	7,5	1	+	+		+	+	+	+	+		+					
7	7	0,8	+	+			+	+	+	+							
8	7,5	0,7	+	+	+		+	+	+	+				+			
9	8	0,9	+	+	+	+	+	+	+	+				+	+	+	
10	6	0,65	+	+			+	+	+	+							
11	7	1,35	+	+			+	+	+	+	+						
12	8	0,85	+	+			+	+	+	+	+	+					

Керамика Белогорского могильника делится на четыре группы: керамика салтово-маяцкого типа; волынцевская; славянская (боршевская) и кочевническая. Салтово-маяцкая керамика представлена различными формами: кувшины, горшки и одна кружка с зооморфной ручкой. Кувшины представлены четырьмя экземплярами. Обнаружены они в курганах 1, 3, 4 и 11. Три из них довольно стандартной формы (рис. 2, 1—3). Относятся они ко второму типу кувшинов салтово-маяцкой культуры по классификации С. А. Плетневой¹¹. У всех у них прямое, сравнительно высокое горло со сливом. Ручки прикреплены одним концом к тулову, другим к горлу сосуда. Все три кувшина имеют довольно некачественное темное лощение. Два из них (курганы 1, 3, рис. 2, 1—2) орнаментированы вертикальными пролощенными широкими полосами, кроме того, кувшин из кургана 1 в верхней части тулова орнаментирован одним рядом косых насечек, заключенных между горизонтальными врезными линиями. Третий кувшин (курган 4, рис. 2, 3), кроме нескольких горизонтальных врезных линий на тулове сосуда, никакого орнамента не имеет. Лощение на этом кувшине сохранилось очень плохо. Четвертый кувшин, обнаруженный на Белогорском могильнике (курган 11, рис. 2, 4), принадлежит к кувшинам четвертого типа салтово-маяцкой культуры по классификации С. А. Плетневой¹². Он сделан из хорошо промешанного теста, имеет очень тонкие, ярко-оранжевого цвета стенки, ручка не сохранилась, но видны места ее крепления: вверху у самого края горла и внизу — почти на середине сосуда. Это была высокая, довольно тонкая ручка. Венчик кувшина изогнут в виде энохоевидного слива, вокруг которого имеется несколько небольших отверстий (или следы ремонта, или для каких-то иных целей). Эти кувшины, как указывает С. А. Плетнева, не имеют такого широкого распространения на памятниках салтово-маяцкой культуры, как ранее рассмотренные¹³. Встречены они в единичных экземплярах в Саркеле, Таматархе¹⁴ и на других памятниках салтово-маяцкой культуры. С. А. Плетнева подчеркивает, что

¹¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, 142, с. 115.

¹² Там же, с. 116.

¹³ Там же.

¹⁴ Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 38, рис. 22, 8.

кувшины этого типа, «судя по необычайной однотипности, изготовлены в одной из мастерских какого-то южного приморского города, где особенно сильно сказывалось римско-византийское влияние. Из этого центра они расходились в самые отдаленные уголки территории салтово-маяцкой культуры...»¹⁵. При этом необходимо отметить, что буквально аналогичный сосуд был нами обнаружен и в одном из курганов Лысогорского могильника, также расположенного на р. Воронеж¹⁶. Таким образом, эти кувшины встречаются не только в ареале салтово-маяцкой культуры, но и в более северных районах.

Горшки салтово-маяцкой культуры представлены двумя сосудами, изготовленными на гончарном круге из плотного теста. Один из них найден в погребении кургана 7 (рис. 2, 6), другой в верхней части насыпи кургана 3. Как указывает С. А. Плетнева, горшки данного типа характерны главным образом для степных болгарских памятников VIII—IX вв., а на северных лесостепных поселениях встречаются в самых нижних слоях культурного слоя¹⁷.

Одним экземпляром представлена салтовская лощеная кружка с зооморфной ручкой (рис. 2, 5), основным районом распространения которых являются верховья Северского Донца, причем, как подчеркивает С. А. Плетнева, «... это один из характернейших признаков северокавказских аланских древностей...»¹⁸.

К кругу древностей, стоящих близко к салтово-маяцким, можно отнести два сосуда волынцевского типа. Один из них (рис. 3, 1) встречен в девятом кургане вместе с двумя борщевскими горшками, о которых речь пойдет ниже. Это лощеный горшок яйцевидной формы, сделанный на гончарном круге из плотного хорошего теста. Нижняя часть сосуда орнаментирована пролощенными вертикальными полосами, а верхняя — двумя параллельными горизонтальными врезными линиями, между которыми имеется пролощенный сетчатый орнамент. Второй низкий, приземистый сосуд (рис. 3, 2) обнаружен в кургане 11 вместе с кувшином четвертого ти-

¹⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 106.

¹⁶ Винников А. З., Федосеева Н. Н. Разведка по р. Воронеж. АО 1973 года. М., 1974, с. 44.

¹⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 116.

¹⁸ Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 211.

па, о котором мы уже говорили. Этот сосуд сделан также из хорошего плотного теста, имеет лощенные поверхности, орнаментированные двумя параллельными горизонтальными врезыми линиями.

Славянская (боршевская) керамика с Белогорского могильника представлена четырьмя сосудами, которые в соответствии с нашей классификацией славянской керамики Подонья можно разделить на три типа: четвертый, шестой и восьмой¹⁹. К четвертому типу относятся два сосуда (курганы 8 и 9). Это горшки приземистой формы с коротким отогнутым наружу венчиком. Вылеплены они из теста с примесью шамота и песка, поверхности их бугристые. Оба они орнаментированы только по верху венчика. Один вдавленными палочками (рис. 3, 4), другой — пальца (рис. 3, 5). К шестому типу можно отнести один горшок (курган 9) удлинённых пропорций, с хорошо выраженными приподнятыми плечиками и коротким, почти прямым венчиком (рис. 3, 6). У этого горшка в тесте имеются растительные примеси, поверхности его неплохо заглажены. На нем нет никакого орнамента. Восьмой тип так же, как и шестой, представлен одним сосудом (курган 5). Это горшок яйцевидной формы с резко отогнутым коротким венчиком. Он орнаментирован по верху венчика пальцевыми зажимами (рис. 3, 3).

Следует остановиться на характеристике еще одной группы керамики Белогорского могильника, представленной одним сосудом, который, на наш взгляд, связывается с кочевнической посудой (курган 5, рис. 3, 7). Это довольно большой сосуд кувшинообразной яйцевидной формы высотой 41 см, имеющий наибольший диаметр в средней части тулова — 22 см. Сосуд изготовлен без гончарного круга из довольно плотного теста с примесью крупного песка-кварца, и, возможно, растительной примеси. Трудно определить его форму, так как самый верх венчика у него обломан, тулово не орнаментировано. Поверхность как внутри, так и снаружи ярко оранжевого цвета. Близкий по форме сосуд обнаружен С. А. Плетневой в одном из погребений по обряду трупосожжения в Дмитровском могильнике²⁰.

¹⁹ Винников А. З. Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (по керамическому материалу). Автореф. канд. дис. М., 1974.

²⁰ Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья. — В кн.: Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию Арсения Владимировича Арциховского. М., 1972, с. 117, рис. 5, 2.

Чем же можно объяснить наличие столь разнохарактерного керамического материала, обнаруженного на Белогорском могильнике? Необходимо сразу отметить, что такой многочисленной серии сосудов салтово-маяцкого типа нет ни на одном из боршевских памятников, расположенных на р. Дон. На это в литературе уже обращалось внимание²¹. Белогорский могильник, безусловно, связан с Белогорским городищем и оставлен его населением. Говоря об этническом составе населения Белогорского городища, мы подчеркивали его сложность. Наличие в коллекции Белогорского городища в достаточно большом количестве кухонной салтово-маяцкой посуды, салтовские жилища с открытыми очагами, выявленные на Белогорском городище²², — все это не оставляет сомнения в том, что отдельные группы алаано-болгар проникали в славянский мир. Проникновение алаано-болгарского населения на славянскую территорию связано, вероятно (как подчеркивала Плетнева С. А.), с разгромом печенегими салтово-маяцкой культуры в первой половине X в.²³

Материалы Белогорского городища в какой-то степени подтверждают это²⁴. Причем, необходимо подчеркнуть, что алаано-болгары, продвигаясь на север, оставили в стороне донские поселения славян (Боршевские городища, городище у хутора Титчиха и др.), которые находились в непосредственной близости от степей и сами, вероятно, подвергались набегам со стороны кочевников, о чем свидетельствуют довольно мощные оборонительные сооружения Титчихинского городища, сооруженные во второй половине X в.²⁵, избрав для себя более северные и более безопасные поселения, расположенные на р. Воронеже. Уже обращалось внимание на то, что салтово-маяцкая керамика Белогорского городища имеет наиболее полные аналоги на памятниках северо-донского варианта салтово-маяцкой культуры²⁶. Керамика могильника этому не только не противоречит, но дает дополнительные аргументы.

²¹ Москаленко А. Н. К вопросу о погребальном обряде, с. 109.

²² Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронеж, с. 118 и сл.

²³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 135—143.

²⁴ Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронеж, с. 135.

²⁵ Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, с. 129 и сл.

²⁶ Винников А. З. Славянское городище на Белой Горе под г. Воронеж, с. 135.

В плане славяно-салтовских контактов интересно посмотреть и на волынцевскую керамику, обнаруженную в Белогорских курганах.

И. И. Ляпушкин считает, что волынцевские памятники, а следовательно, и их керамика принадлежат одной из славянских племенных групп Левобережья Днепра, объединяемых наряду с другими в роменско-боршевскую культуру²⁷. В последнее время рядом исследователей высказано мнение, что волынцевские памятники, являясь в основе славянскими, содержат ряд черт (гончарную лощенную керамику с высоким вертикальным венчиком, наземные жилые постройки с открытыми очагами и т. д.), которые «позволяют говорить о взаимодействии в лесостепном Левобережье в VIII—IX вв. славян, составляющих основную этническую массу, и постепенно славянизирующихся алано-болгар»²⁸. С. А. Плетнева вполне справедливо подчеркивает, что горшки с высоким вертикальным венчиком являются одними из характерных типов славянской посуды, но техника их изготовления (гончарный круг, лощение) — салтовская²⁹. Именно в этом плане и нужно рассматривать эту посуду, во всяком случае применительно к памятникам боршевского типа.

Горшки с высоким вертикальным венчиком известны на Большом и Малом Боршевских городищах, на Боршевском могильнике³⁰, на городище у хутора Титчиха³¹, но на данных памятниках эта посуда не имеет следов лощения и изготовлена без гончарного круга. Что касается Белогорского городища, где выявлен тесный контакт славян и алано-болгар, то здесь картина несколько иная. Во-первых, горшки с высоким вертикальным венчиком (волынцевского типа) встречаются здесь гораздо чаще³², во-вторых, на Белогорском городище встречаются горшки с лощением, изготовленные на гончарном круге. Поэтому нет ничего удивительного, что по-

²⁷ Ляпушкин И. И. К вопросу о памятниках волынцевского типа.— СА, 1959, XXIX—XXX, с. 87 и сл.

²⁸ Горюнов Е. А. О памятниках волынцевского типа.— КСИА, 1975, 144, с. 8—9.

²⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 121.

³⁰ Ефименко П. П. и Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону, с. 41, табл. IV; с. 84, табл. XIII.

³¹ Москаленко А. Н. Городище Титчиха, с. 106, рис. 32.

³² На Титчихинском, Большом и Малом Боршевских городищах эти горшки составляют не более 3% от всех горшковидных сосудов, а на Белогорском — 8% (см. Винников А. З. Славяне Верхнего и Среднего Подонья VIII—X вв. (по керамическому материалу), с. 11 и сл.).

Группы			Группы		
№ кургана			№ кургана		
Диаметр (м)			Диаметр (м)		
Высота (м)			Высота (м)		
Ровики			Ровики		
Угли в насыпи			Угли в насыпи		
Углисто-зо- льные прослойки в насыпи			Углисто-зо- льные прослойки в насыпи		
Керамика в на- сыпи			Керамика в на- сыпи		
Кальцинирован- ные кости на погребенной почве			Кальцинирован- ные кости на погребенной почве		
Погребение в восточной час- ти насыпи			Погребение в восточной час- ти насыпи		
Керамика			Керамика		
сальтовская			сальтовская		
славянская			славянская		
волинцевская			волинцевская		
очевниче- ская			очевниче- ская		
Без сосуда			Без сосуда		
Остатки тринны			Остатки тринны		
Кальцинирован- ные кости в со- суде			Кальцинирован- ные кости в со- суде		
Деревянные конструкции			Деревянные конструкции		
Угл. в сосуде			Угл. в сосуде		
Подкурганные ямы с риту- альными кострами			Подкурганные ямы с риту- альными кострами		

добные сосуды встречены и в Белогорских курганах, причем один сосуд вместе с салтовским кувшином, другой — со славянскими горшками. Материалы, выявленные на Белогорском городище и могильнике, подтверждают точку зрения С. А. Плетневой и Е. А. Горюнова на славяно-салтовские взаимоотношения, причем, если в Левобережье Днепра в результате этих контактов появляются памятники волынцевского типа, то в бассейне Дона, в частности на р. Воронеже, картина несколько иная. Для понимания этого вопроса немалое значение имеют материалы Белогорского могильника.

Что касается славянской (боршевской) керамики, то она в основных чертах является типичной для славянских памятников Подонья и имеет некоторые свои особенности (растительные примеси и песок-кварц в тесте сосудов). Эта керамика идентична керамике, встреченной на Белогорском городище, населением которого оставлен рассматриваемый нами могильник и, безусловно, славянская керамика в могильнике связана со славянским населением, жившем на городище.

Все раскопанные курганы Белогорского могильника делятся на три группы: курганы с салтово-маяцкой посудой; курганы со славянской (боршевской) керамикой; курганы, в которых погребения не имели сосуда (табл. 2). К первой группе курганов, т. е. с салтово-маяцкой керамикой, относятся курганы 1, 3, 4, 7, 10, 11, в которых встречена исключительно керамика салтово-маяцкого облика и один сосуд волынцевского типа (курган 11). Вместе с теми общими элементами погребального обряда, характерными для всех курганов, о которых речь шла выше, курганы этой группы имеют и некоторые свои особенности: все курганы содержат одиночные захоронения, за исключением кургана 11, где встречены два скопления кальцинированных костей с двумя сосудами. В этой группе несколько выделяется курган 3. В самой верхней его части, в центре обнаружен гончарный салтовский горшок, вероятно, остатки тризны, в южной половине кургана выявлена яма с остатками ритуального костра. Ко второй группе курганов, т. е. курганов со славянской (боршевской) керамикой относятся курганы 5, 8, 9. Среди них лишь в одном кургане (8) встречен только сосуд боршевского типа. В двух других курганах боршевские горшки обнаружены вместе с другими: в 5-м кургане был кочевнический сосуд, в 9-м вместе с двумя боршевскими стоял волынцевский горшок. Таким образом, в данной группе в от-

личие от первой почти нет чистых керамических комплексов. В одном из курганов (9) встречены обгорелые плахи — возможно, это остатки каких-то деревянных конструкций, столь характерные для донской группы славянских памятников боршевской культуры. Одной из особенностей данной группы является заполнение сосудов кальцинированными костями. По другим элементам погребального обряда эта группа курганов не отличается от первой. Третья группа курганов (2, 6, 12), характеризующаяся отсутствием каких-либо сосудов, имеет некоторые особенности: ни в одном из трех курганов не прослежено углисто-зольных прослоек, хотя во всех трех встречены угольки; не встречены в насыпи курганов фрагменты керамики.

Таким образом, несмотря на столь различный керамический материал, обнаруженный в Белогорских курганах, погребальный обряд, при незначительном различии, является довольно стабильным. Все основные элементы обряда являются славянскими (трупосожжение на стороне, насыпка кургана, помещение кальцинированных костей в восточной половине кургана на уровне погребенной почвы и т. д.) и единственное, что в ряде курганов является неславянским — это салтово-маяцкая посуда, которая ни в одном случае не встречена вместе со славянской (боршевской) керамикой.

В то же время необходимо заметить, что многое из погребального обряда, выявленного на Белогорском могильнике, не является совершенно чуждым и населению салтово-маяцкой культуры. Трупосожжение, как это подчеркивала С. А. Плетнева, является одним из вариантов погребального обряда некоторых групп салтово-маяцкого населения, для похоронного ритуала которого вообще весьма характерен культ огня³³. В последние годы интересные раскопки ранне-средневекового могильника VIII—X вв. у с. Сухая Гомольша в Харьковской области проводит В. К. Михеев. Материалы раскопок, к сожалению, не опубликованы, но, судя по кратким информациям, этот грунтовый могильник является смешанным, славяно-салтовским, и все погребения совершены по обряду трупосожжения в ямах или в урнах³⁴, причем

³³ Плетнева С. А. От кочевий к городам, с 100—102.

³⁴ Михеев В. К., Дегтярь А. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса. АО 1973 года. М., 1974; Михеев В. К., Дегтярь А. К. Продолжение раскопок Сухогомольшанского комплекса. АО 1974 года. М., 1975; Михеев В. К., Дегтярь А. К. Раскопки Сухогомольшанского могильника. АО 1975 года. М., 1976.

трупосожжение производилось на стороне³⁵. Захоронения под курганными насыпями также встречаются у салтово-маяцкого населения³⁶. Таким образом, основные элементы погребального обряда Белогорского могильника имеют параллели в ряде комплексов салтово-маяцкого круга. Это отнюдь не означает, что вскрытые курганы на Белогорском могильнике, содержащие салтовскую посуду, оставлены населением салтово-маяцкой культуры. Для такого утверждения требуются, вероятно, дополнительные материалы. Во всяком случае, элементы славяно-салтовского смешения, очень тесного контакта этих двух этносов в данном районе безусловно имеются, и материалы Белогорского могильника служат тому подтверждением.

Белогорские курганы не имеют других материалов, кроме керамики, для их датировки. В целом данный могильник можно датировать тем же временем, что и Белогорское городище IX—X вв.³⁷ Первую группу курганов, содержащую только салтовскую керамику, можно датировать временем появления на городище салтово-маяцкого населения, т. е. не ранее X в.³⁸ Курганы, не имеющие керамики, возможно, датируются более ранним временем.

В результате анализа материалов Белогорского могильника становится очевидным, что их нельзя рассматривать в свете имеющих место в литературе представлений о погребальном обряде донских славян. Изучение погребального обряда Белогорского могильника, как и других курганных могильников, расположенных на р. Воронеже, с одной стороны, свидетельствует о неоднородности славянского населения на Верхнем и Среднем Дону, на что обратила внимание еще А. Н. Москаленко³⁹, а с другой,— дает ключ к пониманию сложных этнических процессов, протекавших на юго-восточной окраине славянского мира в конце I тыс. н. э.

³⁵ Михеев В. К. Дегтярь А. К. Раскопки Сухогомольшанского комплекса, с. 309.

³⁶ Казакова Л. М., Копылов В. П., Науменко С. А. Раскопки курганов у поселка Центральный. АО 1975 года. М., 1976.

³⁷ Винников А. З. Славянское городище на Белой горе под г. Воронеж, с. 134—135.

³⁸ Там же, с. 136.

³⁹ Москаленко А. Н. О возникновении древнерусских поселений на Дону.— В кн.: Вопросы истории славян, вып. 2. Воронеж, 1966.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия.
АС — Археологический съезд.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИСНИК — Известия Саратовского Нижневолжского института крас-
ведения.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной
культуры.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МОИДР — Московское общество истории и древностей Российских.
ОАИЭ — Общество археологии, истории, этнографии и естествозна-
ния.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских инсти-
тутов общественных наук.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Труды МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь	7
Плётнева С. А. Сведения русских летописей о восточноевропейских кочевниках эпохи раннего средневековья (VII — начало X в.)	24
Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы	36
Синюк А. Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона	63
Пряхин А. Д., Горбунов В. С. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Банкирской АССР	72
Матвеев Ю. П. Позднескатакомбные погребения в кургане у пос. Ольховатка	98
Екимов Ю. Г. Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Спировы в Липецкой области	103
Сагайдак Р. Г., Старцева Т. С. Исследование кургана срубной общности у пос. Хохольский Воронежской области	114
Матвеев Ю. П., Медведев А. П. Курганы у с. Караяшник на территории Воронежской области	124
Винников А. З. Белогорский курганный могильник конца I тыс. н. э. на р. Воронеже	145
Список принятых сокращений	164

55 коп.

